

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№2 (10) 2015

Филология / Philology

ISSN 2304-7488

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
Научный журнал
Номер 2(10), 2015
Серия: Филология
Выпуск 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

д-р ист. наук **Тугужекова В. Н.**

Зам. главного редактора

канд. филол. наук **Чебачакова И. М.**
(Абакан)

Ответственный секретарь

канд. ист. наук **Данькина Н. А.**
(Абакан)

доцент кафедры современных тюркских
диалектов и литературы **Йылмаз Г. К.**
(Турция, Анкара)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23,
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ».
Телефон: 8 (3902) 22-31-71
e-mail: khaknauka@mail.ru
Зав. редакцией:

Данькина Надежда Анатольевна

ISSN 2304-7488

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Смолина И. Г. (председатель)
канд. юр. наук (Абакан)

Анжиганова Л. В.
д-р филос. наук (Абакан)

Базаров Б. В.
член-корр. РАН (Улан-Удэ)

Бичелдей К. А.
д-р филол. наук (Кызыл)

Екеева Н. М.
канд. ист. наук (Горно-Алтайск)

Салата Г. А.
канд. пед. наук (Абакан)

Худяков Ю. С.
д-р ист. наук (Новосибирск)

НАШ АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.haknii.ru>

© Министерство образования и науки
Республики Хакасия, 2015
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2015

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 48678

Подписной индекс 25199 в каталоге агентства «Роспечать»

СОДЕРЖАНИЕ

Боргоякова Т. Н.	
Глагольное аналитическое сказуемое с формантом =п тур= в хакасском языке	2
Белоглазов П. Е.	
Односложные корни-основы в хакасском языке	6
Гюзел С.	
Переводческая деятельность в процессе формирования современного чувашского письменного языка.....	11
Жумакунова Г.	
Кыргызско-монгольские лексические параллели в эпосе «Манас» по отношению к их общности и заимствованности.....	20
Йылмаз Г. К.	
Классификация тюркских языков Сибири согласно уровням угрозы их исчезновения.....	25
Каскаракова З. Е.	
Родовидовые разновидности фитонимов в хакасском языке	31
Кызласов А. С.	
О влиянии заимствованной лексики русского языка на разговорный язык хакасов (по диалектным материалам)	34
Тугужекова Т. Н.	
Морфологические особенности прилагательного хызыл в хакасском языке.....	37
Сунчугашев Р. Д.	
Об итогах качинской лингвистической экспедиции ХакНИИЯЛИ	41
Чебочакова И. М.	
О тюркских заимствованиях в русском языке: на примере некоторых групп лексики	46
Чертыкова М. Д.	
Вариантные отношения глаголов психической деятельности в хакасском языке: функциональная эквивалентность	53
Эрдем М.	
Желательное наклонение в туркменском языке	57
ПЕРСОНАЛИИ	
Кызласов А. С.	
Петр Егорович Белоглазов – исследователь современного хакасского языка	64
Чебочакова И. М.	
Радион Дмитриевич Сунчугашев – исследователь хакасской топонимии.....	68
АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ	
(на английском языке)	72
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	74
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ	75

ГЛАГОЛЬНОЕ АНАЛИТИЧЕСКОЕ СКАЗУЕМОЕ С ФОРМАНТОМ =П ТУР= В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Т. Н. Боргоякова

УДК 811.512.1

В данной статье представлены результаты исследования глагольных аналитических сказуемых, построенных путем сочетания тур= с соединительным деепричастием на =п. Формант =п тур= активно используется в хакасском языке для выражения значения дуративности и акционсартных значений.

Ключевые слова: формант, дуративный аспект, время, форма, модальные слова

В данной статье представлены результаты исследования глагольных аналитических сказуемых, построенных путем сочетания тур= с соединительным деепричастием на =п. Этот тип сказуемых представляет собой один из распространенных средств выражения семантики длительности в тюркских языках Южной Сибири и получил довольно полное описание в таких языках как шорский, алтайский, тувинский. Имеются некоторые сведения о нем в хакасском языке [1; 2, с. 425; 3]. Целью этой статьи является выявление и описание функционально-семантических особенностей этого сочетания (=п тур=) в поле прошедшего времени на материале хакасского языка.

Материалом исследования служат собранные методом сплошной выборки из оригинальных произведений глагольные аналитические конструкции с формантом =п тур=, выполняющие функцию конечного сказуемого простого предложения или главной предикативной единицы полипредикативной конструкции. Наша картотека состоит из примеров, извлеченных из художественных произведений хакасских авторов, а также из полевых записей, которые были сделаны для выявления функции бытийного глагола тур= в живой разговорной речи носителей языка.

Объектом исследования являются глагольные аналитические сказуемые, состоящие из двух компонентов: знаменательной части в форме соединительного деепричастия на =п/=ын/=ин и вспомогательной части, выраженной вспомогательным глаголом тур=.

В этом сочетании деепричастный компонент является носителем лексического значения всей конструкции, а вспомогательный глагол – носителем служебной грамматической семантики. В хакасском языке это сочетание, как и в некоторых других тюркских языках [4, с. 12; 5, с. 75], употребляется для выражения длящегося действия или состояния.

При описании семантики и функций этого форманта и его взаимодействия с временными формами изъявительного наклонения используется понятие функционально-семантического поля (далее ФСП), предложенное А. В. Бондарко [6, с. 4]. Этот термин довольно часто встречается и в тюркологии при описании глагольных аналитических образований [7].

В статье используется также термин *формант*, который встречается при описании конструкций деепричастного типа на материале других тюркских языков [8; 9, с. 279; 10]. Мы используем его применительно к тем глагольным аналитическим образованиям деепричастного типа, которые достигли высокой степени грамматикализации, но остаются раздельнооформленными, в данном случае для сочетания =п тур=. Показатель деепричастия на =п и вспомогательный глагол тур= вместе выступают в качестве средства выражения способа глагольного действия, а также и для выполнения некоторых других функций, которые здесь рассматриваться не будут в виду того, что они не вписываются в тему данной статьи. В структурном отношении также имеет смысл ограничиться рассмотрением только бивербальных конструкций с анализируемым формантом, поскольку их

число значительно превышает другие виды конструкций, и в них наиболее ярко проявляются функционально-семантические особенности анализируемого типа глагольного сказуемого.

Статистические данные дают основание констатировать, что формант *=n тур=* проявляет наибольшую активность в поле прошедшего времени. На его долю приходится большая часть фраз нашей выборки. Однако следует отметить, что с формантом *=n тур=* сочетаются не все формы прошедшего времени, кроме того, частотность употребления распределяется неравномерно внутри временных полей. Всё сказанное свидетельствует о функционально-семантической специфике или даже о специализации форманта внутри ФСП темпоральности.

Формант *=n тур=* в ФСП прошедшего времени

В системе форм прошедшего времени хакасского языка следует различать минимум три группы синтезированных форм прошедшего времени, в которой первая группа связана с выражением собственно-прошедшего времени; другая – с выражением прошедшего времени, осложненного аспектуальным значением; третья группа состоит из форм, связанных с выражением модально-временных значений. Из семи синтетических форм прошедшего времени, отмеченных в грамматике хакасского языка [1, с. 425], с формантом *=n тур=* используются только три: форма прошедшего неопределенного времени на *=ган/=ген/=хан/=кен/=ан/=ен* (*чуртап тур=ган* ‘жил’); форма прошедшего обычного на *=чац/=чец, =чац/=чец* (*чуртап тур=чац* ‘жил обычно’); форма прошедшего «заглазного» на *=тыр/=тир* (*чуртап тур=тыр* ‘жил, видимо/говорят’). Рассмотрим более детально формант *=n тур=* в сочетании с этими временными формами.

Начнем с тех временных форм, которые имеют наименьшую частотность употребления в ФСП прошедшего времени. Одним из таких форм является временная форма на *=тыр*.

Глагольная аналитическая конструкция $T_v = n \text{ тур} = ч a t = тыр$

Частотность употребления форманта *=n тур=* с формой прошедшего заглазного времени на *=(n)тыр* составляет примерно

1 процент от общего количества. В нашей картотеке не обнаружены примеры, в которых временная форма стояла бы непосредственно после аналитического форманта *=n тур=*, хотя, принимая во внимание функционально-семантические особенности данной временной формы, не исключается возможность существования такого сочетания в живой разговорной речи носителей хакасского языка.

Между формантом *=n тур=* и временной формой стоит аффикс *=нчат*, образовавшийся в результате грамматикализации сочетания деепричастия на *=n* и бытийного глагола *чат=* ‘лежать’. Приведем пример.

(1) *Читтер тееснең бирде бирсинзер ойынга чыыл турчаттырлар* (КН, КХ, 118) – ‘Молодёжь по очереди то у одного, то у другого для игры собиралась=оказывается(=регулярно)’.

В этом предложении сложное глагольное сказуемое состоит из трех значимых блоков: в первом блоке формант подчеркивает регулярную повторяемость действия – (*чыыл*)=*тур=*; во втором блоке происходит расширение исходного сочетания, в котором последний компонент (*=n*) *чат=* выражает аспектуальное значение длительности действия – (*чыыл тур*)=*чат=*; в третьем блоке глагольное аналитическое сказуемое завершается показателем времени и лица – (*чыыл тур=чат*)=*тыр=лар*. Временная форма на *=тыр* выражает, что информация получена через какие-то другие источники, а, может быть, и в результате умозаключения, то есть является маркированной с точки зрения эвиденциальности. Таким образом, в этом глагольном аналитическом сказуемом каждый компонент содержит сочетание деепричастия на *=n* с соответствующим вспомогательным глаголом и выполняет свою особую роль. Одним из них является формант *=n тур=*, который находится ближе всех других форм к носителю лексического значения и выражает количественную аспектуальность – регулярную повторяемость действия. Второй показатель *=нчат* выражает обобщенное значение длительности, не осложненное никакими дополнительными оттенками смысла. Он полностью грамматикализовался и функционально является универсальным средством выражения видового значения длительности.

Таким образом, анализируемая конструкция обладает сложной семантической структурой, выражающей, с одной стороны, регулярную повторяемость действия в течение длительного периода времени в прошлом, с другой стороны – отсутствие прямой связи между говорящим и событием, о котором общается в высказывании.

Бивербальная конструкция $T_v = n \text{ тур} = \text{чаң}$

Конструкция $T_v = n \text{ тур} =$ в поле прошедшего обычного на $=\text{чаң}$ употребляется довольно редко. Частотность её употребления с этой формой прошедшего времени равна примерно 5 процентам от общего количества фраз. Особенность данной временной формы заключается в том, что она имеет сложную семантическую структуру: с одной стороны, выражение прошедшего времени значительно отдаленного от момента речи, с другой – значение общности, повторяемости действия. Последнее свойство формы на $=\text{чаң}$ оказывается функционально сходным со значением самого анализируемого форманта $=n \text{ тур}$, выражающего регулярную повторяемость действия. Например:

Ягорның ооллары үзер кизінең хараа сай аал хадар турчаңнар (КН, КХ, 136) - ‘Каждую ночь ребяты Ягора по три человека охраняли деревню’.

В этом предложении глагольное сказуемое, выраженное знаменательным глаголом *хадар* = ‘охранять’, сочетается с аналитическим формантом $=n \text{ тур} =$, который передает значение регулярной повторяемости действия. Форма прошедшего времени на $=\text{чаң}$ определяет временную локализацию действия, подчеркивая значительный разрыв между моментом речи и происшедшим событием, а также эта временная форма в сочетании с обстоятельством времени *хараа сай* ‘каждую ночь’ усиливает обычный, повторяющийся характер действия, выраженного формантом $=n \text{ тур} =$. Сам же формант $=n \text{ тур} =$ в сочетаниях со знаменательными глаголами, подобными *хадар* = ‘охранять’, может иметь несколько истолкований: регулярную повторяемость действия; обычное длительное действие; длительное действие с указанием на положение субъекта в пространстве. В таких случаях оказывается весьма существенным роль временных форм с конкретным специализированным значением, которые дают

перевес значения в пользу видовых характеристик и исключают другие возможные интерпретации функций анализируемого форманта.

Семантически временная форма на $=\text{хау}$ обладает свойствами, характерными для сочетания форманта $=n \text{ тур} =$ с формой прошедшего времени на $=\text{уан}$, поэтому она функционирует чаще всего как грамматический синоним данному сочетанию ($=n \text{ тур} = \text{уан}$). Это обстоятельство в какой-то мере объясняет малоупотребительность форманта $=n \text{ тур} =$ с формой прошедшего обычного на $=\text{хау}$.

Бивербальная конструкция $T_v = n \text{ тур} = \text{уан}$

Форма прошедшего неопределенного времени на $=\text{ган}$ указывает на предшествование события моменту речи и употребляется для выражения действия, не приуроченного к какому-либо конкретному промежутку времени. Ею подчеркивается также полная отдаленность действия или состояния от момента речи. Эта форма отличается от других форм прошедшего времени тем, что не имеет в своей семантической структуре дополнительные смысловые оттенки, относящиеся к области аспектуальных и модальных значений. Этим фактом следует объяснять и то, что она чаще других временных форм употребляется в сочетании с различными языковыми средствами, уточняющими особенности протекания действия, например, когда бывает необходимо подчеркнуть результат, длительность, повторяемость и пр.

Семантика неопределенности, являющаяся главной отличительной чертой этой временной формы, открывает ей возможность свободно сочетаться и с аналитическим формантом $=n \text{ тур} =$. Так, в ФСП прошедшего времени формант $=n \text{ тур} =$ сочетается главным образом с формой прошедшего времени на $=\text{ган}$. Согласно статистическим данным, из 64% фраз с формантом $=n \text{ тур} =$, представленных в ФСП прошедшего времени, на долю анализируемого сочетания приходится 58%.

Анализ структурных особенностей конструкций с формантом $=n \text{ тур} =$ в поле прошедшего неопределенного времени дает основание утверждать, что подавляющее большинство фраз (более 80%) представляют собой бивербальные конструкции, а остальная часть конструкций является различного

рода модификацией этой базовой конструкции. Функционально-семантические характеристики конструкции $T_v = n \text{ тур} = \text{ган}$ складываются из особенностей составляющих её компонентов. Соединительное деепричастие на $=n$ является носителем лексического значения и может выражаться как простыми глаголами, так и сложными.

Модификации предиката с сочетанием $=n \text{ тур} = \text{иан}$

Глагольные аналитические конструкции с формантом $=n \text{ тур} =$ могут принимать частицы, модальные слова, аффиксы или конструкции с другими вспомогательными глаголами. В результате всех этих комбинаций развивается обычно многокомпонентность конструкции.

Частицы и модальные слова не влияют на базовые функционально-семантические характеристики конструкции с формантом $=n \text{ тур} =$, но они могут привести в утверждение дополнительный оттенок смысла, в котором прослеживается отношение говорящего к действию или состоянию. Одним из таких модификаторов является ограничительная частица *ла*, которая обычно следует сразу за деепричастной формой и вносит соответствующие изменения в тональность всего высказывания (ничего не ..., только ..., просто ... и пр.), например:

1. *Инейек ёрингенине чалбыран ла турган, мин дее аның алына ёрингем* (КН, XX, 60) – ‘Старушка просто (= только) сияла от радости, и я радовался за неё’.

В этом примере ограничительная частица *ла* не меняет ни времени действия, ни его аспектуальных характеристик, но вносит идею о том, что старушка ничего не делала или не была в состоянии как-то иначе реагировать на происходящее с ней, то есть частица выполняет здесь свою роль ограничителя действия, выраженного предикатом. Частица обычно следует непосредственно за словом, которое она определяет. Часто таким словом оказывается именно носитель лексического значения в форме деепричастия на $=n$. В этом случае частица занимает позицию между частями аналитического форманта $=n \text{ тур} =$, актуализируя действие, названное знаменательной частью конструкции.

Другими средствами, способными внести дополнительные оттенки значения в глагольное аналитическое сказуемое с формантом

$=n \text{ тур} =$, являются разнообразные модальные слова типа *осхас*, *одыр*, выражающие модальное значение предположения, эвиденциальности, например:

2. *Апсах аарлыг аң-хус теерізін пасха чирге сат турган осхас* (ХЧН, 23) – ‘Возможно, старик продавал дорогие шкуры зверей в другом месте’.

3. *Соган учугызына, ат азагы көдірген күлтөзынга күн харагы көрінмин турган одыр* (КН, XX, 26) ‘Солнца не было видно, видимо (= говорят), из-за полёта стрел и пыли, поднятой лошадиными копытами’.

В первом из двух приведенных примеров базовое значение предиката – выражение повторяемости, регулярности действия. Служебное слово *осхас* вносит в это значение дополнительную сему предположения, которая является результатом логического умозаключения.

Во втором примере знаменательный глагол выражен аффиксом $=\text{мин}$, отрицательным эквивалентом деепричастия на $=n$, а вспомогательный компонент *тур* = стоит в форме прошедшего неопределенного времени на $=\text{ган}$. Всё сочетание выражает длительность состояния, в котором пребывал субъект в течение некоторого времени в прошлом. Глагольное аналитическое сказуемое имеет третий компонент *одыр*, который завершает всё высказывание, и вносит дополнительное значение предположения.

В заключение следует подчеркнуть, что формант $=n \text{ тур} =$ является одним из основных средств выражения значения длительности действия или состояния в ФСП прошедшего времени, употребляется преимущественно в прошедшем неопределенном времени.

Модальные слова *одыр*, *осхас* занимают обычно место после глагольного аналитического сказуемого, уточняя его соответствующими дополнительными оттенками смысла, связанными с субъективной оценкой действия, состояния, процесса.

Литература

1. Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
2. Хакасско-русский словарь. – М., 1953.
3. Боргоякова Т. Н. Бивербальные конструкции с аспектуальной семантикой длительности в хакасском языке (чат-, одыр-, тур-, чёр-) // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. IX. – Абакан, 2005.
4. Язлueva О. О. Проблема функциональной мор-

фологии аналитических форм английского и туркменского глаголов. – Ташкент, 1991.

5. Бирюкович Р. М. Семантика и формы выражения способов глагольного действия // Советская тюркология. – 1980. – № 1. – С. 68-77.

6. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. – СПб., 2001.

7. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. – Л., 1989.

8. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965.

9. Грамматика киргизского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. – Фрунзе, 1987.

10. Оралбаева Н. Аналитическая форма глагола современного казахского языка. – Алма-Ата, 1975.

ОДНОСЛОЖНЫЕ КОРНИ-ОСНОВЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

П. Е. Белоглазов

УДК 811 512 153

В статье рассматривается структура односложных корней-основ хакасского языка, первичность и исходное состояние, а также затрагивается вопрос структуры тюркских первичных корней. Исследуются фонеморфологические факторы в связи с вычленением этимологически затемненных корней, то есть случаи, когда корни осложнялись аффиксами, которые постепенно срослись с корневой морфемой.

Ключевые слова: структура слова, корневая и аффиксальная морфемы, этимология, анализ слова.

Реальность исконных односложных корней в тюркских языках не вызывает сомнений. Именно у односложных корней обнаруживается большая общность между современным и исходным состояниями. Большинство односложных корней хакасского языка обнаруживают соответствующие параллели в древних письменных памятниках, а также в других тюркских языках. Односложность исконных корней подчеркивается в работах многих исследователей современных тюркских языков. Вместе с тем односложность тюркских корней не гарантирует их этимологическую монолитность. В силу этого одним из нерешенных аспектов проблемы корня в тюркологии считается определение его структуры.

Н. А. Баскаков считает, что «фонетическая структура слова прежде всего характеризуется трёхзвучностью его корневой морфемы. Каждый корень в тюркских языках состоит из закрытого слога, состоящего из начального согласного, среднего гласного, конечного согласного, т.е. по схеме СГС. Что же касается корней, состоящих более чем из трех звуков, то последние относятся либо к словам, заимствованным из других языков, либо к словам, исторически восходящим к сложным словообразовательным формам, структура которых состоит из корневой морфемы СГС + мёртвые или непродуктив-

ные живые аффиксы словообразования» [1, с. 79].

Корни типа СГ и ГС считаются Н. А. Баскаковым результатом выпадения согласных в начальной и конечной позициях. Разработка данной концепции начинается с Н. Вамбери, который объяснял структуру корней типа ГС следующим образом: аĉ < ĉaĉ, al < tal, äm < käm, ar < jar, aš < kaš, az < jaz, iz < kiz, ol < bol, or < bor, eŋ < keŋ, öl < böl и др. [2, с. 18]. А. Зайончковский, не исключая для долгих гласных возможность выступать в корнях типа СГ, а наоборот, допуская такую возможность, считает, что корни типа СГ определено являются в тюркских языках первичными, а СГС – вторичными.

Так, к первичным А. Зайончковский относит следующие корни: ad > adun «дивиться, изумляться», ad > adur «различать, отмечать, выбирать». Сюда же можно привлечь как фонетический вариант корня *ad в хакасском языке *ac > азыр- «разлучать», *ca > сах- «высекать огонь огнем» и др. Глагольный корень азыр- в хакасском языке означает «отцеплять; разлучать, разделять, разнимать кого-л.; лишать», далее развился в азырых (хак.) 1. 1) «ответвление, ветвь, ветка»; 2) «протока»; 2 «разветвленный».

К подобным корням А. Зайончковский присоединяет также *jo > jod «исчезать, погибнуть»; joq «нет»; ja > jaj «простирается, растилаться, распространяться»; jat «находиться

в таком состоянии, лежать»; ju > jud «грузить»; juk «клад, выюк, тягость»; juk «собирать, накапливать»; *qu > qul «делать»; *sa > sac «разбрасывать, рассеивать»; *to > tod «насыщаться, быть сытым»; «полный, целый, весь; совсем»; tol ~ tos «наполняться, наполнять, делать полным» и др. [3, с. 35]

Г. И. Рамstedт, В. Котвич и А. Н. Кононов также считают, что форма СГС возникла из Г и СГ [4, с. 29; 5, с. 30; 6, с. 113]. В. М. Юнусалиев, напротив, допускает существование в составе первичных корней всех 4 типов [7, с. 51]:

1. Г, ср.: у «сон», ö «думать»;
2. С+Г, ср.: са- «считать», жу- «грустить», сы- «ломать»;
3. Г+С, ср.: ат «конь», ал- «брат», ач- «отворить», ас- «повесить»;
4. С+Г+С, ср.: кел- «приходить», кет- «уходить», суг «вода».

В то же время он не отрицает расчленённости корней типа СГС и ГС.

Исследуя структуру корневых морфем типа СГ в киргизском языке, Б. О. Орузбаева пишет, что большинство корневых морфем структуры ГС представляет собой начальные односложные звуковые комплексы, сохранившие, с одной стороны, свою структурно-семантическую целостность, а с другой – ставшие основой образования многих нечленимых на современном этапе дву- и многосложных образований, историческая производность, вторичность которых прослеживается лишь при их рассмотрении в плане морфемно-этимологического состава [8, с. 81].

Другие тюркологи придерживаются мнения, что первичные корни существовали в виде открытого слога СГ [9, с. 17]. Между тем, многие односложные глагольные корни типа СГ сохранились в виде СГС, т. е. как исторически производные корни. Остановившись на типах структур ОКО (односложных корней-основ), А. Т. Кайдаров подчеркивает «доминирующее положение СГС среди других типов ОКО в казахском и других тюркских языках на данном этапе их развития не только по количеству, но и по степени функциональной активности и древности», в то же время он отмечает, что «этот тип ОКО испытал на себе сложный и длительный процесс агглютинативного развития тюркских языков, так что вряд ли следует относить его к изначальному, прототюркскому типу корней» [10, с. 17]. Такой тип корней оправдывается типологической особенностью тюркских языков,

его агглютинативностью, где на стыке корневой и аффиксальной морфем имели место различные фонеморфологические процессы, в связи с чем уместно говорить о стяженном или сращенном характере многих корней-основ, отмеченном еще В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, Б. Я. Владимирцовым, А. Н. Кононовым и др. Следовательно, в тюркских языках основа и аффикс связываются не только агглютинативно, но и фузионно. В силу этого учет фонетических явлений на стыке морфем играет важную роль при реконструкции деэтимологизированных корней.

Т. А. Бертагаев отмечал, что «многое зависит от того, какие формы сталкиваются на их стыке и не претерпевает ли какие-либо фонематические изменения основа (выпадение звуков, чередование фонем, явление сандхи и др.)» [10, с. 126]. Г. И. Рамstedт называет место, «где начальный звук окончания слова смыкается с последним звуком его основы, особо важным, так как именно здесь проявляются разного рода фонетические особенности языка» [4, с. 27]. Начальный звук окончания может уподобляться конечному звуку основы или наоборот. Таким образом, фонеморфологический фактор является одним из основных, обуславливающих появление мертвых, этимологически непрозрачных корней.

Роль фонетического фактора в деэтимологизации корней подчеркивалась и М. Томановым: «Изменение фонетического вида корней в процессе развития языка приводит к их устарению. Фонетически измененные, семантически устаревшие корки застывают в соединении с аффиксами» [11, с. 94].

Всё это показывает, что для понимания структуры слова в различных языках чрезвычайно важным является не только морфологический, но и фонеморфологический анализ.

Вместе с тем стяжённый или сращённый характер многих корней-основ не меняет положение об односложности тюркского корня, хотя Г. И. Рамstedт допускал возможность существования в истории развития языков не только односложных, но и двусложных корней, поскольку имеются соответствия односложных и двусложных корней в алтайских и тюркских языках: тюрк. al- «получать» ~ манч. ali-

Последнее обстоятельство вынуждает прежде всего допускать двусложные корни как в глаголах, так и в именах, а конечную часть многосложного слова квалифицировать в ка-

честве одного или нескольких окончаний. Первоначальная форма корня поэтому нередко оказывается под вопросом [4, с. 29]. Если Г. И. Рамстедт в своих исследованиях относит тюркские языки по сравнению с монгольско-маньчжурскими к более поздней ступени развития, то В. Котвич имеет иную точку зрения по отношению к двусложным корням в алтайских языках: «Формы более короткие были известны уже прапюркскому языку и, наоборот, формы удлиненные, монгольские представляют собой явление более позднее» [5, с. 38]. Он отмечает еще один факт в пользу первичности тюркских форм: «Наконец, следует считаться с общей тенденцией монгольского языка к удлинению слов, с этой целью к ним добавились отдельные гласные и согласные, а иногда и целые слоги» [5, с. 41].

На основе анализа исторически производных ГИ, вычлняя мёртвые корни, мы приходим к выводу, что основным типом первичных глагольных корней являются односложные структурные типы ГС и СГ. Правда, здесь следует сделать оговорку: многим корням свойственна вариативность, и возникающая в результате непостоянства согласного, ср.: «Здесь должны быть учтены, как и в других случаях, возможные фонетические изменения в ходе развития языка, как отпадение начального согласного (ср. др. ыгла-, совр. кирг. ыйла-, но узб. йыгла «плакать»), древние долготы и якутские восходящие дифтонги, ср. як. уот, туркм. оот, но кирг. и др. от «огонь» и другие фонетические явления» [7, с. 51].

Характерные для тюркских глагольных корней типы СГ и ГС в современных языках в таком виде встречаются редко, хотя материалы известного памятника «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского XI в. и другие позволяют выделить более десяти примеров односложных основ типа С+Г [3, с. 28]. Подобные основы, представленные ныне в виде мертвых корней, обнаруживаются и с помощью сравнительного исторического морфемного анализа по гомогенному ряду в составе исторически производных двусложных и многих односложных ГИ. Несмотря на историческую производность, последние в настоящее время считаются корнями, что объясняется постоянно действующим механизмом видоизменения корневого морфема в силу динамической природы аффиксальных морфем, которые связаны: 1) с потерей продуктивности отдельных аффиксальных морфем:

например, глагол багла- «связывать» распадается на две морфемы: баг+ла-, баг исторически состоит из корня ба- «связывать» + г - аффикс отглагольного образования имен, ср.: ög- ра +н – «обучаться», ög «разум», ö «думать» и др. 2) с фонетическими преобразованиями слова: бо + -л > ол «быть»; ба + н > мән «я» и др.

Изменение границы корня связано с тем, что «корень» – понятие историческое. В силу этого в тюркологии корень рассматривается в двух аспектах: синхронном и диахронном. Синхронное понимание корня отражено в следующем определении Н. А. Баскакова: «...корнем слова в тюркских языках называется нечленимая часть слова, в которой заключено вещественное реальное значение слова» [12, с. 113]. Г. И. Рамстедт, В. Л. Котвич, А. Зайончковский, Б. М. Юнусалиев, А. Т. Кайдаров и другие едины во взгляде о расчлененности односложных корней типа СГС, принятых Н. А. Баскаковым в качестве первичного типа. Вычлененные в историческом плане из состава основ типа СГС корневые морфемы не являются простыми сочетаниями звуков, а имели в прошлом определенное лексическое значение. Так как корень – категория историческая, величина изменяемая как семантически, так и фонетически, и морфологически, его возраст изменяется не столетиями, а тысячелетиями, поскольку во многих случаях он оказывается модифицированным, этимологически затемненным. Соответственно, в современном языке такой корень выступает в виде гипотетического элемента или мертвого корня. Поэтому формирование характерных тюркских корней типа СГС – результат фузионного объединения корня с аффиксальной морфемой, во многих случаях выражавший, как отметил А. Н. Кононов и другие ученые, залоговые отношения.

Так как основной структурной особенностью мертвого корня является его односложность, мы будем рассматривать все двусложные слова хакасского языка как производные.

Хотя отличие от разложимых односложных основ двусложные легко поддаются этимологическому анализу, это не значит, что их производность может быть легко доказана. Ср., например, следующие двусложные глагольные императивы хакасского языка, образованные по модели -ыр // -ір // -р:

АҒЫРАРҒА / аг - ыр- / I) «болеть, хворать»;

АЗЫРАРҒА / аз - ыр- / II I) «отцеплять, разъединять что-л»; 2) «разлучать, разделять,

разнимать *кого-л.*; 3) *перен.* «лишать *кого-л.*, *чего-л.*»;

ИБІРЕРГЕ / *иб - ір-* / 1) «обходить, объезжать, окружая, огибая *кого-л.*, *что-л.*»; 2) «пройти по всему пространству *чего-л.*; исходить»; 3) «окружать, брать в кольцо (*напр.*, скот)»; 4) «объезжать, побывать во многих местах, посетить многих»; 5) «вращать; вертеть *что-л.*»; 6) «выворачивать, вывёртывать наизнанку *что-л.*»; 7) «обхаживать *кого-л.*»; *разг.* «вертеться, околачиваться около *кого-л.*»; 8) *перен.* «намереть, говорить намёками»;

ИЗІРЕРГЕ / *из - ір-* / «пьянеть»;

ИКІРЕРГЕ / *ик - ір-* / «всхлипывать»;

ИЛЕРЕРГЕ / *ил - ер-* / «смутно виднеться (*вдали*); мелькать (*в темноте*)»; *разг.* «маячить»;

ИМПЕРЕРГЕ / *им - ір-* / «зазубриваться, стачиваться»;

ИРТІРЕРГЕ / *ирт - ір-* / 1) «пропускать»; 2) «проводить, проводить, прогонять *кого-л.*, *что-л.* мимо *чего-л.*, *через что-л.*»; 3) «проводить *что-л.*»; 4) «переносить *что-л.*»;

ІЗІРЕРГЕ / *із - ір-* / «напоить *кого-л.*; дать кому-л. попить»;

ІКІРЕРГЕ / *ік - ір-* / *кач.* «икаать»;

КИГІРЕРГЕ / *киг - ір-* / «фыгать, отрывивать»;

КИЗІРЕРГЕ / *киз - ір-* / 1) «переводить, перевозить *что-л.*, *кого-л.* *через что-л.*»; 2) «переправлять *кого-л.*, *что-л.*»;

КИМПЕРЕРГЕ / *ким - ір-* / 1) «грызть, плодять *что-л.*»; 2) *перен.* «постоянно придирается к кому-л., мучить, терзать»;

КИЧІРЕРГЕ / *кич - ір-* / *кач.* «перевозить, переводить *через что-л.*»;

КӨГЕРЕРГЕ / *көг - ер-* / 1) «синеть, зеленеть»; 2) «посадить синяк»; 3) «зеленеть *чём-л.*»;

КӨДІРЕРГЕ / *көд - ір-* / 1) *прям.* и *перен.* «поднимать, приподнимать *кого-л.*, *что-л.*»; 2) «повышать, поднимать, увеличивать *что-л.*»; 3) «взвешивать *кого-л.*, *что-л.*»; 4) «повышать, возвышать *кого-л.*»; 5) *в сочет.* с *сущ.* *пас разг.* «задирать голову, важничать»; 6) *в сочет.* с *араға* «не пьянеть»;

КӨЗІРЕРГЕ / *көз - ір-* / 1) «перемещать, переносить, перетаскивать *кого-л.*, *что-л.*; перевозить, переселять *кого-л.*, *что-л.*»; 2) *то же, что* «хобырарға»; 3) «эвакуировать»;

НАБЫРАРҒА / *наб - ыр-* / «притупиться (об остром предмете)»;

ОДЫРАРҒА / *од - ыр-* / 1) «садиться, принимать сидячее положение»; 2) «сидеть (*находиться в сидячем положении*)»; 3) «садиться *во что-л.*»; 4) «садиться, совершать посадку»;

5) «просидеть, пропустить *что-л.*, остаться ни с чем»; 6) «сидеть в тюрьме (*быть в заключении*)»; 7) «укорачиваться, садиться, уплотняться (о *материи после стирки*)»; 8) «сидеть, быть, находиться, пребывать (*в каком-л. состоянии, где-л.*)»; 9) «оседать, вращать в землю»; 10) *перен.* «поселяться, жить *где-л.*, оседать *где-л.*»;

ОМЫРАРҒА / *ом - ыр-* / II *разг.* «намеренно обманывать *кого-л.* (*с целью выудить, выманить что-л.*)»;

ӨТІРЕРГЕ / *өт - ір-* / I 1) «протянуть, продеть *что-л.* *через что-л.*»; 2) «пропустить *кого-л.*, *что-л.* *через узкий проход, узкое отверстие*»;

ӨТІРЕРГЕ / *өт - ір-* / II «страдать поносом»; *разг.* «поносить»;

ПАҒЫРАРҒА / *пағ - ыр-* / I «пристально смотреть, уставиться, вперить *взор*»;

ПАҒЫРАРҒА / *пағ - ыр-* / II 1) *уст.* «кричать, реветь»;

ПАЗЫРАРҒА / *паз - ыр-* / I 1) «придавливать *что-л.* *чём-л.*»; 2) «подпирать *что-л.* *чём-л.*»;

ПАЗЫРАРҒА / *паз - ыр-* / II I) «молиться»; 2) *прям.* и *перен.* «поклоняться»; 3) «молить, умолять, просить, упрасивать»; 4) *перен.* «подавать в суд; судиться»;

ПОҒЫРАРҒА / *поғ - ыр-* / «давить, душить, задушить *кого-л.*»;

ПҮДІРЕРГЕ / *пүд - ір-* / «строить, сооружать, возводить»;

ПЫЗЫРАРҒА / *пыз - ыр-* / I 1) «печь»; 2) «варить»; 3) «обжечь (*кипятком*)»;

ПЫҒЫРАРҒА / *пығ - ыр-* / 1) «склонять, наклонять (*туловище*)»; 2) «сгибать (*колени*)»;

САМЫРАРҒА / *сам - ыр-* / I «лить струёй *что-л.* (*помешивая жидкость, набирать её в ложку, поварёшку и выливать обратно*)»;

САМЫРАРҒА / *сам - ыр-* / II *безл.* «урчать (о *желудке*)»; СЕГІРЕРГЕ / *сег - ір-* / 1) «прыгать, скакать»; 2) «бежать *вприпрыжку*»; 2) «плясать»;

СИБІРЕРГЕ / *сиб - ір-* / I *фольк.* «делать оговорку»;

СИБІРЕРГЕ / *сиб - ір-* / II «делать посадку (*в соединении деталей одежды*)»;

СІБІРЕРГЕ / *сіб - ір-* / I *кач.* «мести»;

СІБІРЕРГЕ / *сіб - ір-* / II «опустить, спустить (*напр.*, штаны)»;

СІМЕРЕРГЕ / *сім - ер-* / «притворяются спящим, чтобы подслушать *чей-л.* разговор»;

СІМПЕРЕРГЕ / *сім - ір-* / 1) *прост.* «пить, дуть, хлестать»; 2) «хлебать»;

СОБЫРАРҒА / *соб - ыр - / 1) «смешивать что-л.»; 2) то же, что «сарғирға»; 3) «развешивать что-л.»;*

СОМЫРАРҒА / *сом - ыр - / 1) «купать младенца»; 2) «опускать младенца в купель (при крещении)».*

СӨГІРЕРҒЕ / *сөг - ір - / II этн. «закопать послед ребёнка (обычно в юрте)»;*

СӨЗІРЕРҒЕ / *сөз - ір - / 1) «тащить, тянуть, волочить кого-л., что-л земле»;* 2) «тянуть на буксире»;

СЫБЫРАРҒА / *сыб - ыр - / 1) «мести, подметать (сор, мусор)»; 2) перен. «очистить, унести, вымести (всё из дому)»;*

СЫҒЫРАРҒА / *сығ - ыр - / «свистеть, насвистывать»;*

СЫЗЫРАРҒА / *сыз - ыр - / 1) «соскабливать, выскрести что-л.»; 2) «сдирать (кору)».*

Выделив грамматический формант *-ыр / -ір*, можно увидеть, что в хакасском языке наряду с полноценными корнями ирт «проходить», іс «пить», көк «синий, зеленый», көс «перевозить», пас «давить», пүт «строиться», пыс «вариться» и т. д. участвуют в словообразовании такие корни, как *ағ, *аз, *иб, *из, *ким, *наб, *од и т. д., значения которых для представителя современного языка не понятны. Отличительным свойством корней первой группы является возможность самостоятельного употребления, вторую группу характеризует утрата самостоятельности, затемненность их значений в современном языке.

Если многие моносиллабические основы своей диахронической расчлененностью обязаны во многих случаях фонеморфологическим факторам, то дестимологизация некоторых двусложных глаголов увязывается с развитием агглютинации – доминирующего способа словообразования в тюркских языках, заключающегося в том, что в дальнейшем развитии языка односложные корни осложнялись аффиксами, которые постепенно срослись с корневой морфемой. По материалам памятников V–VIII вв., можно установить, что двусложные корни в них активно употреблялись наряду с односложными корнями,

Уже в енисейских памятниках, хотя и в меньшем количестве по сравнению с односложными, встречаются двусложные корни [13, с. 52 - 54]. Г. Айдаров также отмечает, что в орхонских памятниках функционируют односложные и двусложные корни [14, с. 139 - 146]. Например, производный корень итер- «толкать», неофор-

менная форма которого сохранилась в Диване М. Кашгарского, а также в современном хакасском, алтайском и якутском языках, встречается в уйгурских памятниках манихейского содержания, найденных в Турфанском крае и считающихся хронологически более древними.

Эти факты показывают, что становление двусложных корней, осложнение односложного корня завершилось ещё до того, как были созданы енисейско-орхонские памятники, но в то же время не подтверждают трактовку Г. И. Рамстедта и других тюркологов, что двусложность многих основ глагола является в тюркских языках исконной.

Отнесение этих основ к разряду непроемных носит условный характер. Следовательно, определение, согласно которому выражающая самостоятельное значение и не поддающаяся дальнейшему членению первичная значимая часть слова обычно называется корнем, также является условным, охватывающим не все корни в хакасском языке. В последнее время к названному выше критерию добавляют семантическую значимость корня.

Литература

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1962.
2. Вамбери Н. Рукописное предисловие к предстоящему словарю, написанное до его выхода в свет. – Будапешт, 1877.
3. Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках // Вопросы языкознания. – 1961. – №2.
4. Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. – М., 1957.
5. Кович В. Л. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.
6. Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. – М., 1971.
7. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Ч. 1. Развитие корневых слов. – Фрунзе, 1959.
8. Орузбаева Б. О. О структурно-морфологических особенностях корневых морфем типа ГС в киргизском языке // Советская тюркология. 1975. № 5.
9. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней в казахском языке. – Алма-Ата, 1986.
10. Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М., 1969.
11. Томанов М. Историческая грамматика казахского языка. – Алма-Ата, 1981.
12. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М., 1979.
13. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959.
14. Айдаров Г. Язык орхонских памятников орхонской письменности. – Алма-Ата, 1971.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

С. Гюзел

УДК 811.512.111

Благодаря вкладу исследований в сфере перевода, которые были систематизированы во второй половине XIX века, мы доказываем, что создание чувашского литературного языка связано с его собственными письменными работами в конце того же века. В данной статье исследуются и интерпретируются такие темы, как использование языка в переводах, диалектная база переводов, трудности, возникавшие в процессе перевода, их вклад в развитие чувашского языка до 1917 года.

Ключевые слова: чувашский язык, деятельность в сфере перевода на чувашский язык, алфавит, чувашский письменный язык, чувашская историческая лексикология

1. Giriş

Her medeniyet gelişip yükselmek için diğer medeniyetlerin birikimlerine gereksinim duyar. Bu söz konusu birikim üzerinde gelişen yeni medeniyet ise kendisinden sonra ortaya çıkacak ardılına kaynaklık eder. Bütün kültürlerden süzölmüş insanlık tecrübesinin ortak birikimi olarak tanımlayabileceğimiz medeniyetin yaygınlaşması noktasında ise çeviri faaliyetleri tarih boyunca önemli bir görev üstlenmiştir. Antik Yunan medeniyetinin oluşum sürecine Sümer, Mısır ve Fenike medeniyetleri, 10. yüzyıl İslam medeniyetinin ortaya çıkışına ise Yunan, Hint, Fars medeniyetleri yapılan çeviriler aracılığıyla kaynaklık etmişlerdir [1, s. 52]. Avrupa'da 17. yüzyıl ile birlikte milletlerin siyasal ve kültürel birlikler hâlinde ortaya çıkmasının, Orta Çağ boyunca bütün milletlerin ortak malı olan Arap ve Latin edebiyatları yerine müstakil edebiyat dillerinin tesis edilmesi düşüncesini ortaya çıkardığını görüyoruz. Fransa, İngiltere, Almanya, Rusya ve diğer Batı ülkelerinin kendi medeni uyanışlarını gerçekleştirmek için hararetle bir çeviri işine başlamaları da söz konusu fikrin bir yansımasıdır [2, s. 221]. Medeniyetin taşıyıcısı olan bu çevirilere konu olan kaynak dil, Eski Yunan'dan 16. yüzyıla kadar önce Yunanca sonra Latince iken, tarihî ve siyasal koşulların da etkisiyle yerini sırasıyla Fransızca ve İngilizceye bırakmıştır [3, s. 73]. Bu nedenle 19. yüzyıl Avrupası'nda çevirilerin büyük oranda Fransızcadan yapılmasını, Tanzimat aydınlarının da aynı yolu izlemesini olağan karşılamak gerekir [4, s. 285-286; 2, s. 243-263].

Yazımızı ilgilendiren yönüyle, Çuvaş Türklerinin medeni uyanışlarına büyük bir hız katan ilk çevirileri Rusça üzerinden yapmaları da yine anılan tarihî ve siyasal koşullarla ilgilidir. Çarlık rejiminin

bizzat dâhil olduğu bir sürecin ürünü olan ilk Çuvaşça çevirilerin büyük bir kısmının Hristiyan din adamlarınca gerçekleştirilmesi ve çevirilere konu olan malzemenin dinî içerik taşıyan metinlerden oluşması dikkat çeken önemli bir ayrıntıdır. Bu durum Çarlık yönetiminin uzun asırlar boyu denediği ancak kayda değer bir başarı sağlayamadığı azınlık halkların Hristiyanlaştırılması çalışmalarında gelişen yeni bir aşamayı da ortaya koymaktadır. Çeviri etkinliklerini üstlenen din adamları, temel anlamda dinî bir bütünleştirme amacı taşımış olsalar da, çalışmaları birtakım farklı sonuçların ortaya çıkışına da zemin hazırlamıştır.

Çalışmamız, 18. yüzyılın ilk yarısından 1917 Bolşevik İhtilaline kadarki zaman diliminde gerçekleştirilen çeviri faaliyetleri üzerinde yoğunlaşmaktadır. Bu yazıda, söz konusu çeviri etkinliklerinin kimlerce gerçekleştirildiği, çeviriler sırasında ne tür güçlüklerle karşılaşıldığı, çevirilerdeki dil kullanımı, çevirilerin Çuvaş yazı dilinin temellendirilmesi sürecinde hangi alanlara nasıl katkılar sağladığı gibi konuların aydınlatılması amaçlanmaktadır.

2) Çeviri Faaliyetlerine Genel Bir Bakış

Çuvaşçanın telif edebî ürünlere sahip, olgun bir yazı dili hâline gelmesini hazırlayan gelişmeler, 18. yüzyıldan 20. yüzyıl başına uzanan bir süreçte gerçekleşmiştir. İlgili zaman diliminde beliren çalışma ve denemelerin tekâmülü noktasında ise, çeviri faaliyetlerini üstlenen kişi ya da okulların/ekollerin katkıları son derece önemli olmuştur.

Çeviri etkinliklerine ait ilk tecrübeler övgü içerikli dizeler ile birtakım dinî metin parçalarının çevirisinden oluşurken, sonraki yıllarda farklı konulara ilişkin metinlerin çevirileri de yapılır hâle gelmiştir. Söz konusu övgü dizelerinin büyük bir

kısımının beraberinde Rusça tercümelerinin de verilmesi, bunların Çuvaşça bilmeyenler için düşünülmüş olması ihtimalini de doğurduğu için ilgili metinlerin çeviri olup olmadıkları konusu tartışmalıdır. Bu belirsizlik nedeniyle Oğuzhan Durmuş *18. Yüzyıl Çuvaşçasının Söz Varlığı* adlı kitabında, bu metinleri “Övgü Sözleri ve Çeviri Metinler” başlığı altında değerlendirmiştir [5, s. 42]. Biz de söz konusu metinlere ihtiyat kaydı ile çeviri yayınlar arasında yer verdiğimizizi belirtmeliyiz. 18. yüzyıldaki çevirilerin önemli bir kısmını oluşturan bu övgü sözleri muhtelif tarihlerde yazılmış altı adet metin parçasından oluşmaktadır. 1767 yılında yazılan altı dizelik ilk şiir parçasının 1769 yılında basılması ardından, sırasıyla 1782, 1787, 1788, 1795 ve 1797 yıllarında beş adet övgü sözünün daha çeşitli kitapların içinde yayımlandığına tanık oluyoruz [6, s. 65-70]. Bu metinler hacim bakımından oldukça kısa olsalar da, Çuvaşçanın yazı tarihi için büyük önem taşımaktadırlar.

18. yüzyıla ait çeviri etkinliklerinde dinî metinlere ilişkin yayınlara gelindiğinde ise birkaç ismin öne çıktığını görüyoruz. Bunlardan ilki 1733 yılında *Otçe Naş* [Rabbin Duası] duasını Çuvaşçaya çevirtmiş ya da kaydettirmiş olan Gerhard Friedrich Müller’dir. Araştırmacının II. Kamçatka Ekspedisyonu sırasında gerçekleştirdiği düşünülen bu çalışma, ilerleyen yıllarda farklı isimlerce yeniden neşredilecektir.

G. Müller ile başlayan dinî metin çevirilerinin sonraki yıllarda Çulhula Çeviri Okulunca sürdürüldüğünü görüyoruz. Bünyesinde birçok önemli ismin faaliyet gösterdiği bu okulun tesisine önyak olan çalışma dönemin Çulhula piskoposu Dmitriy Semenov Rudnev (Damaskin)’in hazırladığı *Rusça-Tatarca-Çuvaşça-Mordvaca-Marice* sözlük olarak kabul edilmektedir. Okulun kurucusu ise sözlüğün Çuvaşça ve Tatarca kısımlarının redaktörlüğünü yapan, ayrıca sözlerin Rusçadan Çuvaşçaya çevriminde Grigoriy Rojanskiy, İvan Rusanovskiy, İvan Tatinskiy gibi isimlerle görev alan Yermey Rojanskiy’dir [7, s. 62; 8, s. 83].

İlgili sözlükte yer alan dört adet Çuvaşça dua metnini çevirdiği de düşünülen Rojanskiy’i Çuvaş dili ve edebiyatı için unutulmaz yapan çalışması ise Damaskin’in isteği üzerine tercüme ettiği *Kısa Katehizis* [Kısa İlmihal] adlı dinî metindir. Hristiyanlığın dinî prensiplerinin öğretilmeye çalışıldığı 33 soru ve 33 cevaptan oluşan bu metnin Çuvaşça çevirisi 1788 yılında 34 sayfa hâlinde tamamlanmış olmasına rağmen, ancak 12 yıl sonra 1800’de kitap olarak yayımlanabilmiştir [9, s. 89]. 18. yüzyılın ikinci yarısında şekillenen Çuvaş ya-

zılı kültürüne ait çalışmaların tamamında adı bulunan Rojanskiy’in bu çalışması, Çuvaş Türklerinin dillerinde basılan ilk kitap olması yönüyle oldukça önem taşımaktadır. Yazarın ayrıca, aynı yıl çevirisini tamamladığı *Otçe Naş* [Rabbin Duası] metni ile 1788-1791 yılları arasında Çulhula piskoposluğunda eğitim gören öğrencilere Çuvaş Türkçesini öğretmek amacıyla hazırladığı, Bakmeister’den tercüme edilen cümle örneklerinden oluşan *Sumahzam /Reçi dlya perezvodu na çuvaşskiy yazık* [Çuvaşça Çeviriler İçin Sözler] adlı iki yayını daha bulunmaktadır [9, s. 68; 10, s. 3-9]. Çulhula Çeviri Okulunun faaliyetleri yalnızca Y. Rojanskiy’in çalışmaları ile sınırlı kalmamıştır. Grigoriy Rojanskiy ve İvan Rusanovskiy gibi isimlerce gerçekleştirilen bazı dua çevirilerini de söz konusu okulun faaliyetleri arasında anmak gerekir.

18. yüzyılın sonunda Çulhula’daki Çuvaş yerleşimlerinin Kazan ve Simbirk’e bağlanmasının ardından Çulhula’daki piskoposluk için Çuvaşça önemini kaybetmiş, Çuvaşçaya ilişkin çeviri çalışmaları da yapılamaz duruma gelmiştir. Böylelikle ilk çevirilerin büyük bir kısmına imza atan Çulhula Çeviri Okulu, dolayısıyla da Yermey Rojanskiy faaliyetlerine son vermiş, Kazan, Çuvaşça çeviri etkinliklerinin yeni merkezi olmuştur. Çalışmalarında Çulhula Çeviri Okulu’nun geleneklerini sürdüreceği olan bu merkez için ise Kazan Akademisi mezunlarından oldukça zeki bir genç olan Petr Taliyev görevlendirilmiştir [11, s. 79]. Çuvaş çocuklarının I. Aleksandır için okudukları şiirin de yazarı olduğu düşünülen Taliyev, *Piçikşi Katehizis / Sokraşçennny katehizis* [Kısaltılmış İlmihal] (1803) adlı dinî metin ile *Otçe Naş* [Rabbin Duası] (1791) duasını Çuvaşçaya çevirmiş [7, s. 70-71], ayrıca 1812’de kurulan İncil Toplumu’nun 1820 yılında kardeşlik üyeleri ile gerçekleştirdiği dört İncil çevirisinin redaksiyonunu üstlenmiştir.

19. yüzyılın ilk yarısında P. Taliyev gibi Çulhula Çeviri Okulu’nun geleneklerini devam ettiren bir diğer isim ise Aleksey Mihayloviç Almazov’dur. Kiliselerde vaazların Çuvaşça verilmesi gerektiğini düşünen ve bu doğrultuda Kazan Piskoposluğuna mektuplar yazan Almazov, gerekli izinleri almasının ardından, 1820’de içinde Çuvaşça dinî nasihatlerin bulunduğu *Slovo o hristianskom vospitanii detey* adlı kitabı yayımlamıştır [8, s. 120]. Ayrıca, Almazov’un, Kazan başpiskoposu Serapion’un isteği üzerine Çuvaşçaya çevrilen kilise dualarının, on öğüt ve katehizis (ilmihal) metinlerinin çevirimi olduğu da düşünülmektedir. [11, s. 80].

A. M. Almazov gibi, dinî nasihat türünde öne çıkan bir başka isim ise *Tınlantarsa kılartmal-*

*li bibleyskoy pohhiy*in şohişi Őinĉen [Açıklamalı İncil Kitabı Tasarısı Hakkında] adlı kitabı ile N. Bazilevskiy'dir. Y. Rojanskiy ve H. Rusanovskiy gibi Çulhula Seminaryasında eğitim almış olan din adamı, İncil'in Çuvaşçaya çevrilmesi gerektiğini savunmuş [8, s. 124], bu doğrultuda da P. Yalblonskiy, Y. Berezin, Y. Federov, S. Dobrosmislov, M. Voznesenskiy ve İ. Lebedev gibi isimler ile Rusya'daki İncil Toplumu bünyesinde gerçekleştirilen çeviri faaliyetlerine katılım göstermiştir [7, s. 74].

Dinî çeviriler söz konusu olduğunda, Almazov ve Bazilevskiy gibi Kırmış yöresinde faaliyet gösteren V. Vişnevskiy'i de anmak gerekir. Makale, sözlük, gramer gibi pek çok türde eser veren yazarın Hotla virenessin çıvaş çilhipe [Çuvaş Dili ile Okuma-Yazma Öğrenmek İstiyorum] (1832), Kiske svyatoy yumahı [Kısa Aziz Masalı], Kiske Katehizis [Kısa İlmihal] gibi çeviri kitapları bulunmaktadır [7, s. 78].

Ayrıca, Stefan Elpidin'in 1858 yılında çevirisini tamamladığı *Kniga hvaleniy ili psaltir*' adlı yayının da, 19. yüzyıl içerisinde gerçekleştirilen önemli tecrübelerden biri olarak dikkat çekmektedir.

*

Buraya dek andığımız isimler, faaliyetleri ile Çuvaş yazı dilinin temellendirilmesi sürecinde kuşkusuz önemli katkılarda bulundular. Ancak yapılan çevirilerin kalitesi ve metinlerin anlaşılabilirliği göz önünde bulundurulduğunda, bunların geliştirilmesi ve yenilenmesi gereken çok da başarılı olmayan çalışmalar oldukları ortaya çıkmaktadır. Bu yönüyle, çeviri dilinin mükemmelleşerek edebî dilin tesis edilmesi sürecinde iki önemli ismin, çalışmalarında geçmiş tecrübelerle kıyaslanamayacak bir düzey tutturdıkları görülmektedir. Bunlar N. İ. Zolotnitskiy ve İ. Ya. Yakovlev'dir.

1867 yılında Çarlık Rusya topraklarında Rus olmayan halklar için açılan okullara ilk kez olarak müfettiş görevlendirilmeye başlanması N. İ. Zolotnitskiy'in eğitim çalışmaları için bir başlangıç olmuştur. Çuvaş okullarının müfettişlik görevine getirilen Zolotnitskiy 1866'da önce Şultalîh Kînekî [Almanak] adlı takvimi, daha sonra ise 1867 yılında Çıvaş Kînekî [Çuvaş Kitabı] adlı alfabe kitabını yayımlamıştır [8, s. 23]. Rusçadan çevrilen dualar ve metin parçalarının yer aldığı bu kitapların yanı sıra, Zolotnitskiy'in G. Filippov, V. Vasilyev ve M. Dimitriyev adlı öğrencilerince Tatarca ve Rusçadan bazı din kitapları da Çuvaşçaya tercüme edilmiştir. Söz konusu yayınlarla Çuvaş çocuklarının yalnızca okuma-yazma öğrenmesi değil, Hristiyanlık ile tanışması da amaçlanmıştır. Çalışmaları ile kendisinden önceki tecrübeleri daha ileri bir noktaya ta-

şmayı başaran Zolotnitskiy'in faaliyetlerini 1875 yılına değin sürdürebildiğini görüyoruz. Zira kendi tasarladığı sistem çerçevesinde bir eğitim anlayışının gayri Rus okullarında uygulanması gerektiğini düşünen N. İlminskiy, Zolotnitskiy'i Çuvaş okullarının müfettişliği görevinden almış, yerine ise İ. Ya. Yakovlev'i getirmiştir.

Kurucusu olduğu Simbirsk Çuvaş Okulundan yetişen öğrencileri ile birlikte gerçekleştirdiği çalışmalarla kendisine kadarki çeviri anlayışını tamamen değiştiren İ. Ya. Yakovlev, yalnızca dinî metinlerin değil, farklı yazın türlerine ait birçok kitabın yayımını da yapmıştır. Yazarın imzasını taşıyan dinî çevirilerin adları ve yayın yılları şöyledir: Çin Tîn Kîneki [Gerçek Din Kitabı] (1872), Matfey Şirnî Evangelî [Matta'nın Yazdığı İncil] (1873), Mîn Kun Kîllisem [Büyük Gün Duaları] (1873), Çin Tîn Kîneki [Gerçek Din Kitabı] (1873), Markpa Luka Şirnî Evangelisem [Markos ve Luka'nın Yazdığı İnciller] (1874), Aval Hunî Sîmahîn tata Şîñî Sîmahîn Sıvaplî İstori [Eski Ahit'in ve Yeni Ahit'in Faydalı Tarihi] (1876), Şülti Turrîmîrpa Turî Amîşiyîn Tîp Çirkü Uyavîsem [Yukarıdaki Tanrımızla Tanrının Annesinin Başlıca Kilise Kutlamaları], İoann Şirnî Tasa Evangelî [Yuhanna'nın Yazdığı Kutsal İncil] (1880), Matfey, Mark, Luka, İoann Şirnî Tivatî Evangelî'yi [Matta, Markos, Luka, Yuhanna'nın Yazdığı Dört İncil] (1895), Psaltir [Zebur] (1901), Apostolsen Şırivîsempe Apokalipsis [Havarilerin Mektupları ile Vahiyyer] (1904), Pirîñ Turrîmîr İsus Hristos Huni Şîñî Sîmah [Bizim Tanrımız Hazreti İsa'nın Bıraktığı Yeni Ahit] (1911) [12, s. 87-132].

Öğrencilerinin de katkı verdiği bu dinî çevirileri dışında çok sayıda alfabe kitabının yayımını yapan, D. Filimonov ve A. Petruşevskiy'in *Rasskazı iz Russkoy istorii* adlı tarih kitabı (1882) ile M. Y. Lermontov'un şiirlerini (1908) Çuvaşçaya çeviren Yakovlev [6, s. 44], Çuvaş kültür hayatının pek çok alanı için oldukça önem atfeden birtakım çevirilerin Simbirsk Çuvaş Okulu bünyesinde basılmasına da imkân tanımıştır. Bunlar arasında P. Vasilyev tarafından gerçekleştirilen, içinde L. N. Tolstoy'a ait eğitim yazılarının ve çocuk hikâyelerinin yer aldığı çeviriler ile İ. Stepanov'un imzasını taşıyan A. S. Puşkin, Lermontov, V. A. Jukovskiy, İ. S. Nikitin, A. V. Koltsov, K. F. Rıleyev, İ. A. Krılov, N. V. Gogol gibi Rus klasiklerine ait eserlerin yer aldığı A. Baranov'un *Kniga Dlya Klassnogo Çteniya* adlı kitabının çevirisi ayrıca dikkat çekmektedir [13, s. 21-23].

Faaliyette kaldığı 1873-1917 yılları arasında, Simbirsk Çuvaş Okulunda 750'ye yakın kitap ba-

sılmıştır. Söz konusu rakamın yaklaşık yüzde yetmiş ise çeviri yayınlarından oluşmaktadır.

3. Çevirilerde Yöntem ve Alfabe Sorunu

3.1. Yöntem Sorunu

Modern Çuvaş yazı dilinin tesisi sürecinde açıklamaya çalıştığımız üzere, birçok isim çevirileri ile katkıda bulunmuştur. Ancak söz konusu çevirmenlerin büyük bir kısmının izledikleri yöntemlerin yanlışlığı ya da yetersizliği nedeniyle başarılı olamadıklarını görüyoruz. Çuvaşçanın dil özellikleri ile çelişen bir çeviri anlayışıyla gerçekleştirilen ilk çalışmaların önemli bir kısmında metinlerdeki kelimelerin çevirileri, bağlam içindeki manalarına bakılmaksızın yapılmış, bu da anlam yönünden kopuklukları olan, birbiri ile bağlantısız cümle parçalarının ortaya çıkmasına neden olmuştur. Anlam çevirisinin başarısız olduğu bu yöntemin ürünü olan çeviriler Çuvaş okuyucusunca anlaşılammış, toplumda da beklenen düzeyde bir ilgi görmemiştir [14, s. 9]. Ancak her bir yeni çeviri, yıllar içinde daha başarılı çevirilerin yapılmasının önünü açmış, 20. yüzyılın başlarına gelindiğinde ise son derece olgun bir çeviri kültürü ve yazı dili geleneği ortaya çıkmıştır.

Bu genel tabloyu biraz özelleştirerek kişiler ve benimsedikleri çeviri anlayışları düzeyinde konuyu ele aldığımızda söz konusu gelişimin aşamalarını çok daha açık bir biçimde izleyebiliyoruz. Örneğin Y. Rojanskiy, kendisinden önce yapılmış olan dinî çeviri denemelerini birçok kez inceleyerek başarısız gördüğü noktaların tespitini yapmış, çevirilerinde de söz konusu belirlemelerden yararlanarak okuyucunun anlamada zorlanmayacağı, açık bir dil kullanmaya çalışmıştır. Ancak bu yaklaşımını her zaman çalışmalarına taşıyamamış, özellikle soyut anlamlar içeren Rusça sözlerin çevirisinde büyük zorluklar yaşamıştır [7, s. 63]. Rojanskiy ayrıca, orijinal metinlerin dil özelliklerinden kurtulamamış, bu nedenle de Rusçanın dilbilgisi anlayışına göre şekillenen çok da başarılı olmayan çeviriler gerçekleştirmiştir. P. Taliyev ise okuyana karmaşık gelebilecek kavram ve bilgileri anlaşılır bir dil ve sade bir anlatım ile kolaylaştırmaya çalışmış, Rojanskiy gibi meslektaşlarından farklı olarak kelime çevirisi yerine anlamı ön plana çıkaran bir çeviri anlayışıyla çalışmalarını sürdürmüştür. Gerekli olduğunu düşündüğü durumlarda, yeni Çuvaşça terimler yapma yoluna da giden Taliyev'in kendisinden önceki çevirmenlere göre daha başarılı bir çeviri tekniğine sahip olduğu görüyoruz [11, s. 76; 7, s. 71]. Öyle ki, onun *Otçe Naş* [Rabbin Duası] çevirisi hem G. Müller'in hem de Rojanskiy'in

denemelerinden daha iyi bir metin olarak dikkat çekmektedir. Zira diğer *Otçe Naş* [Rabbin Duası] çevirileri Çuvaşça sözdiziminin özelliklerini yansıtmıyorlardı.

İlk çevirilerdeki başarısızlığın temel sebeplerinden birisi de bunların büyük bir kısmının gerekli dil bilim altyapısına sahip olmayan, çeviri konusunda kuramsal ve pratik bilgileri bulunmayan misyoner din adamlarınca gerçekleştirilmiş olmasıydı. Ayrıca söz konusu din adamlarının dinî kitapları kutsal görmeleri, metinlerdeki cümle yapılarını hatta kimi Rusça kelimeleri değiştirme konusunda büyük korku yaşamalarına neden oluyordu. Çuvaşçanın sözdizimi özelliklerinin gözatılmadığı, teknik kusurları bulunan çevirilere kaynaklık eden de buydu. Örneğin Stefan Elpidin 1852 yılında çevirdiği *Kniga hvaleniy ili psaltir*' kitabının önsözünde *çtobi* ve *potomu çto* gibi bağlaçları, metnin bütünlüğünü bozmalarına rağmen, çevirinin orijinal biçiminden uzaklaşacağı korkusuyla kullanmak durumunda kaldığını belirtmiştir [11, s. 75-76].

N. İ. Zolotnitskiy de önceki çevirilerin Çuvaşçanın sözdizimine bağlı kalınmadan gerçekleştirildiği, kelime çevrimi yapılması nedeniyle de Çuvaşların düşünce dünyası ile bağlantısız metinlerin ortaya çıktığı fikrindeydi. Bu nedenle çevirilerin gündelik dile uygun bir şekilde yapılması gerektiğini düşünüyordu. Ancak bir din adamı olması nedeniyle belki de, bu düşüncelerini tıpkı Stefan Elpidin gibi çalışmalarına tam olarak yansıtamadı. Zolotnitskiy kendisine kadarki çevirilerle kıyaslandığında, kullandığı dil ve alfabe ile fark yaratıyordu. Ne var ki, birçok uzmana göre *Çıvaş Kineki*nde yer alan dualar doğru biçimde aktarılmamıştı ve bunlarda Hristiyanlığa ilişkin bir şey görmek mümkün değildi [14, s. 13].

Nihayet, İ. Ya. Yakovlev ve Simbirsk Çuvaş Okulunda yetişen öğrencileri, andığımız tecrübelerin ardından söz konusu yöntem sorununu aşan çevirilere imza attılar. Çuvaşçaya en uygun alfabeyle belirlemekle işe başlayan Simbirsk Okulunun üyeleri, Çuvaşçanın cümle yapısını yansıtan, okuyanın rahatlıkla anlayabileceği çevirileri gerçekleştirmeyi başardılar.

3.2. Alfabe Sorunu

İlk çeviri metinlerin anlaşılabilmesinin önündeki belki de en büyük güçlük bunların doğru grafik ile kaydedilememiş olmalarıydı. Bu durum 18. yüzyılın başından 19. yüzyılın sonuna değin kaleme alınan çeviri ya da telif tüm yayınlar için önemli bir sorundu. İlgili sorunun çözüme kavuşturulması noktasında gerçekleştirilen ilk çalışmalar ise sonuç verici değillerdi. Ancak bunlar, Çuvaşçanın

ses özelliklerini yansıtan isabetli çalışmaların gerçekleştirilebilmesi için gereken deneme-yanılma süreçlerini kısaltan önemli katkılardı. Çuvaşçanın ilk dilbilgisi kitabı olan 1769 tarihli *Soçineniya pri nadlejaşçiye k grammatike çuvaşskogo yazıka*'da kullanılan Kiril esaslı yazının hız kazandırdığı bu çalışmalar, Hristiyanlığa ilişkin dinî metin çevirilerinin daha anlaşılır olmasını isteyen din adamlarınca iletildiği.

V. Putsek-Grigoroviç imzası taşıyan ilk dilbilgisi kitabında kullanılan yazı sisteminde а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ч, ш, ъ, ы, ь, ѳ, ѵ, э, ю, я, г, дч, ъо, іо şeklinde 35 harf bulunuyordu. Bu alfabe üzerinde gerçekleştirilen birtakım düzenlemeler ile başlayan Çuvaş yazısının mükemmelleştirilmesine yönelik çalışmaların ilki ise Y. Rojanskiy'e aitti. Rojanskiy, 1788 tarihli *Kiske Katehizis* [Kısa İlmihal] çevirisinde, Putsek'in ъо ve дч harflerini kullanmamış g'yi ise r ile değiştirmiştir [11, s. 88].

Soçineniya'daki yazı sistemi üzerinden yeni bir alfabe yapma girişiminde bulunan bir diğer isim olan P. Taliyev, Pıçıkşi Katehizis (1803) çevirisinde ъо ligatürü yerine g harfini tercih etmiş, /u/ sesinin yazıdaki temsilini ise söz başında *iy*, söz ortasında da ю işareti ile sağlamıştır. Ayrıca bu alfabe denemesinde у, уі ve уі ses birlikleri ѳи işareti ile karşılanmıştır. P. Taliyev'in redaksiyonunu üstlendiği 1820 tarihli Çuvaşça İncil çevirisinde de birtakım düzenlemelerde bulunulduğunu görüyoruz. Buna göre, *Soçineniya*'daki g harfi için rr harfleri kullanılmış, r'ise tek başına /g/ sesini belirtmiştir [15, s. 119]. V. P. Vişnevskiy'in Kiske Katehizis (1832) çevirisi de söz konusu alfabe temelinde yazıya geçirilmiştir [11, s. 89].

S. Elpidin'in 1858 tarihli Zebur (*Kniga hvaleniy ili psaltir*) çevirisinde kullandığı harfler temel olarak *Bukvare dlya obuçeniya çteniyu po-çuvaşskiy* (1832) adlı yayınındaki yazı sistemine dayanıyordu. Kendisinden önceki çalışmalarındaki yeniliklerin tamamını yansıtan bu denemede, *Soçineniya*'dan farklı olarak yalnızca ѳ harfi bulunmuyordu. Buna karşın, S. Elpidin'in ѳ harfinden alfabe metinlerinde sık sık yararlandığını görüyoruz [15, s. 119].

Söz konusu çalışmalar önemli birer tecrübe olsalar da, Çuvaşçayı isabetli bir biçimde yazıda temsil edebilme noktasında istenen başarıyı yakalayamamışlardı. Bilimsel ölçütlere göre hazırlanmamış olan bu yazı sistemlerinde büyük bir harf kalabalığı olmasına karşın Çuvaşça /i/, /i/, /ş/ sesleri için herhangi bir işaret bulunmuyordu. N. İ. Zolotnitskiy sorunun çözümü için geliştirdiği Çuvaş-Kiril yazı-

sında, arka damak ünsüzü /g/ için işaretinin kullanılması, *ııгг, іу*, harf birlikleri yerine de sırasıyla ö, r, ѳ harflerinin dâhil edilmesi gibi birtakım düzenlemelerde bulunmuş olsa da, bunlar mevcut eksiklikleri gidermekten uzak adımlardı. Bu nedenle de kendisine ait *Çıvaş Kineki* (1866) ve *Şultalıh Kineki* (1867) gibi yayınlarının okunuşlarında ciddi sıkıntılar söz konusuydu. Zolotnitskiy'in *Kornevoy çuvaşsko-russkiy slovar*'da (1875) /s/ ve /ş/ ünsüzlerini ayırt etmek için miyakiznak (ь) kullanması oldukça önemli bir gelişmeydi, ancak o da selefleri gibi /i/ ve /i/ ünlülerini belirleyememişti.

Neredeyse iki asır süren Çuvaşçayı yazıya geçirme çalışmaları içinde müstesna bir yere sahip olan Zolotnitskiy'in bu eksikliklerinin ise İ. Ya. Yakovlev tarafından tamamlandığını görüyoruz. 1871 tarihli *Çıvaş açisene şırıva virenmeli kineke* [Çuvaş Çocukları İçin Okuma Yazma Öğrenme Kitabı] adlı yayınında /i/, /i/ ve /ş/ sesleri için Ь, Б ve С' işaretlerini tayin ederek Çuvaşçanın ana seslerini yazıda göstermeyi başaran Yakovlev'in, sonraki yıllarda da mucidi olduğu bu alfabeyi mükemmelleştirme uğraşısı içinde olduğuna tanık oluyoruz [12, s. 51]. Bu kapsamda yazar, öncelikle *Şırıva Virenme Tıtınmallı Kineke* [Okuma Yazma Öğrenmeye Başlama Kitabı] (1872) adlı kitabında ön damak ünsüzlerini diyakritik imi almış harflerle göstermekten vazgeçmiş, ardından da *Bukvar' dlya çuvaş s prisoedineniem russkoy azbuki* (1873) adlı yayınında /i/, /i/ seslerini belirtmek için yararlandığı Ь, Б harflerinin yerine Ä, Ę işaretlerini kullanmıştır. Söz konusu çalışmaların ardından başka birtakım düzenleme ve denemeler gerçekleştirilmiş olsa da, temel olarak bunlar Yakovlev'in geliştirdiği alfabadeki harflere yapılan ilavelerden ibarettirler. Bu yönüyle, Çuvaşçanın doğru bir biçimde yazıda temsil edilmesinin İ. Ya. Yakovlev tarafından gerçekleştirildiğini söyleyebiliriz.

4. Çevirilerin Diyalekt Temeli Üzerine

Çuvaşçanın ilk çevirileri gerçekleştirilirken çevirmenlerin hangi diyalekti, niçin temel aldığı sorusunun tek bir cevabı olduğunu düşünmüyoruz. Ancak, 1769 tarihli altı dizelik ilk şiir ile başlayıp İ. Ya. Yakovlev'in çalışmalarına kadar uzanan süreçte, çeviri olsun ya da olmasın tüm yayınlarda yazar ve çevirmen tercihlerinin belirleyiciyi olduğunu görüyoruz. A. A. Alekseyev'in tespitlerine göre ilk çevirilerde her bir çevirmen kendi doğup büyüdüğü yörenin Çuvaşçasının dil özelliklerini dikkate almış, kendi alıştığı konuşma dili ile çevirilerini gerçekleştirmiştir [14, s. 8-9]. Öyle ki, Viryal diyalektinin temel alındığı metinlerde, söz konusu

diyalektin bölgelere göre deęişiklik gösterebilmesi nedeniyle birtakım yerel kullanımlara baęlı olarak gelişen dil farklılıklarına da tanık olunabilmektedir.

İ. Ya. Yakovlev'in geliştirdięi çeviri sistemi dışarıda tutulduğunda, ilk çevirilerde belirgin bir Viryal etkisi söz konusudur. Çuvaş yazı dilinin ilk örnekleri arasında yer alan övgü sözleri ile dinî metinlerdeki ünlü tercihleri de bu durumu açık bir biçimde ortaya koymaktadır. Viryal diyalektine özgü /o/ ünlüsünün hâkim olduęu bu metinlerde, söz varlığı düzeyinde birtakım Anatri unsurları tanıklansa da, bunların çeviri diline esas oluşturacak bir etkileri bulunmamaktadır. Örneğin 1769 tarihli beş dizelik övgü şiirinde *çeçen* "iyi" şeklinde Anatri diyalektine özgü olan bir biçim yer almaktadır. L. P. Sergejev bu durumu, şiirin yazımında Anatri Çuvaşlarından bir kişinin katkı vermesi ile açıklamaktadır [9, s. 18]. Şiirdeki /o/ ünlülü torî, poltîr, çon biçimleri göz önüne alındığında ise bunun Viryal diyalektine ait bir metin olduęu kesinleşmektedir.

G. Müller, T. G. Milkoviç, Y. Rojanskiy, P. Taliyev, V. P. Vişnevskiy, S. Elpidin, N. İ. Zolotnitskiy gibi isimlerin de çalışmalarında /o/ ünlüsünü, dolayısıyla da Viryal diyalektini temel aldıklarını görüyoruz. Ancak daha önce belirttiğimiz üzere her bir araştırmacı Viryal diyalektinin aynı biçimi ile çeviri etkinliğinde bulunmamıştır. Örneğin G. Müller *Otçe Naş* [Rabbin Duası] çevirisini Çeboksarı ve Kazan'daki Çuvaşların konuşma dili ile kaydederken T. G. Milkoviç dua metinlerini Simbirsk'te yaşayan Çuvaşların dili ile oluşturmuştur. Y. Rojanskiy de yine *Kiske Katehizis* [Kısa İlmihal], *Otçe Naş* [Rabbin Duası], *Sumahzam* [Sözler] çevirilerini doğup büyüdüğü Kırmış köyündeki yerel ağza göre şekillendirmiştir. Çevirilerini bağlamdaki anlamı gözetererek gerçekleştiren P. Taliyev ise 1803 tarihli *Piçikşi Katehizis*' [Küçük İlmihal] adlı yayını Murkaş, Yedirne, Hirlî Çutay, Elik yerleşimindeki Çuvaşça temelinde hazırlamıştır.

Buraya kadar andığımız isimlerin çalışmalarını doğup büyüdüğü ya da araştırmada buldukları bölgelerdeki Çuvaşçayı temel alarak gerçekleştirdiklerini görüyoruz. S. Elpidin, N. İ. Zolotnitskiy gibi isimler ise çevirilerinde kullanacakları dilin nasıl olması gerektiği hususunda ayrıca mesai harcamışlardır. Bu nedenle de çeşitli araştırma gezilerinde bulunarak hangi yöresel ağzın çeviri diline uygun olduğunu belirlemeye çalışmışlardır. S. Elpidin *Kniga hvaleniy ili psaltir* (1858) adlı yayının önsözünde söz konusu arayışını şöyle kaydetmiştir:

"Bu Zebur'u Kazan, Simbirsk, Yephü ve Vyatka şehirlerinde yaşayan Çuvaşların dili ile çevir-

dim. Onların dillerindeki farklılıklar yalnızca bazı ünlülerin deęişiminden ibaret. Örneğin Yephü şehrindeki Çuvaşlar Torî yerine Turî, poş yerine puş diyorlar. Kazan şehrindeki Çikme yerleşimindeki Çuvaşlar geçmiş zaman eki yerine zarf-fil ekini kullanıyorlar. *kalarî* yerine *kalasa*, *kayrî* yerine *kaysa* diyorlar. Farklılıklar az olsa da bazı temel sözler Kırmış köyündeki Çuvaşların dillerindeki sözler ile deęiştirilebilir. Buradaki Çuvaşlar çok eskiden bu yana ormanda yaşıyorlar. Bu nedenle de onların dili Rus, Tatar, Mari ve Mordva dilleri ile karışmamış. Buradaki Çuvaşların dili diğer bölgelerdeki Çuvaşların dilleri ile karşılaştırıldığında hiçbir şekilde deęişmeyen saf bir dil. Bu Zebur'u buradaki saf Çuvaşların dili ile çevirdim" [14, s. 8-9].

Açıklamadan da anlaşılacağı üzere, S. Elpidin gerçekleştirdiği Zebur çevirisinde Anatri etkileri sezilen Yephü Çuvaşlarının dillerinden yararlanmış olsa da, esas olarak Kırmış yöresine özgü Viryal diyalektini kullanmıştır. Psaltir'deki /o/ ünlüsünün kullanımı da bunu ortaya koymaktadır.

N. İ. Zolotnitskiy ise ilk çeviri denemelerini Hirlî Çutay, Yetirne, Murkaş gibi yerleşimlerdeki Çuvaşların konuşma dili temelinde gerçekleştirmiştir. Ancak daha sonra gerçekleştirdiği gezilerde Çuvaşların konuşma dilinin 20 kilometrelik aralıklar ile çeşitlendiğini fark etmiş, söz konusu Çuvaş nüfusunu birbirine yakınlaştırmadan ortak bir yazı dili oluşturmanın son derece güç olduğunu tespit etmiştir. Anatri ve Viryal Çuvaşlarının her ikisinin de anlayabileceği metinler oluşturabilme kaygısı ile daha sonra Çuvaşların kalabalık yaşadığı Şirpü, Çikme, Pîva yerleşimlerine geziler düzenleyen Zolotnitskiy, Şirpü'de yaşayan Çuvaşların konuşma dilinin sesletim yönünden temiz, söz varlığı bakımından arı olduđu kanaatine varmış, yazı dilinin temeline yerleştirmek için ilgili diyalektin uygun olduğuna karar vermiştir [14, s. 12; 11, s. 96-98].

Görüldüğü gibi şimdiye dek üzerinde durduğumuz isimler, tasarladıkları ve hayata geçirdikleri çeviri sistemlerini Viryal diyalekti esasında şekillendirmeye çalışmışlardır. Daha önce belirtildiği üzere Viryal diyalektinin bölgelere göre deęişen bir diyalekt yapısına sahip olması, metinlerin anlaşılabilirliği konusunda ciddi sıkıntılar yaratmaktaydı. Hâlihazırda da Zolotnitskiy'in kurguladığı ancak başaramadığı Viryal ve Anatri Çuvaşlarının rahatlıkla anlayabilecekleri ortak bir yazı dilinin eksikliği söz konusuydu. Bu sorunun çözüme kavuşturulması noktasında ise, içinde çeşitli alfabe yayınları, çeviri ders kitapları ve ilk Çuvaşça din kitaplarının yer al-

dığı 1880 öncesi çalışmalarını Pıva yerleşimindeki Anatri diyalektine temellendiren İ. Ya. Yakovlev'in çözüm arayışına girdiğini görüyoruz. Tüm Çuvaş halkının anlayabileceği ortak metinlerin tek bir diyalekten oluşamayacağını anlayan Yakovlev, her iki diyalekten de yararlanacağı bir metot tasarlamıştı. Buna göre:

a) Anatri diyalekti Viryal diyalektinden sözlerle zenginleştirilmiş, Anatri diyalektinde yaygın olan ancak diğer Çuvaş bölgelerinde kullanılmayan Tatarca sözler ayıklamıştır. Yakovlev'in ilk yayınlarındaki *kürşi* "komşu", *uyla-* "düşünmek", yavlık "başlık", *yeşil* "yeşil", *minter* "minder" gibi Tatarcadan kopyalanmış sözlerin söz konusu uygulama sonrasında yerlerini *puskil* "komşu", *şuşişla-* "düşünmek", *tutır* "başlık", *simis* "yeşil", *şitar* "minder" gibi Çuvaşça sözlere bıraktığını görüyoruz [16, s. 138].

b) Çuvaş ağızlarındaki bazı sözlerin sinonim olarak kullanılabileceğini düşünmüş, bunlara aynı metinde yer vererek okurun ilgili sözler arasında anlamsal ilişkiler kurabilmesini sağlamıştır: *hir / uy* "kır"; *şeşen hir / puşi uy* "bozkır"; *hıpar / ulih* "haber"; *çikmek / puma* "merdiven" vb. [17, s. 70].

c) Halk dilinde yaygın olmayan sözleri edebî metinlerde kullanırken, bunların anlamlarını araç içine aldığı diğer diyalektteki ya da tüm halkın bildiği aynı anlamlı kelimelerle açıklamıştır. O. R. Studentsov, Yakovlev'in yayımladığı 50'nin üzerindeki yayında yaptığı incelemede bu türden 250'ye yakın örnek belirlemiştir: *suhırlı* (sımalallı) "şekerli"; *şutlama* (hisepleme) "hesaplama"; *puhni* (puştarnı) "toplama"; *kürenter-* (hurlantar-) "üzmek"; *miskın* (naçar) "sefil"; *yurlı* (çuhın) "fakir"; *ilem* (hühim) "güzellik"; *imirlık asap* (tamık) "cehennem"; *huriltı* (şurt) "ev" vb. [17, s. 68-69].

İ. Ya. Yakovlev, bu yeni metot sayesinde Anatri diyalektine temellenen, Viryal diyalektinden de katkıların bulunduğu bir ortak yazı dilini tesis etmeyi başarmıştır. 1880 sonrasında, Simbirsk Çuvaş Okulu bünyesinde gerçekleştirilen tüm çeviriler bu yeni diyalekt temelinde gerçekleştirilmiştir.

5. Çeviri Faaliyetlerinin Getirdikleri

5.1. Çeviriden Telif: İlk Edebî Ürünlerin Ortaya Çıkışı

Çuvaşçanın ilk yazılı ürünlerinin büyük bölümünü oluşturan çeviriler, başlarda ağırlıklı olarak dinî yayınlardan ibaret olsa da, ilerleyen yıllar içerisinde farklı türlere ait metin örneklerinin çe-

virileri de yapılı hâle gelmiştir. Bu çeviriler, bir yandan Çuvaşçanın okuyucu kitlesini arttırırken, diğer yandan bazı yetenekli yazar adaylarını edebî faaliyetlere katılma konusunda teşvik etmiştir. Özellikle, Çarlık rejiminin ilkokullarda ana dil ile eğitim yapılabilmesine izin vermesinin ardından, daha küçük yaşlarda pek çok alana ilişkin yayını Çuvaşça ile takip edebilme imkânına kavuşan Çuvaş çocukları arasından birçok yazar, şair ve eğitimcinin yetiştiğine tanık oluyoruz. İlk zamanların teknik kusurlarla dolu çevirilerinin yerini alacak olan olgun çeviri dilinin de yine anılan kuşağa ait olduğu görülmektedir. Büyük bölümü, Simbirsk Çuvaş Okulundan yetişen bu kuşağın çeviriden çok bir *yeniden yazmayı* andıran çalışmaları, Çuvaş yazı dilinin ilk çevirilerinden ilk telif ürünlerine uzanan süreci kısaltan önemli adımlar olarak dikkat çekmektedir.

Yapılan başarılı çeviriler sayesinde yeni türler hakkında bilgi sahibi olan ve edebî ustalıklarını geliştirme fırsatı bulan genç yazar ve şairlerin [13, s. 22]. Çıvaş Halih Yumahisempe Halapisem (Çuvaş Halk Masalları ile Hikâyeleri) adlı kitapta ilk denemelerini yayımlanma fırsatı bulduklarını görüyoruz. Çuvaş edebiyatı için birer klasik olan K. V. İvanov'un Narspi manzum hikâyesi, M. F. Fedorov'un Arşuri baladı ve N. V. Şuppuşşın'ın şiirlerinin yer aldığı bu yayım, Çuvaş edebiyatının Yakovlev sonrasında gelişen yeni edebiyat dili ile kaleme alınan ilk başarılı örnekleri bir araya getirmesi bakımından önem taşımaktadır. Yine, Y. V. Turhan'ın şiirleri, İ. N. Yurkin'in Etem Pırı Tutı ta Kuşi Vişi [İnsanın Boğazı Tok da Gözü Aç] ve Mul [Mal] hikâyeleri ile G. T. Timofeyev'in Tihıryal [Dokuz Köy] adlı denemesini de 1917 öncesi yazın dilinin öne çıkan ürünleri olarak anmak gerekir.

Okullarda Çuvaşça eğitime geçilmesinin yanı sıra Çuvaşça gazete ve dergilerin yaygınlaşması da, çeşitli edebî türlerin gelişimine imkân vermiş, çok sayıda yazar ve şairin yazın eseri yayımlanma fırsatı bulmuştur. Örneğin 1906 yılında yayım hayatına başlayan *Hıpar* [Haber] gazetesi o döneme kadar herhangi bir yerde yazmayan T. Semenov (Tayır Timkki), N. Polorussov (Şelepı), M. Akimov, F. Nikolayey, S. Sorokin, G. Korenkov, D. Demidov, A. Vasilyeva, Ya. Turhan, T. Kirillov, G. Komissarov gibi isimlerin edebiyat dünyasına adım atmalarına yardımcı olmuştur. Söz konusu gazete yıllar içinde Çuvaş ediplerinin eserlerinin yayımlandığı en önemli yayım organı hâline gelmiş, K. İvanov, N. Vasilyev (Şuppuşşın), İ. Yefimov (Tıhti), F. Pavlov gibi isimler de burada yazın faaliyetinde bulunmuşlardır [18, s. 16]. Böylelikle ilk örnekleri Y.

Rojanskiy ve N. Biçurin tarafından kaleme alınan deneme (Rus. *oçerk*) ve kaside (Rus. *ode*) türleri dışında, Yakovlev sonrası yeni edebiyat diliyle şiir, hikâye, uzun hikâye gibi farklı türlere ait eserlerin yazımına başlanmıştır.

5.2. Çuvaşçanın Söz Varlığının Zenginleşmesi

Ruşçadan yapılan çeviriler sırasında yaşanan en önemli sorunlardan birisi de bazı kavram ya da terimlerin Çuvaşçada karşılıklarının bulunmamasıydı. Kimi çevirmenler bu sorunun çözümünü kaynak dildeki biçimi olduğu gibi bırakmakta görürken, kimileri de Çuvaşçanın dil olanaklarını kullanarak yeni birtakım sözler yapma yoluna gitmişlerdi. Önemli bir kısmının İ. Ya. Yakovlev ve öğrencilerince kullanıldığını bildiğimiz bu sözleri dinî metinler başta olmak üzere roman, hikâye, şiir, gazete gibi pek çok yazın türünün Çuvaşça çevirisinde tanımlayabiliyoruz.

1917 Bolşevik İhtilaline kadarki çeviri eserlerde yeni sözlerin büyük oranda [+lik] / [+lik], [+li] / [+li], [+şi] / [+şi], [-u] / [-ü], [-kan] / [-ken] gibi ekler ile türetildikleri görülmektedir. Söz konusu örnekler incelendiğinde, bunların özellikle soyut birtakım kavramlara karşılık bulma düşüncesi ile oluşturuldukları anlaşılmaktadır [19, s. 14; 20, s. 221-222; 21, s. 124-135].

a) [+lik] / [+lik] Ekli Sözcükler: ayıpsırlıh “günaheşizlik”, aşımlıh “bellek”, askınlıh “öfke, kudurma”, vatımlıh “yaşlılık”, vişşilıh “üç rublelik banknot”, vişelıh “oran”, yevırlıh “benzerlik”, yeşırlıh “yeşillik”, imıtsırlıh “açgözlülük”, işsırlıh “işsizlik”, işliıh “emek”, kilışülıh “uygunluk”, lipkılıh “sessizlik”, muhtavlıh “gurur”, namıslıh “mahcupiyet”, naçarlıh “zayıflık”, pılimlıh “gözlemelik un”, pılmenlıh “cehalet”, şımsalıh “yem torbası”, sıvaplıh “dındarlık”, sukkırlıh “cehalet”, savınışlıh “mutluluk”, sıvmarlıh “hastalık”, salhulıh “hüzün”, suyalıh “aldatma”, teylelıh “mutluluk”, tutlıh “tat”, tutlılıh “lezzet”, tıreklıh “sağlamlık”, tulıh “rahat”, tutılıh “zevкли”, tıttımlıh “cehalet”, usılıh “yararlılık”, üsımlıh “başarı”, hitılıh “titizlik”, hitlıh “hassislik”, hıvatlıh “kudret”, hınlıh “engel”, hitreliıh “güzellik”, çarulıh “sabır”, çarusırlıh “sabırsızlık”, ilhanlıh “lanet” vb.

b) [+li] / [li] siplıhli “şifa”; tırlıslıhli “adil” vb.

c) [+şi] / [şi] Ekli Sözcükler: kimilşi “gümüşçü”, kşinekeşi “kâtip”, pahçaşi “bahçıvan”, pulıuşuşi “yardımcı”, solomonşi “Süleyman peygamberin

kitabından fal açan”, şiltırışı “müneccim”, çirküşı “kilise cemaatinden olan”, çülmekşi “çömlekçi”, emelşi “üfürükçü” vb.

ç) [-u] / [-ü] Ekli Sözcükler: üsırlı “sarhoşluk”, askınlanu “hovardalık”, vırşu “savaşma”, kaşarttaru “af”, lıplanu “rahatlama”, lıplantaru “rahatlatma”, şunu “yanma”, itlaşşı şıyü “çok yeme, oburluk”, tirkü “fark”, hıru “çekinme”, huşılı-amanu “pişmanlık”, üpkelü “sitem”, yun tıku “kan dökme”, yasarlau “zina” vb.

d) [-kan] / [-ken] Ekli Sözcükler: işleken “işçi”; suylakan “seçmen”; pılhanakan “ası”; vıreneken “öğrenci”; vırenteken “öğretmen” vb.

Türetme yolu dışında, mevcut sözlere yeni anlamlar yüklenmesi ile de pek çok yeni kavram Çuvaş söz varlığına katılmıştır [22, s. 39-41].

çaplılıh “kibir”; çınlıh “teşhir”; çınlıh-tırlıslıh “mahkeme”; hastarlıh “emek”; ırılıh (I) “tatlılık”, (II) “iyi niyet”, (III) “hediye”, (IV) “haysiyet”, (V) “iktidar”, (VI) “şöhret”; ırılıh-sıplılıh “ebedî esenlik”; işlilıh “ihtiyatlı”; işlilıhli “esrarengiz”; kirevsır “alaycı”; kirevsırılıh (I) “ayıp”, (II) “cehalet”, (III) “iğrenç”; mul usravlıh(i) “hazine”; pılimlıh “öğretim”; pılimşi “kâhin”; sıtırılıh I “intikam”, (II) “saldırı”; taravatlıh “ihtiyatlı” vb.

Bu örneklerin büyük bir bölümü Çuvaşçanın söz varlığında kalıcı biçimde yer bulurken bir bölümünün ise bu şansa sahip olmadığını görüyoruz. Örneğin askınlanu, kaşarttaru, lıplanu, lıplantaru, tirkü, hıru, huşılı-amanu, üpkelü, yun tıku, yasarlau sözleri kullanıldıkları dönemde önemli bir ihtiyacı karşılamalarına rağmen bugün Çuvaşçanın sözlük çalışmalarında tanıklanamamaktadırlar.

Ayrıca, Rusçadan alıntılanan kimi sözler, fonetik birtakım değişimlerle ilk Çuvaşça metinlerde kullanılır hâle gelmiştir: Rus. *udel'naya* > Çuv. *util* “özel”; Rus. *kontora* > Çuv. *kantur* “ofis”; Rus. *glava* > Çuv. *klava* “başkan”; Rus. *burmistr* > Çuv. *purmis* “kamarot”; Rus. *volost* > Çuv. *vulıs* “kasaba”; Rus. *guberniya* > Çuv. *kıprıne* “il” vb. Son olarak, bazı Rusça kavramların birebir çevirisi yapılarak metinlerde yeni sözlük öğelerinin varlık kazandıklarını görüyoruz: Rus. *nezakonnoe deystvie* > Rus. *zakonsır iş* “kanunsuz iş”; Rus. *doljnostnie litsa* > Çuv. *vırınlı şınsem* “yetkililer”; Rus. *rabočaya sila* > Çuv. *iş vıyı* “iş gücü”; Rus. *gostinyı dvor* > Çuv. *hına kılı* “konuk evi” [19, s. 33-16].

6. Sonuç ve Değerlendirmeler

• Çuvaşçanın tarihî söz varlığı ve gramerine ışık tutan kayıtların çoğaltılması noktasında, 18.

yüzyılın ilk yarısı itibariyle başlayan, 19. yüzyılda ise büyük hız kazanan çeviri etkinlikleri önemli bir etkiye sahiptir.

- Çeviri çalışmaları sırasında Çuvaşçanın yazıda nasıl bir grafik ile temsil edileceği konusu çokça tartışılmış, neredeyse iki asırlık deneme-yanılma tecrübelerini içine alan bir sürecin ardından bugünkü Çuvaş yazısını oluşturan fonetik alfabenin temelleri atılmıştır.

- Çuvaşçanın ilk çevirilerinin büyük bir kısmında kullanılan dil Viryal diyalekti esasında biçimlenirken, İ. Ya. Yakovlev ve Simbirsk Çuvaş Okulundan yetişen çevirmenler ise Anatri diyalektine temellenen, Viryal diyalektinden de katkıların bulunduğu bir dil anlayışını benimsenmişlerdir.

- İlk çevirilerin Rusçanın etkisi altında kalan bir anlayışla gerçekleştirilmesi, bağlamdaki anlamların doğru bir biçimde aktarılamadığı metinlerin ortaya çıkmasına neden olmuştur. 19. yüzyılın ikinci yarısının ortalarına değin tam anlamıyla aşılamayan bu sorun, İ. Ya. Yakovlev'in Çuvaşçanın dil özelliklerini dikkate aldığı ve metinlerin anlaşılabilirliğini öne çıkaran çeviri anlayışı ile çözüme kavuşturulmuştur.

- İlk çeviriler dil ve anlatım kusurlarının çokça tanıklandığı metinlerden oluşuyordu. Ancak zamanla çeviriden çok yeniden yazmayı andıran başarılı çalışmalara imza atan kuşaklar yetiştiler ve bunlar Çuvaşçanın ilk telif yazın ürünlerini kaleme aldılar. Çeviriler sayesinde farklı yazın türleri hakkında bilgi edinen andığımız kuşağa mensup yazar ve şairler telif eserlerde tür çeşitlenmesini sağladılar.

- İlk çevirilerin yapılabilmesinin önündeki en önemli sorunlardan birisi terminolojik kavramlara Çuvaşça karşılıklar bulmaktır. Söz konusu durumun çözümüne ilişkin gerçekleştirilen çalışmalar neticesinde, büyük bir kısmı bugün canlı bir biçimde kullanılmakta olan yüzlerce yeni kelime Çuvaşçaya kazandırılmıştır.

- Dinî çevirilerde kullanılan dilin ortak yazı dilini belirlediğine ilişkin görüş, Çuvaş yazı dilinin tesis edilmesi süreci için de söz konusu edilebilir. Almancanın Luther'in İncil'i çevirdiği Sakson diyalekti esasında oluşması gibi, Çuvaşçanın da İncil'in ve Hristiyanlığa ilişkin yayınların çevrilmesine yönelik çalışmalar neticesinde bir yazı dili hâline gelebildiğini görüyoruz.

- Çeviri faaliyetleri ile koşut ilerleyen yazı dilinin şekillenmesi sürecinde din adamlarının son derece etkin bir rol üstlenmesi, Çarlık yönetiminin bir hedef olarak gördüğü azınlık halkların Hristiyanlaştırılması düşüncesi ile ilgilidir. Bu yönüyle Çuvaşçanın yazı dilinin oluşum sürecini hızlan-

dıran çeviri çalışmalarının, Çuvaş halkının kendi medeni uyanışını gerçekleştirmek amacıyla toplum içi dinamiklerini harekete geçirmesi neticesinde ortaya çıkmadığı görülmektedir. Çuvaş yazı dilinin oluşumu, misyonerlik tabanlı çeviri çalışmalarının bir amacı değil, sonucudur.

Kaynaklar

1. Yıldız Ş. Endülüs Yahudileri ve İslam Kültür ve Biliminin Avrupa'ya Geçişinde Oynadıkları Rol // İstem. 2009. Yıl: 7. Sayı: 13. – S. 51-68.

2. Ülken H. Z. Uyanış Devirlerinde Tercümenin Rolü. – İstanbul, 2011.

3. Kızıltan R. Tarihte Çeviri -Antik Çağdan 19. Yüzyıl Sonuna Kadar Edebi Çeviri Kuramları -1 Antik Çağdan Barok Çağın Sonuna Kadar- // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Cilt: 40, Sayı: 1.2 2000. – s. 71-88.

4. Tanpınar A. H. 19uncu asır Türk Edebiyatı Tarihi. – İstanbul, 2001.

5. Durmuş O. 18. Yüzyıl Çuvaşçasının Söz Varlığı. – Edirne, 2014.

6. Petrov M. P. Çimpirti çıvaş şkulipe İvan Yikkilç Yakkivliv inçen. – Şupaşkar, 1928.

7. Rodionov V. Revolyutsiççenhi çıvaş literaturi. – Şupaşkar, 1989.

8. Rodionov V. Çıvaş literaturi, XVIII-XIX imirsem. – Şupaşkar, 2006.

9. Sergejev L. P. XVIII. İmirti Çıvaş şırulih'in palikisem. – Şupaşkar, 2004.

10. Arıkan İ. Çuvaş Türkçesinin Kurucularından Ermey İvanoviç Rojanskiy // IV. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Öğrenci Kongresi (27-28 Ağustos 2012), Bildiriler. 2013. – S. 3-9.

11. Petrov N. P. Çıvaş literatürüne çilhin istoriyi. – Şupaşkar, 1978.

12. Mukina İ. V. İ. Ya. Yakovlev şinçen huni çin simah. – Şupaşkar, 1998.

13. Vasilyev A. V. İ. Ya. Yakovlev tata unın literatürüne işinçi pultaruluh // Çıvaş literatürovedeniynin iytivisem. – Şupaşkar, 1978.

14. Alekseyev A. A. Çıvaş literatürüne çilhin umistoriyipe maltanhi utimisem // Çıvaş ilemliliteratürüne çilhi IV. 1978. – Şupaşkar, S. 3-18.

15. Vinogradov Yu. M. Grafikipa orfograf // Hal'hi Çıvaş çilhin fonetiki, grafikiliteratürüne çilhi IV. 1978. – Şupaşkar, 1978.

16. Petrov N. P. İ. Ya. Yakovlev literatürüne çilhin leksikine normilani // Çıvaş çilhe piliv. Şupaşkar, 1999.

17. Studentsov O. R. Tin çilhinçi simah tata simah maylaşiv'in sononimlih'i pirki // Voprosı istorii çuvaşskogo literaturnogo yazıkı i ego stiley. Mate-

riali nauçnoy konferentsii, posvyaşçennoy 70-letiyu so dnya rojdeniya akademika N. P. Petrova. – Çeboksarı, 1999.

18. Çıvaş Sovyet Literatırı. – Şupaşkar, 1972.

19. Petrov N. P. Çuvaşskaya terminologiya. – Çeboksarı, 1979.

20. Studentsov O. R. İ. Ya. Yakovlev kuşarnı tın literaturinçi şini sımahsem // İ. Ya. Yakovlev i duhovniy mir sovremennogo mnogonatsional'no-go obşçestva. Tezisi dokladov Mejdunarodnoy nauçnoy konferentsii. 24 aprel' 1998 g. – Çeboksarı, 1998.

21. Studentsov O. R. 1873-1917 şulsençe kuşarnı tın literaturinçi şini sımahsem // Çıvaş çilhe pılıv. – Şupaşkar, 1999.

22. Studentsov O. R. Aslı vırentekenimır kuşarnı tata redaktsilenı tın literaturinçi şini sımahsem // Tıvan Atıl. № 2. –1998. – S. 39-41.

Кысальтмалар ве İşaretler

bk. bakınız

Çuv. Çuvaş Türkçesi

Rus. Rusça

vb. ve benzerleri

// Seslerin gösterilmesinde kullanılır

[ ] Biçim birimlerin gösterilmesinde kullanılır.

- Fiillere gelen eklerin önünde kullanılır.

+ Adlara gelen eklerin önünde kullanılır.

> Bir dilden başka bir dile geçişi gösterir.

КЫРГЫЗО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЭПОСЕ «МАНАС» ПО ОТНОШЕНИЮ К ИХ ОБЩНОСТИ И ЗАИМСТВОВАННОСТИ

Г. Жумакунова

УДК 811.512.154

В языке эпоса Манас, который развивался устно и имеет 1000-летнее прошлое, имеются сотни тюрко-монгольских параллелей, не встречающихся в современном кыргызском языке. Эти слова принадлежат к таким тематическим группам лексики, как наименования одежды и снаряжений, ювелирные изделия и ткани, административные и военные термины. В докладе эти слова будут освещены в свете данных истории тюркских и монгольских народов, а также древних и современных письменных источников.

Ключевые слова: тюрко-монгольские лексические параллели, кыргызский язык, сибирские тюркские языки, эпос “Манас”.

Etnik kökenleri, siyasi ve sosyal yaşantılarındaki farklılıklara rağmen Merkezi Asya'nın geniş topraklarında at koşturan göçebe halkların kültürlerinde sürekli etkileşimler yaşandığı malum. Göçebe hayat tarzlarının getirdiği aktif yaşantıları, göçleri, savaşları ile Merkezi Asya tarihinin en önemli aktörlerinden olan Türk ve Moğol halklarının bilinmeyen tarihlerde başlayan ilişkileri günümüze kadar sürüp gelmektedir. Onların hayatlarının tüm alanlarını kapsayan

maddi ve manevi kültürlerindeki alakalar dillerinde de önemli iz bırakmıştır.

Türk ve Moğol dilleri, bir taraftan meşhur Altay teorisinin çekirdeğini oluşturmaları, diğer yandan da dillerinin bugünkü durumu ile ilgili birçok konunun cevabının aranması gayesiyle birçok yabancı ve yerli araştırmaların ilgi odağı olmuştur. Bu araştırmaların çoğu Moğol kökenli halklar ile son zamanlara kadar iç içe yaşayan ve dolayısıyla daha çok etkileşim alanına sahip Sibiry Türk dilleri

üzerinde yoğunlaşmıştır [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] Son dönemlerini bu topluluk kitlesinden ayrı geçiren ve şimdiki bulunduğu coğrafyaya ve dil çevresine göre söz varlığında büyük değişimler gerçekleştiren Kırgızlar ise bu araştırmalarda başvurulan bazı yüzeysel örnekler ve yerli araştırmacıların bazı tematik gruplar üzerinde yaptıkları incelemeler dışında kapsamlı bir araştırmaya tabii tutulmuş değildir [11; 12; 13; 14].

Bugün de Türk-Moğol paralellerindeki ödünçlemelerin tabiatını belirleme veya onları bir genetik ortaklığa dayandırma meselesinin halen de bir çözüme kavuştuğu söylenemez. Türk-Moğol leksik paralellerinin etimolojik çözüme kavuşturulmasını zorlaştıran problemlerin başında bu ailelere mensup dillerin her birindeki bu tür etkileşim oranlarının tam olarak ortaya çıkarılmamış olması ve bugüne kadar kullanılan metotların da tutarsızlığı gelir.

Türk-Moğol dillerinin sadece söz varlığı düzeyinde kalmayan ve fonetik, morfolojik paralellerle de temsil edilen yapısal benzerlikleri de bu çözümü zorlaştıran hususlardandır. O nedenle her iki ailenin ses ve şekil düzeyinde gerçekleşen değişimlerin tarihini, yayılma oranını tespit etmeden genel ve bölgesel (areal) etkileşimlerden söz etmek güçtür. Meseleye yalnızca bugünün canlı dil örneklerinden bakmak da yeterli değildir. Doğru çözüm için arkeoloji, tarih, folklor, antropoloji ve coğrafi gibi konuyla alakalı bütün bilim dallarının verilerinin bir araya getirilmesine ihtiyaç vardır.

Tarihleri yazılı eserleri ile belgelenmiş halklara nazaran kültür servetlerini günümüze sözlü olarak taşıyan halklarda sözlü edebiyat eserlerinin dili tarihi irdeleme açısından pahası biçilmez kaynak konumundadır. Kırgızların Manas Destanı, bin yılı aşan geçmişi ile Kırgız halkının dili, sözlü edebiyatının bütün türleri, müziği, tiyatrosu, tabiat, gök ve tıp bilgileri, inanç sistemi v.s. gibi göçebe hayatın elde ettiği bütün tecrübeleri bir edebi eser olarak günümüze ulaştıran muazzam bir kaynaktır.

Manas Destanı, dünyanın bu en hacimli destanı unvanını taşıması ve halen de canlı icra edilmesiyle dünya destan sanatında özel bir yere sahiptir. Yarım milyon şiir satırından oluşan destanın dili, sözlü olarak yaşatılması ve aktarılan her yeni nesille beraber yenilenmesiyle şimdiki Kırgız dilinden fazla fark etmiyor. Fakat destanın geleneksel olaylar zincirine bağlı olarak sıkıca örülmüş şiir satırlarında hapsedilmiş eski Türkçe ve yabancı kelimelerin nice örnekleri halkın dilinden düşse bile destanın dilinde yaşamaya devam etmiştir. O nedenle Manas Destanı Kırgızların geçmişi ile

ilgili tarihin herhangi alanında olduğu gibi dilinin tarihi için de başvurulacak kaynakların başında gelmektedir.

Biz de Türk-Moğol leksik paralellerinin ortaklık ve ödünçleme konusuna bir nevi katkı sağlamak adına Manas Destanı'ndaki "Giyecekler", "Askerî donanım", "Aksesuarlar", "Evcil hayvan isimleri", "Akraba terimleri" gibi kullanım oranı büyük ve ödünçlemeye elverişli tematik gruplar üzerinde leksik-semantic bir inceleme yaptık. Yaptığımız incelemede elde ettiğimiz bulgular bir çok konuya açıklık getirecek mahiyettedir.

1. İnceleme sonucunda Kırgızcanın Moğolca ile ortak kelime sayısı sanıldığından çok fazla düzeyde olduğu ortaya çıkmıştır. Çağdaş Kırgızcanın temel söz varlığı fonunda yer tutmuş ve Türkçe olduğundan şüphe duyulmayan büyük bir kelime katmanının aslında Türk-Moğol paralelleri grubuna ait olduğu belirlenmiştir. Bu katman, hem içerdiği tematik gruplar, hem ortak kelimelerin sayısı ve morfolojik yapısı açısından Kırgızların bir zamanlar aynı devlet mensupları oldukları Sibiry Türk halklarının verilerinden hiç de azımsanmayacak oranda olduğu tespit edilmiştir.

2. Manas Destanı'ndaki Moğolca ile ortak kelimeler katmanında yer alan tematik grup mensupları sabit ve değişken özelliklerine göre farklı yaklaşımlar gerektirdiği kanaatine varılmıştır. Örneğin, "Gıda", "Evcil hayvanlar" gruplarına dâhil kelimeler Türk ve Moğol dillerinin geneline yaygın olmaları ve eski yazı dillerinde de geçmeleri nedeni ile Türk-Moğol genetik ortaklık katmanına tabi tutulabilir. Burada onların iki dil ailesinde de etimolojik çözümlemeye elverişliliği de göz önünde bulundurulmalı.

3. "Giyecekler", "askerî donanım", "aksesuarlar", "kumaşlar" grubundaki kelimelerde Moğolcanın veya Moğolca vasıtasıyla diğer doğu dillerinden geçen kelimelerin ağırlıklı olduğu göze çarpıyor. Bu kelimeler daha çok destan diline özgü olup çağdaş Kırgızcada unutulmuş veya başka kelimeler ile değiştirilmiştir.

4. Adı geçen tematik gruplardaki isimler ve o isimlerle alakalı diğer kelime türleri üzerinde yapılan araştırmalarda Türk-Moğol ortaklığının sıfat, zarf, yansıma kelimeler, ünlemler, fiiller ve onların yapım ekleri gibi bütün kelime türlerini de içine aldığı ortaya çıkmıştır. Bu husus, Kırgızca ve Moğolcadaki paralellere basit bir kelime alış-verişi olarak değil, dilin temelini derinden etkileyen ortaklığın meyvesi olarak bakılması gerektiğini gösteriyor.

Şimdi de Manas Destanı'nda geçen bazı tematik gruplar üzerinde yapılan incelemenin verilerine bakalım.

Hayvanlarla İlgili Söz Varlığı

Kırgızlar ve Moğollar göçebe hayat sürdürdükleri için yaşantılarının kaynağı olan yabanî ve evcil hayvanlar hakkında çok iyi bilgi sahibi oldukları gibi bu bilgilerini detaylı bir şekilde adlandırmışlar da. Biz burada Türk-Moğol leksik paralelleri olarak birçok araştırmada yer alan yaygın paralellerden değil, Manas Destanı verileri ve günümüz Kırgızcası ile ilişkilendirdiğimiz sınırlı etkileşimlerden söz edeceğiz.

Hayvanların yaşına, cinsine, kalitesine göre çok ayrıntılı adlandırmalarda da Kırgızca ile Moğolca örtüşüyor. Hayvan isimlerinde, onlarla ilgili fiillerde, ünlemlerde de başka Türk dillerinde yaygın olmayan ortaklık açıkça görülmektedir:

Moğ. *möndöl* “köstebek yavrusu”; Kırg. *möndölöy* “aynı”

Moğ. *bältræg* “kurt yavrusu”, Kırg. *böltürük* “aynı”

Moğ. *bulga(n)*, Kırg. MD *bulgun* “samur”

Moğ. *guna(n)*, Kırg. *kunan* “üç yaşındaki hayvan”

Moğ. *dönc*, Kırg. *dönön* “dört yaşındaki hayvan”.

Moğ. *mægс*, Kırg. *megecin* “dişi domuz”;

Moğ. *guncin* “üç yaşındaki dişi inek”; Kırg. *kunaacin* “ilk defa döl veren inek”;

Moğ. *göhöldüüläh*, Kırg. *köküldürük* “gemin atın kakhülünü toplamaya yarayan parçası”; Moğ. *sahalduulah*, Kırg. *sakaldırık* “gemin atın boynundan geçirilen kısmı”.

Moğ. *ganzaga*, Kırg. *kanjıga* “eyerin arkasındaki yedek bağlar”

Moğ. *ireg* “iğdiş edilmiş koç”; Kırg. *irik* “aynı”;

Moğ. *ingän* “dişi deve”; Kırg. *ingen* “aynı”;

Moğ. *leg*, Kırg. *lök* “tek hörgüçlü deve”;

Moğ. *im* “imge” *im tamga* “nişan, damga”; Kırg. *en* “aynı”, *en tamga* “aynı”;

Moğ. *züs* “tüy rengi”, “don” (hayvanlarda); Kırg. *tüs* 1. “renk”; 2. “don”;

Moğ. *coroo* “rahvan atı”; Kırg. *corgo* “aynı”;

Hayvanlarla ilgili fiiller:

Moğ. *corooloh-* “sarsmadan yürümek” (at); Kırg. *corgolo-* “aynı”;

Moğ. *mærex* 1. “yanakları kıpırdatmak”; 2. “sessiz gülmek”; Kırg. *mekiren-* 1. “yavaşıca belemek (koyun kuzusunu emzirirken)”; 2. “sinsice gülmek”.

Moğ. *mööröh-*, Kırg. *möörö-* “böğürmek” (inek);

Moğ. *maylah-*, Kırg. *maara-* “melemek” vs.

Manas Destanında geçen hayvan isimlerindeki benzerliklerin bazıları hem Kırgızcaya hem de Moğolcaya kültürel etkileşim sonucu olarak başka dillerden girmiş alıntılardan kaynaklanmaktadır: Moğ. *meçin* “maymun” *meçin cil* “maymun yılı” (12 hayvanlık takvime göre); Kırg. *meçin* “aynı anlamda”; *meçin cılı* “aynı anlamda”; Moğ. *luu(n)* “ejderha”; Kırg. *uluu* “ejderha”; bu isimler iki dilde de 12 hayvanlık takvimde geçen Çince alıntıdır. Çağdaş Kırgızca *mechin* ve *uluu* yerine Ar. *maymıl* ve Fars. *acidaar* kelimelerini kullanmaktadır. Ayrıca Moğolların bu takvim için kullandıkları *mogoy* “yılan” (*mogoy cil* “yılan yılı”) da Kırgızcaya *mokoy* “canavar, korkunç yaratık” olarak geçmiştir.

Akrabalık Terimleri

Akrabalık terimlerinde, özellikle de anne-baba tarafından olan akrabaların farklı adlandırılmalarında şaşırtıcı benzerlikler tespit edildi. Veriler, Kırgız akraba terimlerinin sistemleştirilmesinde esas alınan kıstaslar ve akraba ilişkileri kurallarının Moğollar için de geçerli olduğunu gösteriyor. Bu derece benzerlikler en yakın Türk toplulukları arasında bile görülemez.

Moğ. *avga*, Kırg. *aba* “amca” (baba tarafından)

Moğ. *nagats*, Kırg. *tagay* “anne tarafından akrabalar”

Moğ. *nagats ax* - Kırg. *taga*, *tay ake* “dayı”;

Moğ. *nagats bərgən* “dayının karısı”, Kırg. *tay cenge*

Moğ. *nagats hürgen* “teyzenin kocası”, Kırg. *tay cezde*;

Moğ. *nagats ağç* “teyze”, Kırg. *tay ece*;

Moğ. *nagats eh* “anneanne” Kırg. *tay ene*;

Moğ. *zəñcher* “kızından olan torunun çocuğu”;

Kırg. *ceñçer* “aynı”.

Moğ. *zəð* “kızından olan torun”; Kırg. *ceen* “aynı”;

Moğ. *zuuch* “çöpçatan”; Kırg. *cuuçı* “aynı”.

Moğ. *acin* “elti”, Kırg. *abısın-acın* “elti”

Moğ. *ıher* “ikizler”, Kırg. *egiz* “aynı”

Moğ. *baz* “bacanak”, Kırg. *baca* “aynı”

Moğ. *bül* “aile, aile fertleri”, Kırg. *bülö* “aynı”

Moğ. *bül* “kız kardeş çocukları”, Kırg. *bölö* “aynı”

Moğ. *avsan* “büyük elti”, Kırg. *abısın* “elti”

Moğ. *törhöm* “evli kadının akrabası”(kendine göre), Kırg. *törkün* “aynı”.

Aksesuarlar, Mücevherler

Aksesuarları insanlar estetik ihtiyacını gidermek, toplumda kendini daha hoş sunabilmek amacıyla kullanırlar. Manas Destanı'nda çok zengin bir aksesuar ve süs eşyası türüne rastlıyoruz. Takılar, kıymetli taşlar, kumaş adları olarak sayabileceğimiz bu grup, Çağdaş Kırgızcada korunmayan birçok tarihî kelimeyi barındırıyor. Bu grubu incelemeye almamızın sebebi, çoğunun Moğolca ile paralellik taşıması ve arkaik kelime katmanında yer almasıdır.

Kırg. *casalga* “süs” (genel isim) < *casa-* “yapmak”, Moğ. *zasal* “kıyafet, süs” < *zasah* “düzenlemek”;

Kırg. MD. *möngün* “gümüş”, Moğ. *möngön* 1. “gümüş”; 2. “para”; 3. *mungu* (Moğolistan para birimi);

Kırg. MD *diñse*, Tuv. *chinze*, Moğ. *cins tar* “başlığa takılan bilya şeklindeki süs” [14; s. 191]; Esk. Moğ. *cinse*, Bur. dial. *dense* [15; s. 72]. < Çin. *din-ze*;

Moğ. *otgo* “Moğol yüksek bürokratlarının rütbe belirtmek amacıyla taktıkları kuş tüyleri”; MD *otogo* “kadın başlığı *şökülö*’nün süs parçası” olarak *diñse* ile beraber kullanıldığı görülmektedir. Burada bazı nesnelere başka bir toplum tarafından fonksiyonu değiştirilerek kabul edilmesi vakası ile karşılaşılıyor. Çin bürokrasi hiyerarşisi rütbe sembollerinden *otogo* ve *diñse*’nin Moğollarda ve yakın zamana kadar Tuvalarda benzer amaçta kullanıldığı bilinmektedir [16; s. 53]. Bu nesnenin Manas Destanı’nda bir kadın başlığı süsü olarak kullanılması, Kırgızların benzer siyasi yapı içinde olmadıklarının gösteriyor. Fakat adı geçen eşyaların değişik fonksiyonda bile olsa Orta Çağ Çin kültüründen Türk ve Moğol halklarına taşındığını, dili de yeni kavramlar, terimler ile zenginleştirdiğini söyleyebiliriz. Manas’ta geçen *otogo*, *diñse* de başka birçok süs terimi gibi Kırgızcada tarihî kelime sınıfındadır.

Moğ. *nekey* “koyun derisi”, Kırg. MD *ceke/cekey* “işlenmiş deri”; *cekesan* “ökçesine çan konulmuş çizme”, *cekey* “kıymetli kadın başlığı”, *ceke*, *cekeyboz*, *cekene* “kemer türleri”. Moğolcadan Alt. *nekey* “kürk”, Tuv. *negey* “gocuk” olarak geçen kelimenin Kırgızcaya ses değişimiyle *cekey* şeklinde geçmesi fonetik açıdan ilginç bir vakadır. Adı geçen kelimelerin hepsi de Kırgızcada arkaik katman sınıfındadır.

Moğ. *cincüü* “inci”; Kırg. MD *cincüü* “aynı”. Kelimenin Altay dili ailesinin hepsinde ve Eski Türk yazıtlarında *jençu* olarak aynı anlamda yer

alması, onun bu dillere geçen çok eski Çince (*çjençju/çinçu* “inci”) alıntı olduğunu gösteriyor. MD *inci/ cincüü*, Çağdaş Kırgızcada yerini Farsca aracılığıyla Yunancadan geçen *bermet / mervet* kelimesine bırakmıştır.

MD *shuru*, Alt., Tuva *shuru* “boncuk”, “mercan”, Moğ. *shur*, Moğ.-Yaz. *shiru*, Halh. *shuru* “mercan”. V. Ya. Vladimirtsov kelimenin Tibetçe *buy-ri* “mercan”dan Moğol dillerine, oradan doğu Türk dillerine geçtiğini belirtir [7; s. 358]. Kırgızcanın *shuru* ve *marcan* kelimelerini anlamdaş olarak kullanması, onun birçok vakada görüldüğü gibi kuzey-doğu ve kuzey-batı dil grubunun özelliklerini bir arada taşıması ile ilişkilidir.

Giysi Adları

Manas Destanı’nda geçen giysi adları üzerinde yapılan incelenmede tespit edilen 135 ismin etimolojik dağılımına göre grubun temel söz varlığını oluşturan Türkçe kelimelerden sonra ikinci sırayı % 10’luk bir oran ile Moğolca ödünçlemeler alıyor. Biz bu veriyi esas giysi türleri, giysi parçaları, süsler, takıları da hesaba katarak aldık. Burada Kırgız-Moğol paralelleri bağlamını giysi grubunun değişken ve alıntılara elverişli saydığımız “başlıklar” tematik grubu elemanları üzerinde göstermek istiyoruz.

Moğ. *malgay*, Esk. Moğ. *malaga* “şapka, börk” (genel isim), MD *malakay* “hayvan postundan yapılmış erkek şapkası”. Kelimenin Eski Moğolca ile şekil benzerliği ödünçlemenin eski zamanlarda gerçekleşmiş olabileceğine işaret ediyor, karşılaştır: Halh. *malga*, Bur. *malgay/ malgayn*. MD’de *malakay*’ın Kırgızlar tarafından giyilmediği belirtildiği gibi, düşman başlığına yönelik bir tikslenme nüansını da içeriyor.

MD. *börk* “başlık” (genel isim); Moğ. *burhu/ burh*, Halh. *bürh*, “yaz şapkası”, Kalm. *burhe-* “örtmek, kaplamak”. Kelimenin Türk kökenli olduğu görüşü başlıkların genel ismi olarak bütün Türk dillerinde geçmesi ve kökü olan *bürkö- / börü-/ bürü-* “örtmek, kapatmak” fiillerinin Eski Türkçeden beri var olmasına [7; s. 133] bağlanıyor [18, s. 258]. Moğol dillerinde de farklı “başlık” anlamlarını içererek Moğ. *bürhuul*, Halh. *bürh*, Kalm. *bürh* şeklinde yaygın olan kelimenin kökeni de Moğ. *bürəh* “örtmek, kapatmak” fiiliyle [19, s. 96] ilişkilendiriliyor. Çağdaş Kırgızcada *börk* kullanımdan düşmüş, yerini *baş kiyim* “başlık” kelime öbeğine bırakmıştır.

Esk.-Moğ. *duğulga*, Oyr.folk.*duwulho* “migfer, tulga”; Kırg. MD *tuulga*, Yak. *duagi*, Alt. ,Türk.*tulga*, Özb. *duwulga* “migfer, tulga”. Moğol dilleri uzmanı B. Ya. Vladimirtsov kelimenin Moğol kökenli olduğu görüşünü bütün Moğol dillerinde ve eski yazılarında geçmesine, Türk yazılı eserlerinde ise geçmemesine dayandırıyor [7, s. 204]. *Tuulga*’da geçen -ga ekinin de Kırgızcada verimsizliği kelimenin bir alıntı olduğunun kanıtı olarak gösteriliyor [11, s. 215].

Kırg. *kalpak* “erkeklerin keçeden dikilmiş sivri tepeli başlığı”, Alt., Kaz., Hak. “başlık”; Özb., Gag.; Anad.T. “kürk şapka”, Tat. “bayan başlığı”; Moğ. *havhag*, Moğ. Yaz. *halvang*, Kalm. *halvñ* “kızların yüksek şapkası” [20, s. 443] . Kelimenin Türk kökenli olduğunu morfolojik yapısı kanıtlamaktadır: *kap* “zar, kın, bohça” + la < *kapla*-“üzerine geçirmek, sarmak”.

Sonuç.

Araştırılan grupların kelime yapım sistemlerinde görülen benzerlikler Kırgızca ile Moğolcanın yapım ekleri arasında ortaklığın kayda değer ölçüde olduğunu göstermiştir. İsim, sıfat ve fiil, zarf ve özellikle de yansıma kelimelerde görülen benzerlikler dilin genel yapısındaki ortaklıktan söz edecek kadar yüksek düzeydedir.

Bu demektir ki Türk-Moğol paralellerinin söz varlığı düzeyinde yapılan araştırmalarının ses bilgisi ve gramer düzeyine indirgenmesi, mevcut kök ve eklerin tespitine, ses özelliklerinin tabiatını ve yayılma alanını tespit etmeye, dolayısıyla ortaklığın genetik birlikten mi, yoksa alıntılardan mı kaynaklandığını gösterecektir. Ayrıca Kırgız kelimelerinin Moğol diyalektlerinde görülen ses değişiklikleri ve Moğol yazı dili verileri ile de kıyaslanmasının Kırgızcaya giren Moğol kelimelerinin tahminî tarihlerinin ve temas alanlarının belirlenmesinde büyük önemi olacaktır.

Kaynaklar:

1. Radloff W. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnis zu den Türkischen Sprachen* // *Zap. Akad. nauk.* 1908. T. VIII. №7.
2. Katanov N. F. *Opit issledovaniya uryanhayskogo yazıka s ukazaniyem glavniñ podstvennih otnoşeniy ego k drugim yazıkam tyurkskogo kornya.* – Kazan, 1903.
3. Kaluzynski St. *Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache.* – Warszawa, 1961.
4. Böhtlingk O. *Ueber die Sprache der Jakuten.* – St.-Pb., 1851.
5. Doerfer G. *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen.* – Wiesbaden, 1963.
6. Rona-Taş A. *Obşçee naslediye ili zaimstvovaniya? (K probleme rodstva altayskih yazıkov)* // *Voprosi*

yazıkoznaniya № 2, 1974.

7. Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazıka i halhasskogo nareçiya. Vvedeniye i fonetika.* – L.,İzd. Leningr. 1929.

8. Tatarintsev B. İ. *Mongol'skoye yazıkovoye vliyaniye na tuvinskuyu leksiku.* – Kızıl, 1976.

9. Rassadin V. İ. *Mongolo-buryatskiye zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazıkah.* – M., 1980.

10. Antonov N. K. *Materialı po istoričeskoj leksike yakutskogo yazıka.* – Yakutsk, 1971.

11. Yunusaliyev B. M. *Kırgızskaya leksikologiya (Razvitiye kornevih slov). Ch. 1.* – Frunze, 1959.

12. Sıdıkov S. *Tyurko-mongol'skiye paralleli // İstoçniki formirovaniya tyurkskih yazıkov Sredney Azii i Yujnoy Sibiri.* – Frunze, 1966.

13. Jumakunova G. *Bitovaya leksika eposa “Manas” v sravnitel'no-istoričeskom osveshenii.* – Bişkek, 2006.

14. Jumakunova G. *Kırgızsko-mongol'skiye leksişeskiye sootvetstviya v epose “Manas” (Na materiyale naimenovaniy odejdi) // Tyurkologiya-88. Tezisi dokl. i soobş. V.Vsesoyuznoy Tyurkologičeskoj konferentsii.* – Frunze: İlim, 1988, s. 621-623.

15. Bertagayev T. A. *K issledovaniyu leksiki mongol'skih yazıkov. Opit sravnitel'no-statisticheskogo issledovaniya leksiki buryatskih govorov.* – Ulan-Ude, 1961.

14. Budayev Ts. B. *Leksika buryatskih dialektov v sravnitel'no-istoričeskom osveşenii.* – Novosibirsk, 1978.

16. Grebnev L. V. *Tuvinskiy geroicheskiy epos. Opit istoriko-etnografişeskogo analiza.* – M., 1960.

17. *Drevnetyurkskiy slovar'.* – L.,1968.

18. Sevortyan E. V. *Etimologişeskiy slovar' tyurkskih yazıkov.* – M., 1974.

19. *Mongol oros töl.* – Moskva, 1957.

20. Todayeva V. H. *Opit lingvistişeskogo issledovaniya eposa “Cangar”.* – M., 1976.

Kısaltmalar:

- Alt.-Altayca
- Ar.-Arapça
- Bur.-Buryatça
- Çin.-Çince
- Esk.Moğ.-Eski Moğolca
- Fars.-Frasça
- Halh.-Halha Moğolca
- Kalm.-Kalmukça
- Kırg. -Kırgızca
- MD -Manas Destanı'nın dilinde
- Moğ. - Moğolca
- Moğ.-Yaz.- Moğol yazı dilinde
- Oyr.Folk. –Oyrat folklorunda
- Özb.-Özbekçe
- Tuv. -Tuvaca

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ СОГЛАСНО УРОВНЯМ УГРОЗЫ ИХ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Г. К. Йылмаз

УДК 81.27

Одной из актуальных проблем социолингвистики является определение уровня витальности языков и критериев, связанных с этим. Применение шкалы, содержащей критерии уровня жизненной силы языков, позволяет установить исчезающие языки и определить безотлагательность их документирования. Сибирские тюркские языки представляют смешанную картину, занимая разные позиции в предлагаемой автором шкале.

Ключевые слова: витальность языков, угроза исчезновения языка, уровни угрозы исчезновения языка, сибирские тюркские языки

1. Giriş

Özellikle son yıllarda yeryüzünde dil çeşitliliğinin korunmasına büyük bir önem verilmekte, konuşuru tehlikeli derecede azalmış olan dillerin içinde sakladığı bilgi ve kültür mirasının iz bırakmadan kaybolup gitmesinin önüne geçilmesi için çok sayıda çalışma yapılmaktadır. Dil ve diyalekt kavramlarının belirsizliği sebebiyle yeryüzündeki dillerin toplam sayısı hakkında çeşitli kaynaklarda farklı rakamlar olsa da bugün yaklaşık olarak sayısı 6000-7000 civarında olan dilin gelecek yüz yıl içinde yaklaşık %90'ının yok olacağı, dillerin %5 ila 10'unun yani yaklaşık 300 ila 600'ünün "güvende", %40 ila 75'inin ise tehlikede olduğu ve bu yüzyılda artık çocuklar tarafından konuşulmayacağı tahmin edilmektedir [1, s. 7-10; 2, s. 3-4]. Dillerin ne kadar tehlikede ya da ne kadar güvende olduğunun belirlenmesi, hangi özellikleri gösteren dillerin tehlikede ya da güvende kabul edilebileceği toplumdilbilimi çalışmalarının güncel konularından biridir. Dillerin yok olma noktasından güvende bulunma seviyesine ya da güvende bulunma seviyesinden yok olma noktasına uzanan süreç içinde dillerin çeşitli ölçütler bakımından değerlendirilerek dilsel canlılığın derecelendirilmesine ilişkin çok sayıda çalışma yapılmıştır [1; 2; 3; 4]. Dillerin tehlike seviyesi ölçeklerinde en çok başvurulan ölçütler konuşurların sayısı, konuşurların yaşı, dilin kuşaktan kuşağa aktarımı, söz konusu toplumda dilin işlevlerdir (Tsunoda 2006: 9-13). Ancak etnik popülasyon ve konuşur sayısı dışındaki ölçütlerin nispeten soyut ve tespiti güç oluşunun yanısıra dillerle ilgili bilgilerin eş zamanlı ve tam olmayışı sebebiyle bu ölçeklere göre dillerin sınıflandırılmasında karmaşık bir tablo ortaya çıkmaktadır.

1990'lı yıllardan itibaren çok sayıda dili içinde barındıran eski SSCB ve daha sonrasında bugünkü Rusya Federasyonu topraklarındaki dillerin durum, konum ya da canlılık derecesinin sınıflandırılmasına yönelik düzenlenmiş ölçek ve sınıflandırmalar da mevcuttur. Bu sınıflandırmaların bazılarında, "güvende"den "yok olmuş" seviyesine uzanan dilsel canlılığın çeşitli düzeylerindeki değişiklikleri içeren Türkçenin Sibirya grubu değişikliklerine de yer verilmiştir.

2. Tehlikesi Seviyesi Ölçeklerinde Türk Dilinin Sibirya'daki Değişiklerinin Konumlandırılması

2.1. A. Ye. Kibrik'e (1992) Göre SSCB'deki Tehlikedeki Dillerin Sınıflandırılması

Sovyet dilbilimci A. Ye. Kibrik SSCB döneminde konuşur sayısı, toplumsal ve hukuki konum, işlev alanları ve canlılık bakımından tamamen birbirinden farklılaşan yaklaşık 130 dilin varlığından söz etmiş [5, s. 67], SSCB'deki dillerden gelecekte büyük tehlike altında olduğunu tespit ettiği dilleri ise beş grup olarak ele almıştır [5, s. 71-79]. Bu dillerin büyük bölümü Sibirya'da varlığını sürdüren dillerdir. Dillerin "neredeyse ölüm sürecine giren diller", "ölümcül hasta diller", "ciddi derecede hasta diller", "kronik hasta diller" ve "aile içi günlük iletişim dili olarak varlığını sürdüren ancak yazısız olan az nüfuslu halkların dilleri" [5, s. 78-79] olarak beş gruba ayrıldığı Kibrik'in sınıflandırmasında Türk dilinin değişikliklerinden hiçbiri yer almamaktadır.

2.2. Yu. N. Karaulov'a Göre Rusya Federasyonu'ndaki Dillerin Dış Sistemlerine Göre Sınıflandırılması

Rusyalı toplumdilbilimci Yu. N. Karaulov, dillerin "dış sistemleri" açısından farklı özelliklere sahip olduklarından dolayı işlevsel açıdan da

eşit olanaklara sahip olmadıklarından yola çıkarak Rusya'daki dilleri dış sistemlerine göre bildirişim kaynakları ve diller tarafından yerine getirilen işlevlerin tamlığı olarak tanımlanan iki ölçüte göre sınıflandırmıştır. Bildirişimsel kaynaklar her canlının ya da sistemin varlığını sürdürabilmesi için gerekli "temel gereksinimler" kategorisini oluşturmaktadır. Karaulov beş temel gereksinimden bahsetmektedir: "enerji gereksinimi" onun bildirişim potansiyelini sağlamaktadır. "Taşınma gereksinimi" her bir dildeki bilginin yayılması ve aktarılması için gerekli olanakların ve koşulların varlığı ile ilgilidir. "Güvenlik gereksinimi" korunma ve güvenlik araçlarını içerir. "Üretim gereksinimi" dildeki metinlerin hacmi ve önemi ile belirlenmektedir. "Bilgi gereksinimi" ise dilin yeni bilgilerin alınması ve oluşturulabilmesine hazırlıklı oluşu içerir [6].

Karaulov Rusya'daki dilleri bildirişim kaynakları ve konuşur sayısına göre yedi gruba ayırmıştır. Dillerin tamamının adı belirtilmediği için Türk dilinin değişkelerinin de tamamının hangi basamakta konumlandırıldığı anlaşılmamaktadır. Ancak, konuşur sayısının 300 ile 3000 arasında değiştiği, günlük iletişimde kullanılmakla birlikte bir yazı sistemi oluşturulmuş, etnik bilincin canlı olduğu, kısıtlı da olsa çeviri ve orijinal edebiyat ürünlerinin bulunduğu, ilköğretimde okutulan dilleri kapsayan 3. grupta yakın zamana kadar Altay Türkçesinin alt değişkelerinden sayılan Çalkandu yer almıştır. Dördüncü grupta konuşur sayısı 3500 ile 13.000 arasında değişen, yazı sistemine ve dilin standart biçimine sahip olan, basın-yayımda kullanılan, geleneksel bilincin canlı olduğu ve geleneksel yaşamın canlı tutulduğu, ilköğretimde okutulan, basılı edebi eserleri ve folklor kayıtları bulunan dillerdir. Karaulov Nanay, Hantı, Çukça, Evenk gibi dillerin yanı sıra Türkçenin değişkelerinden Şorcayı saymıştır. Beşinci grupta konuşur sayısı 17.000-200.000 arasında değişen diller sıralanmıştır. Bu diller bir ağız sistemine sahiptir. Günlük konuşma dili olmasının yanı sıra yazın dili olarak da kullanılmaktadır. Uluslararası iletişim dilidir ve devlet dili konumuna sahiptir. Basın-yayın organlarına sahiptir. Kitap basılmaktadır. Etnik bilinç canlıdır, ilk ve orta öğretimde okutulmaktadır. Edebiyat ve folklor kayıtları vardır. Toplam 21 dilin bulunduğu bu grupta Türk dilinin Sibiryadaki değişkelerinden Altayca ve Hakasça sayılmıştır. Altıncı grupta konuşur sayısı 250.000 ile 1.000.000 arasında değişen zengin bir ağız sistemine sahip, dilin standart biçiminin bulunduğu, dilin devlet dili olduğu ve uluslararası iletişimde kullanıldığı, basın-yayın organlarının

bunduğu, kitap basımının yapıldığı, ulusal tiyatrosunun vb. olduğu, ulusal bilincin canlı olduğu, ilk, orta ve yüksek öğretimde kullanılan, geleneksel çevre ve yaşam tarzının korunduğu, edebi ve bilimsel yayınların yapıldığı, sosyal bilimler, doğa bilimi, mühendislik gibi bilim ve teknoloji alanlarında kullanılan dillerdir. Toplamda 14 dilin bulunduğu belirtilen bu gruba Türk dilinin Sibiryadaki değişkelerinden Sahaca dâhil edilmiştir. 7. grupta konuşur sayısı 1.000.000'dan fazla olan değişkeler sayılmıştır. Bunlar hemen hemen iletişim alanlarının tamamında kullanılan, zengin ağız sistemine sahip, pek çok sosyal işlevi yerine getiren, eğitim-öğretimde, resmî işlerde, bilimde, sanatta kullanılan, dille ilgili pek çok kaydın bulunduğu dillerdir. Bu grupta Rusça, Tatarca ve Çuvaşça vardır. Karaulov'un sınıflandırmasından ortaya çıkan tablodan bilinen bir olgu anlaşılmaktadır. Konuşur sayısı arttıkça bildirişim kaynakları da çoğalmakta, temel gereksinimleri karşılayan unsurlar artmaktadır.

2.3. UNESCO Red Book on Endangered Languages'e Göre Dillerin Tehlike Seviyeleri

UNESCO Red Book on Endangered Languages'te Stephen Wurm'a göre dillerin tehlikede oluş potansiyeli 6 seviyede değerlendirilmiştir: 1) Yok olmuş olan diller (*extinct languages*); 2) Yok olmak üzere olan diller (*nearly extinct languages*): konuşuru onlarca kalan ve hepsi de yaşlı olan diller; 3) Ciddî derecede tehlikedeki diller (*seriously endangered languages*): Hemen hemen çocukların artık konuşmadığı önemli sayıda konuşuru olan diller; 4) Tehlikedeki diller (*endangered languages*): Bazı çocuk konuşurları olmakla birlikte konuşur sayısı azalmakta olan diller; 5) Potansiyel olarak tehlikedeki diller (*potentially endangered languages*): Çok sayıda çocuk konuşur vardır. Ancak dilin saygın bir resmî konumu yoktur; 6) tehlikede olmayan diller (*not endangered languages*): Kuşaktan kuşağa güvenli bir biçimde aktarılan diller [7].

Avrupa kısmı 1999, Kuzeydoğu Asya kısmının ise en son 2000 yılında güncellendiği tehlikedeki diller listesinde Türkçenin Sibiry grubu değişkelerinden Mançurya Kırgızcası, Çulım Tatarcası, Tofaca "yok olmak üzere olan diller"; Tsaatan, Hövsgöl Uryanhay, Altay Uryanhay ve Şorca "ciddî derecede tehlikedeki diller"; Hakas (bölgesel olarak yok olmak üzere), Kuzey Altay (bölgesel olarak yok olmak üzere), Güney Altay (bölgesel olarak yok olmak üzere), Teleüt (yer yer yok olmuş) "tehlikedeki diller"; Dolganca "potansiyel olarak tehlikede" olan değişkelerdir. Bu grupta Teleüt'ün "yer yer yok olmuş", diğerlerinin ise "bölgesel olarak

yok olmak üzere” olduğu da belirtilmiştir. Bu ölçüğe göre Sahaca ve Tıvaca ise tehlikede değildir [8].

2.4. *Atlas of the World's Languages in Danger*'da (2010) Dillerin Tehlike Seviyeleri

UNESCO'nun gerçekleştirdiği bir proje olan *Atlas of the World's Languages in Danger*'da (2010) dillerin kuşaktan kuşağa aktarılabilmesi potansiyeline göre “güvende”den “yok olmuş”a uzanan 6 seviyeden oluşan bir ölçek kullanılmıştır [9]. Güvende (*safe*) seviyesinde dil bütün kuşaklar tarafından konuşulmaktadır. Dilin kuşaktan kuşağa aktarılmasında bir kırılma yoktur. Güvende olan diller Atlas'a alınmamışlardır. Savunmasız (*vulnerable*) seviyesinde çocukların çoğu konuşur. Ancak dilin kullanımı belirli alanlarla sınırlıdır (ev gibi). Atlas'a göre Tıvaca ve Sahaca “savunmasız”dır. Kesinlikle tehlikede (*definitely endangered*) seviyesindeki dilleri çocuklar artık evlerinde anadili olarak öğrenmezler. Güney Altayca, Hakasça bu gruptadır. Büyük ebeveynler ve yaşlı kuşak tarafından konuşulan diller “ciddi tehlikede (*severely endangered*)”dir. Ebeveynler dili anlayabilirler ancak kendi aralarında ya da çocuklarıyla konuşamazlar. Sibiryaya grubundan Şor, Kuzey Altay ve Moğolistan'daki Duhaların (Tsaatan) konuştuğu değişik “ciddi tehlikede” seviyesindedir. Tehlikenin en yoğun olduğu seviye kritik tehlikede (*critically endangered*) seviyesidir. Dilin en genç konuşurları büyük ebeveynlerdir. Onlar da kısmen ve nadiren konuşurlar. Tofa, Çulım Türkçesi, Mançurya, Kırgızcası, Hövsgöl Uryanhaycası “kritik derece tehlikede”dir. Konuşuru kalmamış olan diller “yok olmuş” (*extinct*) seviyesindedir. Atlas'ta sadece 1950 sonrasında ölen diller yer almaktadır. Atlas'a göre Türkçenin Sibiryaya grubu değişiklerinden Soyotça “yok olmuş” seviyesindedir.

2.5. “Ethnologue” Dünya Dilleri Sitesinde EGIDS *Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale* “Genişletilmiş Kademeli Kuşaklararası Bozulma Ölçeği”ne Göre Dillerin Tehlike Seviyeleri

“Ethnologue” Dünya Dilleri sitesinde dillerin canlılığının konuşur sayısı, etnik kimliğini (dili konuşmasalar bile) dil ile birleştirenlerin sayısı, nüfusun durağanlığı ya da farklı eğilimleri, konuşurların nüfus hareketleri (durağanlığı ya da göçü), ikinci dil kullanımı, topluluk içindeki dil tutumları, konuşurların ait olduğu kuşak, dilin kullanıldığı alanlar, devlet ya da bölgedeki dilin resmî olarak tanınması, dilin nasıl aktarıldığı (çocuklar aile içinde mi edindikleri yoksa okulda mı öğrendikleri), ekonomik olanaklar ve bunun dışındaki dil dışı faktörler gibi çeşitli değişkenlere belirlenebileceği,

ancak bütün bu etkenlerin karşılıklı etkileşim içinde bulunduğu, en temel etkenin ise dilin kuşaktan kuşağa aktarımının bozulmaması olduğu belirtilmiştir [10].

“Ethnologue” Dünya Dilleri sitesinde dillerin tehlike düzeyinin belirlenmesinde, dünyadaki dillerin canlılık derecesini gösteren daha önce Fishman tarafından 1991'de hazırlanmış olan 8 seviyeli GIDS *Graded Intergenerational Disruption Scale* “Kademeli Kuşaklararası Bozulma Ölçeği”ne (Fishman 1991; Dwyer 2011) dayanılarak M. Paul Lewis ve Gary F. Simons tarafından geliştirilen EGIDS *Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale* “Genişletilmiş Kademeli Kuşaklararası Bozulma Ölçeği” kullanılmıştır [10].

EGIDS ölçeğinde 0-10 arasında diller derecelendirilmiştir. (0) Uluslararası (*International*) seviyesindeki diller uluslararası ticaret ve bilgi alışverişinde ve uluslararası politikalarda geniş ölçüde kullanılır. (1) Ulusal (*national*) seviyesindeki diller eğitim, çalışma, kitle iletişim ve yönetim alanlarında ulusal düzeyde kullanılır. (2) Bölgesel (*provincial*): Dil, eğitim, iş, kitle iletişim ve yönetimde ulusun önemli idari alt birimlerinde kullanılır. Ethnologue'a göre Güney Altayca ve Sahaca bölgesel düzeydedir. (3) Geniş iletişim (*wider communication*) seviyesindeki diller bir bölgedeki dilsel farklılıkları aşmak için resmî konumu olmaksızın çalışma ve kitle iletişimde kullanılır. (4) Eğitsel (*educational*) seviyesindeki diller kurumsal olarak desteklenen yaygın eğitim sistemi sayesinde standardizasyona ve sürekli bir edebiyata sahiptir. Ayrıca bu diller yoğun olarak sözlü biçimiyle de kullanılır. Ethnologue'a göre Tıvaca “eğitsel” seviyesindedir. (5) Gelişen (*developing*) seviyesindeki diller bazıları tarafından standart biçimde edebiyatta kullanılır. Bu diller yoğun olarak kullanılmakla birlikte yaygın ve istikrarlı değildir. Hakasça, Tıvacanın Moğolistan'da kullanılan değişikleri (Kuzey ve Batı Hövsköl, Hovd aymakları) “gelişen” seviyesindedir. (6a) Dinamik (*vigorous*) diller bütün kuşaklarca yüz yüze iletişimde kullanılan dillerdir. (6b) Tehdit altında (*threatened*) seviyesindeki diller bütün kuşaklarca yüz yüze iletişimde kullanılır fakat kullanıcılarını kaybetmektedir. Kuzey Altayca, Dolganca, Şorca ile Tıvacanın Çin Xinjiang Uygur Özerk Bölgesi'ndeki değişikleri “tehdit altında” sayılmıştır. (7) Değişen (*shifting*) seviyesinde doğurgan kuşak dili kendi arasında kullanabilir ancak çocuklarına aktaramaz. (8a) Can çekişen (*moribund*) seviyesindeki dillerin kalan tek kullanıcıları topluluğun büyük ebeveyn kuşağındaki ve daha yaşlı üyeleridir. (8b) Yok olmak üzere (*nearly*

extinct) seviyesindeki dillerin kalan tek kullanıcıları dili pek az kullanma olanağına sahip olan topluluğun büyük ebeveyn kuşağındaki ve daha yaşlı üyeleridir. Çulım, Karagas (Tofa) ve Hakasçanın Çin'in Heilongjiang bölgesinde kullanılan değişkesi (Fuyü Kırgızcası) "yok olmak üzere" seviyesindedir. (9) Uyuşuk (*dormant*) seviyesindeki diller, etnik grup için etnik kimliğin hatırlatıcısıdır, ancak kimse dilde sembolik yeterlilikten fazlasına sahip değildir. (10) Yok olmuş (*extinct*) seviyesindeki diller ise artık kullanılmamaktadır ve artık kimse dile ilişkin etnik kimlik duygusunu taşımamaktadır. Ethnologue'da bu seviyede Türkçenin Sibirya grubu değişkesi kaydedilmemiştir.

2.6. Tehlikedeki Diller Kataloğu'nda (*Catalogue of Endangered Languages = ELCat*) Dillerin Tehlike Seviyeleri

Manoa Hawai'i Üniversitesi (University of Hawai'i at Manoa) ile Doğu Michigan Üniversitesi olan Dil Enformasyon ve Teknoloji Enstitüsü (*The Institute for Language Information and Technology at Eastern Michigan University*) tarafından yürütülmekte hazırlanan Tehlikedeki Diller Kataloğu da (*Catalogue of Endangered Languages = ELCat*) dillerin tehlikede bulunma derecelerinin değerlendirilmesine yönelik bir projedir [11]. Katalog'da 179 ülkede mevcut diller değerlendirilmektedir. Dillerle ilgili veriler UNESCO Red Book on Endangered Languages, Ethnologue sitesi, çeşitli diller üzerine yazılmış monografiler gibi çeşitli kaynaklardan derlenmiştir.

Katalog'daki derecelendirmede kuşaktan kuşağa dilin aktarılmasının ön plana çıktığı Tehlikedeki Diller Atlası ve EGIDS ölçeğinden farklı olarak dilin kuşaktan kuşağa aktarılmasının yanısıra konuşur sayısı, konuşur sayısının etnik grubun nüfusu içindeki oranı, kullanım alanları gibi değişkenlerin toplamından yola çıkılarak dillerin derecelendirilmesinin söz konusu olmasıdır. Sadece yaşayan dillerin derecelendirildiği ELCat'da toplam 6 seviye bulunmaktadır: (5) kritik derecede tehlike altında (*critically endangered*), (4) ciddi derecede tehlike altında (*severely endangered*), (3) tehlikede (*endangered*), (2) tehdit altında (*threatened*), (1) Savunmasız (*vulnerable*) ve (0) güvende (*safe*).

Kritik derecede tehlikede (5) olan diller söz konusu etnik grubun içinde dilin konuşurlarının çok düşük bir orana sahip olduğu, konuşur sayıları 1-9 arasında değişen ve konuşurlarının tamamının yaşlı kuşaktan olduğu, bazı ritüeller ve aile içi faaliyetler gibi son derece kısıtlı kullanım alanlarına sahip olduğu dillerdir. Tofaca kritik derecede tehlikede diller arasında sayılmıştır.

Ciddi tehlikede bulunan diller (4) topluluğundan yarısından azının konuştuğu, konuşur sayısı 10-99 arasında değişen ayrıca büyük ebeveynlerin çoğunun dili konuştuğu, aile içi iletişimde bile yerini baskın dile bırakmaya başlayan, çok kısıtlı kurumsal desteğin bulunduğu dillerdir. Şorca, Orta Çulım, Çulım Tatarcası ciddi derecede tehlikede seviyesindedir.

Tehlikede (3) seviyesindeki diller doğurgan kuşak ve yetişkinlerin bazıları tarafından bilinen, ancak çocuklarla iletişimde kullanılmayan, topluluğun yaklaşık yarısının dili bildiği, konuşur sayısı 100-999 arasında değişen, temel olarak aile içi iletişimde kullanılan, topluluğun üyelerinin dil değiştirmeye karşı kayıtsız kaldığı ya da desteklediği, bu dilde edebiyatın olmadığı ya da eğitim-öğretim sisteminde yer almayan, devletin dil değiştirmeyi teşvik ettiği, ancak bazı kurumlar tarafından desteklenen dillerdir. Katalogda Kuzey Altay değişkesi "tehlikede" seviyesindedir.

Tehdit altında (2) seviyesindeki diller yetişkinler ve çocuk edinme yaşındaki kuşağın konuştuğu, konuşur sayısı 1000 ile 9999 arasında değişen, topluluğun büyük bölümü tarafından konuşulan, ancak konuşur sayısı tedrici olarak düşüş gösteren, resmî olmayan iletişim alanlarında başka dillerle birlikte kullanılan, toplumun çoğu tarafından önemsenen, ancak eğitim-öğretim ve yazının toplum tarafından nadiren desteklediği, devletin azınlık dillerini destekleyen açık bir politikasının bulunmadığı, bununla birlikte bazı kurumlar tarafından desteklenen dillerdir. Türkçenin Güney Altay, Hakas ve Dolgan değişkeleri "tehdit altında" seviyesinde konumlandırılmıştır.

Savunmasız (1) seviyesindeki diller ise yetişkinlerin çoğu ve bazı çocuklar tarafından konuşulan, konuşur sayısı 10.000 ile 99.000 arasında değişen topluluğun üyelerinin çoğu tarafından konuşulan, ancak yavaş yavaş konuşur sayısının düştüğü, resmî alanlar dışında tüm kullanım alanlarında kullanılan, topluluğun üyelerinin önemsendiği, dilde yazın ve eğitim-öğretim olduğu halde topluluğun bir kısmı tarafından önemsendiği ayrıca dilin resmî olmayan iletişim alanlarında kullanımının kurumsal olarak desteklediği dillerdir. Bu seviyedeki tek değişke Tıvacadır.

Güvende (0) bulunan diller ise topluluğun/etnik grubun bütün üyeleri tarafından konuşulan, konuşur sayısı 100.000'in üzerinde olan, topluluğun tamamının dili bildiği ve konuşur sayısının durağan olduğu ya da büyüdüğü, devlette, kitle iletişim araçlarında, iş yerinde kullanılan, konuşurlarının önemsendiği, öğrenilmesinin teşvik edildiği, dilde

yazın ve eğitim-öğretimin olduğu ve önemsendiği, devlet ve diğer kurumlar tarafından bütün alanlarda kullanımının desteklendiği dillerdir.

ELCat'taki diller listesinde Sahaca yer almaktadır.

3. Değerlendirme

Dillerin tehlike seviyesi ölçekleri, büyük ölçüde hangi dillerin tehlikede bulunduğu dikkat çekme, doğru zamanda uygun tedbirlerin alınmasını sağlama ve belgelemenin aciliyetinin belirlenmesi gibi pratik amaçlara hizmet etmektedir. Bu ölçeklerin dayandığı ölçütlerin geçerliliğinin yanı sıra diller hakkında doğru verilerin toplanması bu ölçeklerin kullanılabilirliği açısından önemlidir. Bu yüzden çok sayıda toplumdilbilimci çeşitli ölçütleri kullanarak dillerin tehlike seviyesinin belirlenmesini sağlayacak ölçekler oluşturmuşlar ve çeşitli ölçütler doğrultusunda mevcut dilsel verilere dayanarak dillerin tehlikede bulunuş derecesi değerlendirmeye çalışmışlardır.

Çeşitli ölçeklere göre yapılan sınıflandırmalar Türk dilinin Sibiry grubu değişkeleri açısından incelendiğinde ortaya çıkan tablo oldukça karmaşıktır. Ölçeklerde derecelendirmenin belirlenmesi için kullanılan ölçütler giderek daha çok değişkeni içeriyor olsa da temelde büyük bir fark yoktur. Dillerin derecelendirilmesindeki farklılıkların temel sebebi değişkelerle ilgili eş zamanlı ve ayrıntılı bilgilere sahip olunmaması gibi görünmektedir.

Ölçeklerin tamamında bütün kuşakların konuştuğu, yani dilin kuşaktan kuşağa altarılmasında kesintinin olmadığı ve konuşur sayısının yüksek olduğu diller “güvende” sayılmıştır. ELCat konuşur sayısı 100.000’in üzerinde olanları kabul ederken UNESCO etnik grup ya da dil topluluğunun tamamının konuştuğu dilleri güvende görmektedir. EGIDS ölçeğinde diller bütün kuşaklar tarafından konuşur sayısını kaybetmeye başladığı 6b seviyesinde “tehdit altında” sayılmaktadır. Bu durumda bu seviyenin üzerindeki (Uluslararası, ulusal, bölgesel, geniş iletişim, eğitsel, gelişen ve dinamik seviyeleri) tehdit altında değildir, dolayısıyla diller farklı hukuki ve toplumsal konumlarda bulunuyor olsa bile konuşu sayısında azalmadığı sürece “güvende” kabul edilebilirler. *Red Book on Endangered Languages*'te Saha ve Tuva Türkçeleri “tehlikede olmayan diller” olarak değerlendirilmiştir. Atlas'ta Sibiry grubu Türk dilinin değişkelerinden hiçbiri “güvende” seviyesinde seviyesinde kaydedilmemiştir. Ethnologue'da EGIDS ölçeğine göre 6b seviyesinin üzerinde bulunan seviyelerde Saha, Tuva, Hakas ve Güney Altay Türkçeleri bulunur. Ancak, bu ölçekte Güney Altayca, Sahaca ile birlikte Bölgesel (2) seviyesindeyken Tıvaca eğitsel (4), Hakasça ise gelişen (5) seviyesindedir. ELCat'ta güvende olduğu kaydedilen Sibiry grubu Türkçe değişkeleri bulunmaz. Ancak ELCat'ın dil listesinde Sahaca bulunmamaktadır.

Değişkeler	UNESCO Red Book...	ATLAS	ETHNOLOGUE	ELCat
Saha	Tehlikede olmayan	Savunmasız	Bölgesel	?
Tuva	Tehlikede olmayan	Savunmasız	Eğitsel	Savunmasız
Altay (Güney Altay)	Tehlikede	Kesinlikle tehlikede	Bölgesel	Tehdit altında
Hakas	Tehlikede	Kesinlikle tehlikede	Gelişen	Tehdit altında
Dolgan	Potansiyel olarak tehlikede	Kesinlikle tehlikede	Tehdit altında	Tehdit altında
Şor	Ciddi derecede tehlikede	Ciddi derecede tehlikede	Tehdit altında	Ciddi derecede tehlikede
Kuzey Altay	Tehlikede	Ciddi derecede tehlikede	Tehdit altında	Tehlikede
Tofa	Yok olmak üzere	Kritik derecede tehlikede	Yok olmak üzere	Kritik derecede tehlikede
Çulım	Yok olmak üzere	Kritik derecede tehlikede	Yok olmak üzere	“Ciddi derecede tehlikede”
Soyot	?	Yok olmuş	?	?

Red Book on Endangered Languages'te kullanılan ölçekte konuşur sayısının çokluğuna rağmen resmî bir konumu bulunmayan diller “potansiyel tehlikede” kabul edilirken, Atlas'ta ve ELCat'ta “güvende” seviyesinden bir sonraki seviye “savunmasız” seviyesidir. Yetişkinlerin tamamı veya çocukların çoğunun konuştuğu savunmasız diller Atlas'a göre iletişim alanlarının daha dar oluşu, ELCat'a göre ise konuşur sayısının 10.000-99.000 arasında değişmesiyle diğer seviyelerden ayrılır. ELCat'a göre bu diller risk altındadır. *Red Book on Endangered Languages*'te Dolganca “potansiyel tehlike altında”dır. Atlas'ta Sahaca ve Tıvaca “savunmasız”ken, Sahacanın diller listesinde hiç yer almadığı ELCat'ta sadece Tıvaca “savunmasız”dır.

Çeşitli kuşaklarda konuşuru olmakla birlikte dilin konuşuru olan kuşakların giderek yaşlanması “tehlikede” ya da tehlikenin çeşitli derecelerinde bulunan dilleri işaret eder. *Red Book*'ta “tehlikede” ve tehlikenin daha çok arttığı “ciddi derecede tehlikede” seviyeleri bulunur. Hakas, Kuzey Altay ve Güney Altay Türkçeleri tehlikede sayılırken, Şorca ciddi derece tehlikede sayılmıştır. Atlas'ta “kesinlikle tehlikede”, “ciddi tehlikede”, “kritik derecede tehlikede” seviyeleri bulunur. Bu seviyeler dili hangi kuşağın konuştuğunu gösterir. Tehlike derecesinin en düşük olduğu “kesinlikle tehlikede” seviyesinde Güney Altayca, Hakasça, Dolganca ve Sibirya Tatarcası yer alırken “ciddi tehlikede” seviyesinde Şor ve Kuzey Altay, kritik derecede tehlikede seviyesinde ise Tofa ve Çulım Türkçeleri bulunur. EGIDS ölçeğinin esas alındığı Ethnologue sitesinde tehlikenin yok olma noktasına gelinceye kadar olan çeşitli derecelerini “tehdit altında”, “değişen”, “can çekişen”, “yok olmak üzere” ve “uyuşuk” seviyeleri gösterir. Ethnologue'un dilin tehlikeye girdikten sonraki seviyelerini daha ayrıntılı bir biçimde ele aldığı söylenebilir. Bütün bu seviyeler dilin kullanıcılarını kaybetmeye başladıktan sonra hangi kuşaklar tarafından ve ne sıklıkla kullanıldığına ilişkindir. Tehlikedeki dilin yok olmadan önce bulunduğu “uyuşuk” seviyesinde dilde yeterlilik semboliktir, yani dilde artık üretim söz konusu olmadığı için bu aşama M. Krauss tarafından “yok olmuş” kabul edilmektedir [3, s. 3]. Diğer ölçeklerde dilin sembolik varlığına dikkat çekilmemiştir. EGIDS ölçeğine göre Kuzey Altay, Dolgan, Şor ile Tıvacanın Çin'de konuşulan değişikleri “tehdit altında”, Çulım, Karagas ve Fu-Yu Kırgızcası “yok olmak üzere” biçiminde konumlandırılmıştır. ELCat'ta “tehlikede”, “ciddi derecede tehlikede”

ve “kritik derecede tehlikede” seviyeleri tehlikenin büyüklüğünün çeşitli derecelerini gösterir. Güney Altay, Hakas ve Dolgan Türkçeleri “tehdit altında”, Kuzey Altay “tehlikede”, Şor, Orta Çulım ve Çulım Tatarcası “ciddi derecede tehlikede”, Tofa ise “kritik derecede tehlikede” konumundadır.

Genel olarak tehlike içinde olan bu değişikliklerin içinde bulunduğu koşullar düşünüldüğünde üç grup ortaya çıkmaktadır. Resmî konumu bulunan, eğitim-öğretimde kullanılan Hakasça ve Altayca, konuşur sayısı azalmış olan (%10-20 arasında) ve resmî konumu bulunmayan ve artık çocukların konuşmadığı Dolgan, Şor ve Altay alt-etnik gruplarının konuştuğu bazı değişikler (Çalkandu, Kumandı, Tuba, Teleüt) ve son olarak da az sayıda ve en yaşlı kuşaktan konuşurları kalmış olan Tofaca ve Çulım Türkçesi (Tofaca 87, Çulım Türkçesi 17).

Türk dilinin Sibirya grubu değişikliklerinden sadece Soyot Atlas'da “yok olmuş” biçiminde sınıflandırılmıştır. Diğerlerinde Soyotçaya ilişkin bilgi bulunmamaktadır. Ancak Soyotçanın son yıllara kadar okulda ders olarak okutulduğuna ilişkin bilgiler bulunmaktadır [12, s. 217]. Bununla birlikte dilin canlı sayılıp sayılmayacağı konusu tartışmalıdır. Soyotça okullarda ders olarak okutuluyor bile olsa muhtemelen öğrenciler bu dilde yeni cümleler üretmezler ve belgeleme yapılamaz. Bu durumda bile en iyi olasılıkla EGIDS ölçeğine göre “uyuşuk” kategorisine girmesi mümkündür.

Hemen hemen dünyanın tüm bölgelerinde tehlikede bulunan dillere ilginin artması, özel araştırma kurumlarının kurulması ve çok sayıda projenin ortaya çıkmasıyla dillerle ilgili daha sağlıklı verilere ulaşma olasılığının doğmuş olması, dillerin içinde bulunduğu tehlike seviyelerinin daha doğru belirlenebilmesi için umut vermektedir. Türk dilinin Sibirya grubu değişiklikleri üzerine de yürütülmekte olan çok sayıda proje bulunmaktadır. Güncel veriler ışığında söz konusu değişikliklerin tehlike seviyelerinin gerçekçi biçimde belirlenmesi, tehlikedeki dillerin işlevlerinin canlandırılması ve belgelenmesi ile ilgili çalışmaların da daha sağlıklı yürütülmesini sağlayacaktır.

Kaynaklar

1. KRAUSS M. E. *The World's Languages in Crisis. Language. 1992. 68(1). S. 4-10.*
2. KRAUSS M. E. *Keynote – Mass Language Extinction and Documentation. The race against time, The Vanishing Languages of the Pasific Rim – Oxford: OUP, 2007. S. 3-27.*
3. KRAUSS M. E. *Classification and Terminology for Degrees of Language Endangerment. Language*

Diversity Endangered. – Berlin, – Walter de Gruyter, 2007. – с. 1-8.

4. GRENOBLE L. A. *Endangered Languages. The Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2006. – с. 137-147.

5. Кибрик А. Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке)*. – М., 1992.

6. Караулов Ю. Н. *Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм // Мир русского слова*. 2002. № 3. – с. 26-29.

7. UNESCO Red Book on endangered languages: Europe by Tapani Salminen http://www.helsinki.fi/~tasalmin/europe_index.html

8. UNESCO Red Book on endangered languages: Northeast Asia by Juha Janhunen and Tapani Salminen http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_index.html#country

9. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas>

10. <https://www.ethnologue.com/about/language-status>.

11. *Endangered Languages: A project by the Alliance for Linguistic Diversity: <http://www.endangeredlanguages.com>*

12. Арефьев А. Л. *Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность*. – М., 2014.

РОДОВИДОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ФИТОНИМОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

З. Е. Каскаракова

УДК 81.373

В статье рассматриваются основные термины и понятия растительного мира, а также родовидовые группы наименований растений в хакасском языке. Выявлены такие родовидовые группы: деревья, кустарники, травы, цветы, огородные и злаковые культуры, части растения. Все описанные явления подтверждаются фактическим материалом.

Ключевые слова: фитоним, фитонимическая лексика, термины, понятия, родо-видовая группа, вид, род, семейство.

Любая терминология представляет систему взаимосвязанных терминов и строится на основе принципа родовидовой иерархии. Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть основные термины и понятия растительного мира, а также родо-видовые группы наименований растений. Вопросы объёма значения терминов (*фитонимика, фитонимическая лексика, фитолексика, фитоним, фитонимическая единица, фитотермин, фитонаименование, флороним, флористическая лексика*) в ботанической терминологической системе различных языков до настоящего времени остаются дискуссионными. Мы считаем целесообразным употреблять термины *фитоним, фитонимическая лексика и флористическая лексика* в качестве базовых. Под *фитонимом, фитонимической лексикой и флористической лексикой* мы понимаем наименование дерева, кустарника, травы, злаковой, овощной, фруктово-ягодной, садовой, технической культур, её родо-видовой разновидности.

Предметом нашего преимущественного внимания будут названия растений хакасского языка. Многообразие растений удивительно велико, чтобы разобраться в этом многообразии, ботаники объединяют все виды растений в *группы*, которые в свою очередь объединяют в более крупные группы. Сходные по строению и жизнедеятельности особи относятся к одному *виду*, например, из семян фиалки трехцветной развиваются такие же растения. Близкие по строению виды объединяют в *роды*, например, колокольчик персиколистный и колокольчик широколистный – виды одного рода (колокольчик). К этому роду относятся и многие другие виды. На разных языках одни и те же растения, естественно, называют по-разному. Учёные разработали научные названия растений на латинском языке, они понятны ботаникам всего мира. Например, по-латыни *колокольчик персиколистный* и *колокольчик широколистный* называют соответственно *Campanula persicifolia* и *Campanula latifolia*.

Близкие роды входят в состав одного *семейства*. Так, род пшеница, род рожь, род ячмень и многие другие родственные им роды составляют одно большое семейство – *злаки*. Каждое из семейств можно отнести к какому-либо *классу* растений. Деревья и кустарники – *многолетние растения*. Среди трав встречаются как *многолетние* “көп чыл ӧсчөткөн, көп чыллыг оттар” так и *однолетние* “пир чыллыг оттар”, *двулетние* “икі чыллыг оттар” [1, с. 120-142].

Из обильного мира растений выделим следующие группы: деревья, кустарники, травы, цветы, огородные и злаковые культуры, части растения.

Деревья – это обычно крупные растения с многолетними древесистыми стеблями. Для обозначения дерева, древесины в хакасском языке применяется лексема *агас* (*агаши* алт., каз.), которая восходит к древнетюркскому термину *агас, уйгас* – дерево [2, с. 265].

Они подразделяются на две большие группы: *лесные породы* и *садовые*. В свою очередь деревья лесных пород подразделяются на следующие подгруппы: а) хвойные: *тыт* “лиственница”, *сыбы* “пихта”, *тиген* “ель”, *хузух агазы* “кедр”, *харагай* “сосна” (тат., башк., каз.);

б) лиственные: *ос* “осина” (тат., башк. *усак*), *тирек* “тополь” (каз., алт., тат. *терек* // *тирэк*, *хазың* “береза” (алт., кырг. *кайың*, тув. *хадың*);

В хакасском языке представлено немало названий садовых деревьев, многие из них являются заимствованными из русского языка: *яблоня*, *груша*, *слива*, *вишня*, *абрикос* и т.д.

Кустарники отличаются от деревьев тем, что ствол у них начинает ветвиться почти у самой поверхности почвы, имеют несколько стволиков, отходящих от общего основания. В хакасском языке *кустарник* обозначается словом в собирательном значении *сырып агас* (*caly “кустарник, мелкая заросль”) [3, с. 110], а в фольклорных произведениях также встречается слово *хадырбан*, означающее *кустарник*.

К словам, называющим кустарниковые относятся следующие лексемы: *хазырган* “таёжная смородина”, *аба нымырты* “кизильник черноплодный”, *чычырган* “облепиха”, *парчых чистегі* “жимолость”, *мүлтүк* “бузина”, *үзүт агазы* “крушина”, *саңыс* “калина”, *харагат* “смородина”, *хызылгат* “красная смородина”, *хараган* “кизильник” (*кустарник*), см. *харгана* 1) “ракета, карагана”; 2) “чернотал”, *арчын* “можжевельник”, *тергенек* “багульник (рододендрон даурский)”, *хасхара* “рододендрон”, *ойаң*: *ойаң хаал* “кустарник из семейства таль-

никовых”, *хастырых агас*, *хахпастыг* “акация”, *суг агазы* // *суу агас* “ольха” и т.д.

Травы, или травянистые растения (как от “трава, зелень; сено”) имеют, как правило, зеленые сочные стебли, они почти всегда ниже деревьев и кустарников. Травы подразделяются по их хозяйственному назначению на следующие подгруппы: съедобные растения, лекарственные, дикорастущие, кормовые, сорные, травы применяемые в быту и хозяйстве, ядовитые [4, с. 120-135].

К съедобным растениям или травам, применяемым в пищу (“*чииске тузаланчатхан алай чичең оттар*”) относятся: *халба* “черемша”, *хандых* “кандык”, *пис* белът. “кандык”, *сип* “сарана, саранка”, *сиңне* “марьин корень, дикий пион”, *созах* “сусак зонтичный”, *көбйрген* “дикий лук”, *чама* // *чамаа* “горный чеснок”, *ачыг от* “щавель”, *палых оды* “папоротник”.

К лекарственным травам (“*им оттар*”) относятся: *ирбен* “богородская трава, чабрец”, *пора кирен* “шалфей”, *паар оды* “девясил”, *хыйдай* “тысячелистник”, *ит пурун* “шиповник”, *пиртік оды* “бессмертник”, *чол оды* “подорожник”, *сыын оды* “маралий корень”, *ӧкпе оды* “репейник, лопух лопушник”, *чүрек оды* “кровохлёбка”, *иңгіске* “чистотел”, *тіс оды* “белена”.

К дикорастущим травам (“*сас, чазы оттары*”) мы причисляем: *салганах* “крапива”, *ах пас* “одуванчик”, *хумнах* // *кімел* “хмель”, *оохчаң от* “белена”, *інек ирбені* “полынь (полевая)”, *таңах оды* “горец птичий, спорыш”. Они широко распространены по пустырям, вдоль дорог и полей.

К сорным травам (“*пуртах оттар*”) можно отнести: *порот* “лебеда”, *агбах от* “перекасти-поле”, *ипсек* “чертополох”, *хырлых* “дикая гречиха”, *көскін* “осот”, *чӧргемес* “сибирская люцерна, повилка, вьюн”, *хыйот* “осока”, *арысхан* “пырей”, *күзеліг от* “вьюнок”.

Значительное количество трав относится к **кормовым** (“*мал азыгына чарапчатхан оттар, азырал оттар*”): *аар оды* “клевер”, *хыйганах* // *сас оды* “осока”, *хыйот* “пырей ползучий”, *күчее* “горошек однопарный, мышиный горошек” и т. п.

Травы, применяемые в быту и хозяйстве (“*иб аразында тузаланчатхан оттар*”): *адай іңезі* или *ізіг от* “ковыль”, *сарыг сіген* “ковыль перистый”, *хамыс* “камыш”, *хыбырт* // *кӧл оды* “хвоц”, *киндір* “конопля”, *сабын оды* // *сабын чахайагы* “мыльнянка, татарское мыло”.

К **ядовитым** травам (“*оо оттар*”) можно отнести: *калчук* // *халчуп* “чемерица (кукольник)”, *алыг от* “белена”, *пага чахайагы* “калужница болотная, лютик едкий, куриная слепота”.

Зерновые растения или **зерновые культуры** (“*тоңас культуралары*”) относятся: *пугдай* “пшеница”, *арыс* “рожь”, *ас* “зерно”, *көче* “ячмень”, *тараан* “просо”, *сула* “овес”. Они во все времена занимали очень важное место в пищевом рационе хакасов.

Цветы (“*чахайах, порчо* // *морчо*”) делятся на две большие группы: дикорастущие и садовые.

Дикорастущие можно подразделить в свою очередь на: а) полевые цветы “*чазы чахайахтары*”: *аклай* “ромашка”, *порчо* “подснежник”? *инек порчозы* “одуванчик”, *көök чахайагы* “медуница”, *хоңыро чахайах* “желтый колокольчик” (*полевой цветок*).

б) лесные цветы (“*арыг чахайахтары*”): *киик чахайагы* “кипрей, иван-чай”, *ат порчозы* “адонис весенний” (*горюцвет, стародубка*), *күңмес* “первоцвет весенний (примула)”, *сиңне* “марьян корень”, *саң от* “колокольчик” и т.д.

Названия **садовых** цветов в основном заимствованы из русского языка: *роза, георгин, флоксы, лилия, тюльпан, петуния, бархатцы, шафран, хризантема* и т.п.

Огородные растения подразделяют на две группы: 1) **овощи**: *салгынах* “редис”, *муksун* “лук”, *пуруш* кач.; кыз. // *мырс саг*. “перец”, *пырчах* // *мырчах* “горох”, *хамыр* // *хабырах* “бобы”, *яблаx* // *чаблаx* “картофель” (рус. *земляное яблоко*).

Такие овощи, как редьку, брюкву, репу, хакасы различают по вкусовым качествам: *ачыг* “горький” // *тадылыг* “сладкий”. Например, *салгын* “репа”, *ачыг салгын* “редька”, (алт. *ачу чалкан* “редька”), *тадылыг салгын* “брюква”; по цвету – *хызыл салгын* “свёкла”; по функции – *инек салгыны* “турнепс”. Возможно, противоположные определения даны этим овощам именно из-за их различных вкусовых отличий, т.к. способ посадки, произрастание, форма и т.д. у них схожи.

2) **зелень**: *тарам* “петрушка”, *алчас* “анис”, *сарансан* “ревен”.

Большое количество заимствованных названий растений представляют слова, вошедшие в хакасский язык из русского или через него непосредственно из других языков. В эту группу можно отнести такие наименования

овощей и фруктов, как: *огурец, помидор, морковь, капуста, хрен, укроп, ананас, мандарин, банан* и мн. др.

Если мы коснулись огородных растений, то в современном хакасском языке параллельно употребляются слова, обозначающие огород – *үүчүк*: *яблаx үүчүгү* “картофельное поле”; *үүчүк тамагы* “огородные овощи” см. *чир тамагы* “овощи, ягоды” [5, с. 760, 585] (алт. *мала*, шор. *креде*, кырг. *жөөк* – огород).

Части растений (“*оттар чардыхтары*”). Исследованию частей растений в тюркских языках, как было отмечено выше, К. М. Мусаев посвятил специальные разделы в своих монографиях. В них детально рассматриваются общетюркские, межтюркские и ареальные лексические единицы, обозначающие морфологические части растений, выявляются их фонетические, морфологические и семантические особенности [6, с. 28]. Поэтому мы здесь остановимся на названиях тех частей растений, которые имеются в словарях и широко употребляются в хакасском и в других тюркских языках.

К таковым относятся: *пазах* “колос” (алт., кырг. *машак*, тув. *тараа бажы*, тат. *бажак*), *пүр* “лист” (алт. *бур*, тув. *буру*, шор. *пүр*, кырг. *жалбырак*, каз. *жапрак*, ног. *япрак*), *хузух* “орех” (алт., шор. *кузук*, тув. *тоорук*, ног. *коз*), *пүрчүк* “распустившаяся почка” (алт. *бүрчүк*, *бөрчөк*, кырг., каз. *бур*), *үрен* “семя” (алт., кырг., шор. *үрен*, тув. *урезин*), *сап* “стебель” (тур. *сап*, алт., кырг., тат. *сабак*), *өзім* “растение” (в др. тюркских яз. – *осимлик, усимлик*), *тос* “береста” (*тос* “береста” (во всех тюркских языках – *тос*, др.-тюркс. *toz*).

Следует отметить, что также встречаются слова, связанные с названиями и отдельными частями растений характерные только для хакасского языка т.е. собственно хакасские слова, например: *сызыр* “солома”, *хастырых* “кора”, *хахпас* “кора лиственницы”, *чилеге* “корень”, *чылтыс* (кыз.) “корень”, *тоозынах* (бельт.) “пыльца (*цветка*)”, *хубах* “1) почки (хвойных деревьев); 2) *бельт*. шишка (сосновая, лиственничная)”, *хабдах* “чашелистик”, *ур* “кап, нарост, наплыв (на стволе дерева)”, *салаа* “ветка”.

По мнению Ф. Г. Исхакова, хакасское *салаа* есть результат расширения значения слова *салаа* “палец”. Ветвистое дерево в хакасском языке обычно передается словами *парбах агас*; слово *парбах* “ветвистое”, очевидно, должно

быть, связано со словом *бармак*, означающим в других тюркских языках “палец” [7, с. 45].

Таким образом, нами рассмотрены термины растительного мира ботанической науки, а также родовидовые разновидности названий растений. Выделены такие родовидовые группы: деревья, кустарники, травы, цветы, огородные и злаковые культуры, части растения. Более того, что касается наименований плодово-ягодных деревьев и садовых цветов, то многие являются заимствованными из русского языка. Следует отметить, что значительная часть растительной лексики является общей для большинства тюркских языков, другая, меньшая, сближает хакасский язык с теми или иными группами тюркских языков. Это говорит о том, что многие наименования деревьев, растений возникли еще в общетюркскую эпоху.

Литература

1. Пасечник В. В. Биология. Бактерии, грибы, растения. – М., 2012.
2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М., 1997.
4. Меметов А. М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент, 1988; Каракаев Ю. И. Из названий растений в ногайском языке // Тюркская и смежная лексикология и лексикография (Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева). – М., 2004.
5. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.
6. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М., 1976.
7. Исхаков Ф. Г. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Лексика. Ч. IV. – М., 1962.

О ВЛИЯНИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК ХАКАСОВ (по диалектным материалам)

А. С. Кызласов

УДК 809.43.001

В статье говорится о влиянии русскоязычных заимствований на разговорный язык хакасов. В ней рассматриваются статус разговорного языка, вхождение заимствований в хакасскую разговорную речь, семантическая структура иноязычных слов в хакасском языке.

Ключевые слова: заимствования, разговорный язык, семантика слов, хакасский язык.

Все слова в хакасском языке можно разделить на два больших класса с точки зрения их происхождения: исконные, изначально присущие хакасскому языку, и иноязычные, т.е. заимствованные хакасским языком из других языков. Границы между двумя этими классами слов не всегда можно установить точно: некоторые слова пришли в наш язык так давно, что их уже трудно отличить от слов исконных. Таково, например, слово *халас* ‘хлеб’, заимствованное из русского, или арабские слова: *халва*, *лимон*, *баклажан*.

Каждый народ живет среди других народов. Обычно он поддерживает с ними многообразные связи: торговые, промышленно-экономические, культурные. Языки контактирующих народов также испытывают взаимное влияние. Основная форма языкового влияния одного на-

рода на другой – заимствование иноязычных слов.

Заимствование лексики может происходить устным и письменным путём. В случае заимствования устным путем слова быстрее полностью ассимилируются в языке. Слова, заимствованные письменно, дольше сохраняют свои фонетические, орфографические и грамматические особенности.

Разговорная лексика является неотъемлемой частью речи каждого человека. Разговорная лексика очень объёмна и многослойна. На протяжении многих лет российские и зарубежные ученые занимаются проблемами разговорной речи. Среди российских учёных можно выделить следующих: Э. Г. Ризель, Е. А. Земская, В. Д. Девкин, Н. Ю. Шведова, В. Г. Костомаров, О. А. Лаптева, О. Б. Сиротина, Ю. М. Скребнев.

Выделение разговорной лексики является важной и сложной задачей. Именно поэтому предварительно необходимо определить статус разговорной речи.

Несмотря на многочисленные исследования данного вопроса, до сих пор не существует единого мнения лингвистов по этому вопросу. Согласно ранним работам О. Б. Сиротининой, разговорная речь – это один из функциональных стилей – «разговорный стиль», однако в более поздних её работах появляется уточнение, согласно которому разговорная речь – это одна из функциональных разновидностей литературного языка. Она также отмечает, что изучение разговорной речи должно осуществляться по трём линиям: 1) изучение диалектной разговорной речи; 2) изучение диалогической речи; 3) изучение речи жителей [1, с. 6-8].

По мнению В. Д. Девкина: «Разговорная речь – это непринуждённая, спонтанная, несколько сниженная, устная, преимущественно ситуативно обусловленная, чаще диалогическая речь» [2, с. 11].

О. А. Лаптева считает разговорную речь разновидностью литературного языка. По её мнению, разговорная речь существует только в устной форме. При этом она может быть как диалогической, так и монологической, хотя, как отмечает вышеназванный автор, монолог и диалог не всегда легко разграничить. Но в любом случае разговорная речь является адресованной [3, с. 49-58].

Термин «разговорная лексика» в современной лингвистике имеет двоякую трактовку: широкую и узкую. С одной стороны разговорная лексика сильно отличается от литературного языка своей эмоциональностью, экспрессивностью. С другой стороны, это речь, насыщенная просторечиями и включающая в себя нейтральные речевые единицы.

Широта пласта разговорной лексики обусловлена существенным присутствием в ней диалектизмов и регионализмов в большом разнообразии.

В состав разговорной речи в хакасском языке попадают слова из других языков. Различные заимствования проникают в хакасский язык при помощи прессы, телевидения, рекламы. В современном мире ни один язык не может избежать заимствований. Этот процесс протекает очень активно за счет большого количества русизмов и интернационализмов, которые проникают в

хакасский язык по причине глобализации современного общества.

Особенно много русизмов в хакасской разговорной лексике из области IT-технологий, компьютеров, Интернет и т.п. При этом многие из проникающих в хакасский язык интернационализмов, относящихся к компьютерам, употребляются в переносном смысле, когда тематика разговора уже вышла за пределы компьютерных технологий и относится к более традиционным вещам. Также следует отметить, что разговорная хакасская речь может также заимствовать лексику и из общелитературных языков других стран.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что разговорная речь хакасов находится в настоящее время в стадии активного развития, когда она наполняется новыми выражениями и оборотами. Среди наиболее типичных сфер языкового взаимодействия следует выделить формирование хакасской разговорной лексики за счёт пополнения лексического запаса путем взаимного влияния разговорной лексики с другими пластами лексики хакасского языка. А также посредством словообразовательных приемов, путем семантических переосмыслений.

При устном заимствовании слов фонетическое освоение сопровождается искажением их звукового состава, так как звуковая система одного языка никогда не совпадает со звуковой системой другого языка. Попадая в другой язык, заимствованное слово получает соответствующее грамматическое оформление.

В хакасском языке русские слова как бы незаметно вплетаются в «ткань» разговорной речи и получается так, что заимствованное слово становится «незаметным», органично вливаясь в хакасскую речь. Например:

Кöök моршозы, кукушкины тапочки тіңенміс –

Кукушкины цветы называли кукушкины тапочки [4].

Сноптарны палгачаднар, позалар итчеңнер

Вязали снопы, вожжи делали [5].

Такие заимствования связаны с тем, что в повседневной жизни каждого хакаса окружает окружает русскоязычная среда, и он как бы вынужден вплетать в свою речь русскоязычные слова. Для носителя кызыльского диалекта, очевидно, такое «гибридное» произношение не портит его ощущения, что он говорит на своем родном языке. Потому что почти все носи-

тели диалектов не замечают, что они не разговаривают на чистом хакасском языке. Влияние русского языка на повседневную речь хакасов огромно. И таким образом хакасы перестали замечать, что они постепенно утратили оригинальность хакасского разговорного языка. Чтобы такой переход не был слишком быстрым, каждому разговаривающему на хакасском языке нужно следить за своей речью и стараться не употреблять заимствования. Тогда мы сохраним для потомков свой родной язык.

Чаще всего, новое слово приходит вместе с новой вещью. «В этом случае заимствованные слова либо проникают в другой язык вместе заимствованными предметами и понятиями, либо создаются по аналогии с соответствующими словами в другом» [6, с. 108]. Например, в хакасский язык вместе с предметами одежды проникли такие заимствования как *пальто, шарф, калготки, рейтуза, плат* и т. д.

Определённое место в лексическом составе хакасского языка занимает терминология одежды и обуви русского и европейского происхождения. Данные заимствования мы относим к послевоенному периоду. Значительный приток русских заимствований в хакасский язык начался в 40-е годы XX века. С развитием культуры и науки в 70–80-е годы XX века годы приток русских и европейских заимствований заметно увеличился.

К данным заимствованиям в хакасском языке можно отнести следующие названия предметов бытовой лексики: *шарф, галстук, майка, камбинашка* (комбинация), *трусы, шортик, куртка, тужурка, шинел*, (шинель), *кепка, касинка* (косынка), *панамка, беретка, басаножки, туфли, сапожки, сандали, байка, марли, лавсан, драп* и др.

Ниже приведённые названия одежды и обуви также широко функционируют в разговорной речи. Большой приток русских названий одежды и обуви и европейских названий посредством русского начался в 40–50-е годы XX века и продолжается по сегодняшний день.

Одновременно с заимствованием начинается следующий этап заимствования – освоение. Как известно, хакасский язык стал письменным только в 1924 году, поэтому хакасы заимствовали слова устным способом. При устном заимствовании слов фонетическое освоение сопровождается искажением их звукового состава, так как звуковая система одного языка никогда не совпадает со звуковой системой другого языка.

Попадая в другой язык, заимствованное слово получает соответствующее грамматическое оформление.

В результате взаимоотношений заимствуются как лексические единицы, так и буквы. Так для написания заимствований в хакасском языке использовали буквы – *ё, ю, я, щ, ь, ъ*, (*юбка, плащ* и др.). Ударение в заимствованных словах остаётся без изменения (ср. *свитер, майка* и др.)

В процессе освоения заимствованных слов происходит их семантическое переосмысление. Бывает так, что заимствованная лексема фонетически освоена, но при этом семантика его изменяется. Например, хакасское слово *кнес* заимствовано из русского языка, то есть оно фонетически адаптировано в хакасском языке. В XVII веке с приходом русских переселенцев хакасских *тигов* стали называть *князцами*. В XVIII–XIX веках этот термин использовался для обозначения выборных должностей *башлыков*, то есть глав административных родов также стали называть *князцами*. Кнес Иренек и другие хакасские князья назывались по подобию русских князей, которые управляли определённой территорией и подчинялись царскому правительству. Сам термин связан с присоединением русскими Сибири в XVII–XVIII веках. В советское время глав исполнительной власти стали также называть *кнес* ‘*председатель*’.

В некоторых заимствованиях наблюдается сужение семантики. Так, например, заимствованное из русского языка слово *куфайка* имеет только значение «стёганная рабочая куртка», тогда как в русском языке оно имеет ещё и значение «шерстяной вязаный свитер» [7, с. 68].

Чаще всего заимствуются имена существительные. Названия, употребляющиеся в языке источнике только во множественном числе, после заимствования остаются без изменения: *трусы, шорты, туфли, сапожки, калготки, ритюзы, боты* и др.

Наконец заимствование новых слов обусловлено влиянием иностранной культуры, диктуется модой на иностранные слова. Таковы слова *эксклюзивный, прайс-лист, харизма, секьюрити, тинейджер* и многие другие.

Итак, заимствование новых слов – процесс, обусловленный наличием определенных причин. Многие из заимствований под влиянием системы, в которую они вошли, претерпевают значительные фонетические, грамматические и даже семантические изменения, приспосабливаясь, та-

ким образом, к фонетическим, грамматическим и семантическим законам данной системы.

Заимствование лексики может происходить устным и письменным путём. В случае заимствования устным путём слова быстрее полностью ассимилируются в языке.

Литература и источники

1. Сиротинина О. Б. *Современная разговорная речь и её особенности*. – М., 1974. – 144 с.

2. Девкин В. Д. *Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика*. – М., 1979. – 257 с.

3. Лаптева О. А. *Русский разговорный синтаксис*. – М., 1976. – 255 с.

4. Информант: Щеголакова Валентина Афанасьевна, с. Сарала Орджоникидзевского района РХ.

5. Информант Баскаулова Зинаида Прокопьевна, с. Сарала Орджоникидзевского района РХ.

6. Будагов Р. А. *Слово и его значение*. – Л., 1947.

7. Каранфил Г. *Бытовая лексика гагаузского языка (на основе названий одежды и обуви)*. – Туркестанская библиотека, 2007. – 91 с. [Электронный ресурс] // <http://tyurki.ferghana.ru/gagauz.htm>.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ХЫЗЫЛ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Т. Н. Тугужекова

УДК 811.512.153

Статья посвящена морфологическому анализу прилагательного *хызыл*, одному из наиболее древних слов хакасского языка. Выражая важное для жизни человека понятие реальной действительности, оно отличается богатым семантическим содержанием, высоким словообразовательным потенциалом и частотностью употребления в разговорной речи и текстах художественной литературы.

Ключевые слова: хакасский язык, морфология, прилагательное, *красный*

Названия цветов спектра вызывают всё возрастающий интерес со стороны лингвистов. Красный, являясь одним из основных цветов солнечного спектра, относится к числу хроматических цветов. Он занимает среднее положение между оранжевым и фиолетовым цветами. В современном хакасском языке слово *хызыл* служит для обозначения этого участка светового спектра, являясь центральной единицей, репрезентирующей концепт «красный». Оно представляет собой главное слово, наиболее полно выражающее это важное для существования человека понятие, поэтому относится к древнейшему слою лексики хакасского языка.

В современном хакасском языке слово *хызыл* принадлежит к числу качественных прилагательных наряду с небольшой группой корневых слов, обозначающих цвет, а также масти животных: *ах* ‘белый’, *кёк* ‘синий’, *хыр* ‘серый’, *ал* ‘алый’, *ала* ‘пестрый’ и т. п. Оно относится к прилагательным, аффиксы словообразования которых срослись с теми именными или глагольными корнями, от которых они когда-то были образованы. В современном языке их морфемный состав может быть установлен

лишь специальным морфологическим анализом [1, с. 85-86].

Лексема *хызыл*, являясь качественным прилагательным, как и другие лексические единицы этой части речи, обозначает статический признак предметов. Она может выражать разную степень проявления данного качественного признака, образуя формы степеней сравнения, указывающие на усиление или ослабление этого признака, например: *угаа хызыл сыр* ‘ярко-красная краска’, *угаа хызыл чахайах* ‘ярко-красный цветок’, а также путём частичной редупликации основы прилагательного *хызыл* – *хып-хызыл* ‘очень красный’, например: *Йа, кўн чахайах сыйлааннар. Хызыл, чалын осхас хып-хызыл* [ВШ, с. 141].

Форма ослабленного качества может передаваться синтетически, посредством присоединения аффикса *-амдых* и *-амзых*: *хызамдых* ‘красноватый’, а также аналитически, путем сочетания *хызыл* с частицей *арах*, например: *хызыл арах сыр* ‘красноватая краска’, *хызыл арах чахайах* ‘красноватый цветок’ и т. п. Рассматриваемая частица способна вступать в сочетание с производной лексемой, имеющей аффикс осла-

бленного качества, и выражать еще меньшую степень проявления данного качества: *хызамдых арах* ‘слегка красноватый’.

Анализируемое прилагательное, в отличие от других цветообозначений, актуализирующих концепт «красный», выделяется высокой частотностью употребления в разговорной речи и в текстах хакасской художественной литературы. Способность вступать в разнообразные семантические связи с другими единицами языка позволяет этому колоративу реализовать все свои лексико-семантические варианты. Он вступает в синонимические отношения с другими прилагательными, называющими красный цвет, формирует синонимический ряд, выступая его доминантой. Все другие прилагательные этого синонимического ряда, объединяются вокруг его главного члена – доминанты. *Хызыл*, выражая наиболее общее значение, в стилистическом отношении является нейтральной, межстилевой единицей, способной в определенных контекстах заменять другие лексические единицы этого синонимического ряда.

Отличаясь способностью присоединять к себе различные морфемы, эта лексема послужила основой для образования многочисленных слов, относящихся к разным частям речи: существительным (*хызарыс* ‘покраснение’; ‘краснота’; *сырайында хызарыс* ‘краснота на [его] лице’), глаголам (*хызар* ‘краснеть’; *хызар* 1) ‘красить, покрасить в красный цвет’; 2) поддурмянивать; *наах хызартарга* ‘поддурмянивать щеки’; наречиям (1) *хызарта* ‘докрасна’; *хызарта изидерге* ‘накалить докрасна’); 2) *хызар* ‘докрасна; до покраснения’; *хызарганча сиренерге* ‘сильно поднатужиться (буквально ‘стараться до покраснения’); прилагательным (*хызамдых* ‘красноватый, имеющий красный оттенок’ [2, с. 296-297; 3, с. 335; 4, с. 878].

Парадигма каждой из названных языковых единиц, принадлежащих к разным частям речи, имеет свой набор словоизменительных аффиксов для выражения различных грамматических категорий. Словоизменительные морфемы, присоединяясь к корневой морфеме или к основе слова, указывают на синтаксические позиции словоформы в предложении. В хакасском языке, как и в других тюркских языках, лексемы состояются из морфем, словоизменительных и словообразовательных. В процессе образования нового слова все аффиксы занимают позицию после корня или основы. Особенностью хакасского языка, как и большинства других

тюркских языков, является то, что в нем отсутствуют приставки.

В современном хакасском языке имеется группа слов, которая, возможно, образовалась в результате расширения и расщепления значения одного и того же слова. К такому типу слов-омонимов относится довольно большая группа слов, употребляемая в речи, с одной стороны, для обозначения присущих предмету и действию качеств, с другой – для обозначения этих качеств как предметов [5, с. 180]. Например, в хакасском языке к такому типу слов-омонимов можно отнести существительное *хызыл* – название одного из племенных объединений хакасов. Сложное образование *хызыл кизи* ‘кызылец’ служит для наименования отдельного представителя этого объединения. Слово *хызыл*, как и другие существительные этой части речи, способно присоединять аффиксы множественного числа *-лар* (*хызыллар* ‘кызыльцы’); падежные аффиксы (*хызыллардаң*), аффиксы принадлежности (*хызылларның чоогы* ‘речь кызыльцев’), может выступать в функции определения другого существительного: *хызыл диалекти* ‘кызыльский диалект’ и т. п. Цветонаименования, как и другие качественные прилагательные, очень часто обозначают еще отвлеченные понятия, выраженные именами действия и именами качества, как результат отвлеченного переосмысления качественного признака или качественного осмысления действия [6, с. 185; 1, с. 84]. Поэтому *изиг* означает не только ‘жаркий’, но и ‘жарко’ и ‘жара’; точно также *чылыг* ‘тёплый’, ‘тепло’, ‘теплота’, *хызыл* ‘красный’, ‘красно’, ‘краснота’ (свойство и состояние) и т. п.: *изиг күн* ‘жаркий день’, *хызыл сыр* ‘красная краска’, *чылыг күн* ‘теплый день’; *изиг түсче* ‘жара наступает’; *хызыл килген* ‘кызылец пришел’; *чылыг саапча* ‘тепло идёт’ и т. п. Лексическое значение и соответствующие той или иной части речи грамматические свойства и грамматические признаки прилагательного, омонимичные с другими частями речи, выявляются только в контексте при учете морфологических, синтаксических и семантических признаков конкретного слова и его преимущественного употребления в основных синтаксических функциях.

В грамматике хакасского языка отмечается: «Субстантивацию качественных прилагательных этого рода следует отличать от грамматической субстантивации, когда имена прилагательные (не только качественные) по смыслу высказывания легко субстантивируются, прио-

бредают значение существительного, принимая падежные аффиксы, аффиксы принадлежности, числа, например: *Изен, абахай, изен, минің чидім* – ‘Здравствуй, красавица, здравствуй, моя молодлица’» [1, с. 85].

От цветových прилагательных, в том числе и *хызыл*, образуются существительные, которые в процессе субстантивации способны присоединять аффиксы множественного числа *-лар* (*хызыллар* ‘красные’), падежные аффиксы (*хызылларзар*), аффиксы принадлежности (*хызылларның*), так как существительное как часть речи в основном связано с грамматическими категориями числа, падежа и принадлежности.

Таким образом, имя прилагательное, в том числе и *хызыл*, отличается от имени существительного своим лексическим значением, а также тем, что оно не имеет тех грамматических категорий, которые присущи имени существительному (числа, падежа, принадлежности). Имя прилагательное как определение не образует изафетного определительного сочетания. В этом одно из важнейших отличий имени прилагательного от имени существительного, выступающего определением к другому существительному [1, с. 84]. При субстантивации имя прилагательное приобретает свойства, присущие имени существительному: *хызыл* ‘красный’, *хызыллар* ‘красные (красногвардейцы)’. В процессе субстантивации вновь образованная единица приобретает новое лексическое значение ‘относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с советским строем, с Красной Армией’, например: *Олар хызыллар ба хайдаг* [ХЧ, с.27]; *Хызылларга магат харолда* [МТ, с. 95]. – *Мин көргем, оол, – суулааннар соонда, – пістің саринаң алтыңа даа толдыра киме хызылларзар кизе халган. Хызыллар даа атпаан* [МТ, с. 90-94].

Морфологический анализ прилагательного *хызыл* показывает, что оно состоит из корневой морфемы *хыс-* и аффикса *-ыл*. В современном хакасском языке аффикс *-ыл* относится к числу непродуктивных, он встречается в составе прилагательных с именной и глагольной основой, например: *агыл* ‘белый, белеющий’, образованный от корня *ах* ‘белый’, *көгіл* ‘синий, синяющий’, образованный от корня *көк* ‘синий’, *хызыл* ‘красный, краснеющий’, образованный от корня *хыс-* ‘жать, сжимать, давить, теснить кого-либо, что-либо’ и т. п. В исконно хакасских словах переднеязычный дорсальный щеп-

левой глухой согласный [с] как самостоятельная фонема не противопоставляется звонкой фонеме [з]. Однако особенностью хакасского языка является то, что в интервокальном положении эта фонема всегда озвончается и переходит в звонкий [з], что отражается на письме, в правописании производных и сложных слов. Наглядным примером может послужить производное слово *хызар*. Лексема *хызар* ‘краснеть’ состоит из корневой морфемы *хыс-* и аффикса *-ар*, где рассматриваемая глухая фонема [с] в интервокальном положении переходит в звонкую фонему [з], на эту особенность хакасского языка указывают исследователи [1, с. 32-33]. В то время, как аффикс *-ар* образует глаголы от прилагательных и существительных, обозначает уподобление признаку, свойству, выражаемых исходной основой: *көгер* ‘синеть (көк ‘синий’); *омар-* ‘устыдиться’, ‘измениться в лице’ (*ома* ‘облик’); *хубар-* ‘становиться серым’ (*хуба* ‘серый’); *хуур-* ‘линять’, ‘отцветать’, ‘желтеть’ (*хуу* ‘серый’, ‘выцветший’, ‘пожелтевший’); *чазар-* ‘позеленеть’, ‘побледнеть’ (*час* ‘зеленый (о траве)’ и т. п. [4, с. 1066].

Рассматриваемая лексема обладает высоким словообразовательным потенциалом, присоединяя различные морфемы, она, создает новые лексические единицы, служащие для передачи тончайших оттенков красного цвета. Например: *хызамзых* ‘красноватый, имеющий красный оттенок’; *күн кірізінде тигір хызамзых полган* ‘на закате небо было красноватое’) [2, с. 296; 3, с. 335; 4, с. 877-878]. Кроме того, она способна сочетаться с другими колоративами, уточняющими своеобразный оттенок красного цвета. Например: *Хызыл күрең тимір хырлыг ишкола Тымых аалның ортызында турча* [АХ, с. 24]; *Түрче поларынаң, олох сыххан чирдең тілін ызырынган, хулахтарын чаба тудынган, торбах улишча, хызыл-сарыг пүүр сыгара хонган* [ХЧ, с. 169]; *Йа, хызыл-хоор түктіг, поэзы хара хузурухча ла полар, алай сала чоон ма* [ВТ, с. 193]. В современном хакасском языке такие сложные образования имеют разное написание: в одних случаях пишутся раздельно, в других имеют дефис, как можно видеть это из приведенных выше примеров.

Прилагательное *хызыл* принимает активное участие в образовании производных и сложных слов, в том числе идиоматических, является одним из основных компонентов фразеологических единиц. Путём прибавления морфемы *-ох* ‘же’, ‘тоже’ к основе рассматриваемого слова

образованно производное прилагательное *хызылох* в значении 'такой же красный', например: *Чистек-тоозы аның хызыл, чiп көрзең, хурмах, тадылыг. Саңыс тал осхас іңе чох, чистегі аның хызылох* [НТ, с. 34]. Словообразовательные аффиксы прилагательных составляют важнейший морфологический признак, отличающий категорию прилагательных от других частей речи [1, с. 84]. Так, аффикс *-лыг/-ліг*, является одним из самых продуктивных аффиксов в современном хакасском языке. При помощи этого аффикса образуются прилагательные обладания и от новых слов, в том числе и от основ, которые в современном языке приобрели новые значения, особенно от имен действия. Аффикс *-лыг*, рассматриваемый как древняя форма принадлежности (*-лу*), встречается главным образом в языках восточнотюркской группы, включая памятники енисейско-орхонской письменности. В современном хакасском языке этот аффикс образует своеобразные имена прилагательные, которые образуются не только от имен предметных или вещественных, имеющих конкретные значения, но также и от имён с отвлечённым значением [7, с. 68; 8; 1, с. 89-91]. Высокопродуктивный аффикс *-лыг* имеет варианты: *-ліг, -ныг, -ніг, -тыг, тіг*, образуя прилагательные от существительных с конкретно-предметным и отвлечённым значением обладания. В этом случае статический признак передаётся через отношение предметов к другим предметам [1, с. 82]. Например: *хызыл сырайлыг олаганнар* 'краснолицые дети', *хызыл наахтыг хызычак* 'краснощёкая девочка', *хызыл иринніг ипчи* 'женщина с красными губами', *хызыл сагаллыг ирен* 'рыжебородый мужчина', *хызыл састыг хыс* 'рыжеволосая девушка'; *Күннің сай аны ачых-чарых, хызыл сырайлыг, хызыл пурунныг көрерзің* [ИТ, с.72]; *Хызыл хахнастыг муғуй тыттар көрінминче, чуга тееріліг ах хазыңнар учырабинохчалар* [ФБ, с. 17]

Лексема *хызыл* часто используется как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий: *хызыл тал* 'краснотал, верба красная', *хызылгат* 'красная смородина', *хызыл пастыг от* 'кровохлёбка', *хызыл пүүр* 'красный волк', *хызыл сарыг пүүр* 'волк ярко-рыжей масти (обитает стаями, живёт около тасхылов)'; *хызыл пазыр* 'красный карась

(рыба)', *хызыл харах* 'сорога (рыба)', *хызыл өök* 'малек' и т.п. Например: *Че чохыр адайның сыстапчатхан азаана хызыл сарыг адайның хатыг тістері хазалганда, чохыр адайның тыстанызы прай сых парган* [НД, с. 25].

Таким образом, прилагательное *хызыл* принадлежит к одному из наиболее древних слов современного хакасского языка. Оно относится к его основному словарному фонду, отличается высокой комбинаторикой, вступая в различные отношения с другими единицами языка. Слово *хызыл* имеет большой словообразовательный потенциал, принимает участие в образовании слов различных частей речи. Оно обладает всеми свойствами качественных прилагательных, при этом имеет свои особенности, поскольку является главным словом, актуализирующим важное для жизни человека понятие окружающего мира.

Литература

1. Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
  2. Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. – М., 1953.
  3. Русско-хакасский словарь / Под ред. Д. И. Чанкова. – М., 1961.
  4. Хакасско-русский словарь / Под общ.ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск, 2006.
  5. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961.
  6. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1947.
  7. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М., 1948.
- Условные сокращения
 НД – Доможиков Н. Г. Ыраххы аалда. – Абакан, 1960.
 ФБ – Бурнаков Ф. Т. Тигір оды. – Абакан, 1977.
 ХЧ – Хызыл чазы. – Абакан, 1982.
 ВТ – Татарова В. К. Иртенгі тан. – Абакан, 1986.
 НТ – Тиников. Н. Е. Пастагы халас. – Абакан, 1995.
 ИТ – Топоев И. П. Туғаннар. – Абакан 1992.
 МТ – Туран. М. Пай тирек. – Абакан, 1981.
 АХ – Халларов А. Акай. – Абакан 1984.
 ВШ – Шульбаева В. Г. Сарналбаан сарын. – Абакан, 1985.

ОБ ИТОГАХ КАЧИНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ХакНИИЯЛИ

Р. Д. Сунчугашев

УДК 81.373

В работе описаны проблемы функционирования качинского диалекта хакасского языка. Качинцы – малочисленный хакасский субэтнос, проживающий в Ширинском, Усть-Абаканском, Орджоникидзевском, Бейском и Алтайском районах Республики Хакасия. В статье содержатся современные данные о социолингвистической ситуации у качинской этнической группы.

Ключевые слова: качинский диалект хакасского языка, полевая работа, языковая ситуация, словарь, современные данные

Актуальной проблемой в современном мире является сохранение этнолингвистического многообразия, поскольку в связи с процессами глобализации сужается численность носителей языков меньшинств, народы переходят на языки большинства. Каждый день в мире исчезает какой-то язык или говор. По оценкам ЮНЕСКО, половина из примерно 6 тысяч языков мира могут в ближайшее время потерять последних носителей. Жизнеспособность языков рассчитывается по следующим основным критериям: по числу носителей, передаче языка от поколения к поколению, доступности учебных материалов, отношению к языку внутри общества. По данным критериям в России к категории языков, находящихся под угрозой исчезновения, причисляются 49 языков, в том числе хакасский.

В условиях угрозы исчезновения языков и диалектов возникает острая необходимость в сборе, накоплении, фиксации языковых данных для выявления их фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей. Создание фонда накопленных данных в будущем может быть основой для возрождения и дальнейшего изучения утраченного языка или диалекта. Важнейшую часть данных задач могут решать комплексные лингвистические экспедиции.

Со времени первых планомерных экспедиций по описанию диалектов и исследованию языковой ситуации в диалектных зонах хакасского языка прошло более полувека. Отсутствие комплексных лингвистических описаний диалектов хакасского языка за последние 50 лет, периода глобальных общественно-политических изменений в жиз-

ни общества, особенно в свете нависшей реальной угрозы существованию хакасского языка и его диалектов, ставит вопрос об их фиксации и описании в ряд наиболее актуальных проблем в хакасоведении и тюркологии в целом.

Летом 2014 года состоялась диалектологическая экспедиция сотрудников сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Осуществление экспедиции стало возможным благодаря проекту «Качинский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы», удостоенного гранта Российского гуманитарного научно-го фонда.

Руководитель проекта – в.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», к.ф.н. Сунчугашев Р. Д., исполнители – в.н.с. сектора языка, к.ф.н. Белоглазов П. Е., с.н.с. сектора языка, к.ф.н. Каскаракова З. Е., зав. сектором языка, к.ф.н. Кызласов А. С., с.н.с. сектора языка, к.ф.н. Чебочакова И. М.

Цель экспедиции: сбор данных о носителях качинского диалекта хакасского языка; выявление и описание языковой ситуации в районах компактного проживания качинцев; запись образцов звучащей речи носителей качинского диалекта на электронные носители; комплексный сбор материалов для научного описания современного состояния и особенностей качинского диалекта и создания электронного корпуса текстов на данном диалекте.

Территориальные рамки исследования определены районами проживания качинской этнической группы хакасов: Алтайский, Бейский, Усть-Абаканский, Ширинский и

Орджоникидзевский районы Республики Хакасия.

Во время подготовительного этапа работы по просекту были изучены архивные, научные, публицистические источники. Проводилась работа по выявлению и учёту информантов. Составлялись анкеты социолингвистического характера.

Во время экспедиции были опрошены информанты, носители качинского диалекта, в селах Сартыков, Аршанов Алтайского района, Шалгинов, Чаптыков Бейского района, Ах хол, Чарков Усть-Абаканского района, Малый Кобежиков, Трошкин, Топанов, Кобяков, Малый Спириин, Фыркал Ширинского района, Новомарьясово, Горюново, Конгаров, Монастырево Орджоникидзевского района.

Итого, материал был собран в 16 населённых пунктах Хакасии.

В ходе экспедиции было опрошено 73 респондента. На электронные носители записана разговорная речь более 50 информантов, хорошо владеющих качинским диалектом. Проведено социолингвистическое анкетирование. Собраны ценные материалы в виде звуковых текстов на качинском диалекте, повествующих об исторических событиях дореволюционного и послереволюционного периода: рассказы о шаманах, хайджи, переселенцах, событиях гражданской войны в Хакасии, раскулачивании, ссылках, репрессиях, Великой Отечественной войне. Записаны фольклорные произведения: песни, тахпахи, легенды, былички. Собрали большой лексический диалектный материал по различным тематическим группам.

Качинская диалектная лексика была проанализирована с точки зрения ее лексико-грамматических и семантических особенностей. Классификация качинской лексики в этом аспекте ранее не производилась.

Своеобразие качинского диалекта подтверждают слова, которые не имеют соответствий в других диалектах и литературном языке. Лексические диалектизмы представлены в сфере практически всех частей речи. Приведем примеры.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Тап 'связь, паз', *кидеркилер* 'сагайцы (букв. западные)', *сыырат* 'кладбище', *мөкезім* 'заноза', *пөртігес* 'панариций, ногтоеда', *чоза* 'охра (краска)', *челек* 'лжец, лгун, мошенник',

чачым 'горсть', *чохсал* 'горе, печаль' (список существительных дан также ниже), *тикис* 'сильная радость, граничащая с безумием (о слабоумном)', *хоран* 'смерть', *хымаиа* 'расторопность', *чалчыс* 'ссора, ругань, выговор; взаимные упреки'.

ГЛАГОЛЫ

Өргеле= 'охотиться на сусликов', *сөк*= 'бранить, поносить', *хаңырсыниа*= 'портиться (о погоде)', *хантай*= 'важничать, зазнаваться, гордиться (напр., своим высоким происхождением)', *чач*= 1) 'разбрызгивать'; 2) 'кропить вином, молоком и т.д. духам гор и рек', *чалчы*= 'отчитывать, выговаривать, высказывать свои претензии, своё недовольство', *чабох*= 'окоченеть', *хытраңиа*= 'раздражаться, разг. злوبيчься', *типчөсте*= 'прикреплять булавкой', *аңчыл*= 'напиться, пьянеть', *ікір*= 'икать', *кичір*= 'перевозить, переводить', *кидеркіле*= 'говорить (разговаривать) по-сагайски', *көзер*= 'быть неисполнительным, непослушным', *көддеелен*= 'высоко ставить себя, воображать из себя', *көчір*= 'переносить, перевозить', *күдүрет*= 'лохматить, ерошить (напр., волосы)', *чос*= 'литься (о речи)', *чүлте*= 1) 'становиться подавленным, мрачным'; 2) 'худеть'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Мумух 'замкнутый, необщительный', *тадыр* 'редкий', *тарлан* 1) 'пёстрый, в тёмную крапинку, в мелких пятнах (о рогоматом скоте)'; 2) перен. 'грязный', *омах* 1) 'бодрый, живой (о характере)'; 2) 'заносчивый'; 3) 'резвый, горячий', *міскис* 'упрямый', *тазаунос* 'заносчивый', *аумаа* 'невнимательный, рассеянный', *нумалах* 'круглый', *кјзерјс* 'упрямый', *кјдееленхік* 'важный, чванливый, заносчивый', *кедер* 'косматый, лохматый', *идеет* 'сильный; огромный', *папырах* 'маленький, низенький (о росте)', *ситкв* 'хороший; качественный', *свдбу* 1) 'сырой, непропечённый'; 2) 'затвердевший в процессе вяления и сушки (о мясе)', *сјјк* 'продолговатый', *хадырах* 'сыпучий', *хантайиан* 'высокомерный', *хауыл сјјктіг* 'костлявый', *харалиах* 'жадный', *хыдырт* 'злобный', *хытраунос* 'раздражительный; злобный', *хычам* 'тесный', *хыуыл* 'тонкий (о голосе)', *хырхын* 'пёстрый (чёрно-белый)', *чолбын* 1) 'бродяжный, блудный (о скоте)'; 2) 'любитель болтаться, скитаться, гостить (о людях)', *чјргін* 'склонный к постоянным перемещениям', *чубалхых* 'медлительный', *чіхік* 1) 'маленький'; 2) 'мелкий', *чалчых* 'вздорный, скандальный'.

НАРЕЧИЯ

Амизе ‘до сего времени, по сей день’, *соортын* ‘после, позже’, *пиргер* 1) ‘в сторону’; 2) ‘в другом направлении’, *пайаа* ‘недавно, не так давно’, *пайбыда* ‘вразвалку, переваливаясь (о походке)’, *тигдер* ‘туда, в ту сторону; на видимое расстояние’, *тигдертин* ‘оттуда, с той стороны (с видимого расстояния)’, *тјјле* ‘постоянно’, *пирсай* ‘совсем, слишком’.

ЧАСТИЦЫ

Ии ‘что?, а?’, *нјјзе* ‘ведь, же’.

МОДАЛЬНОЕ СЛОВО

Имис модальное слово, выражающее предположение.

ПОСЛЕЛОГ

Кибі ‘похожий; подобный’.

ОНОМАТОПОЭТИКА

Уна (*уначах*) пар= ‘идти на прогулку (о маленьких детях, которых носят на руках)’, *чучых-чачых* звукоподражание шёпота, шепотку, *чур-чар* ‘ветренный, взбалмошный, заполошный (о человеке)’.

Ниже представлена тематическая классификация лексических диалектизм-существительных.

Названия предметов

Орхах ‘намордник для телёнка’, *чачынхах* ‘булавка, приколка’, *кенген* ‘медный кувшин’, *чеумен* ‘наконечник стрелы’, *сыр* ‘стрела’, *эзем* ‘дождевик, плащ (обычно из брезента)’, *кјбиргі* ‘мост’.

Названия продуктов питания

Чоорт уст. ‘простокваша’, *чимче* ‘жареный ячмень, пшеница (для приготовления национального кушанья – талкан)’, *хазариан* ‘сахар’, *сымай хан* 1) ‘плазма крови; жидкая часть крови (кровь забитого животного набирали в посуду и ставили для отстаивания, при этом жидкая бесцветная часть крови выделялась отдельным слоем. Из неё готовили колбасу)’; 2) ‘колбаса (кровяная, приготовленная из жидкой крови, бывает беловатого цвета)’.

Соматизмы

Чоидыр 1) ‘загривок барана’; 2) ‘овечья шкура с тёмными пятнами (недоброкачественная)’, *чабатчы* ‘углы рта коня’, *пеген* ‘горб верблюда’, *саумай* ‘висок’, *поиар* ‘подколенная часть ноги (человека)’, *пепийек* ‘мизинец’, *поиана* ‘первое короткое ребро’, *миуник* ‘темя, темечко’, *талбыриа* ‘жабры’.

Зоонимы

Начын ‘сокол’, *курка* ‘курица’, *хандала* ‘клоп’, *чораха* ‘суслик’, *соуыс* ‘хомяк’, *чипуска*

‘цыплёнок’, *кукуйак* ‘яйцо’, *кјзек* ‘сорога, сорожняк’.

Фитонимы

Абаиады ‘малина’, *арба* ‘ячмень’, *хараиазы* ‘сосна’, *хадар* ‘полынь’, *хатыи сыы* ‘ель’, *нымзах сыы* ‘пихта’, *пуйиан* ‘ель’, *питјк* ‘молодой тальник’, *нир* ‘брусника’, *хызыл нир* ‘красная брусника’, *кјк нир* ‘голубика’, *индјрбес* ‘рябина’, *чихек* 1) ‘цвет’; 2) ‘цветок’.

Географическая лексика

Тауна ‘протока’, *орон* ‘основное русло реки’, *хауырсын* ‘непогода, дурная погода’, *пеперкелер* ‘пустоты (получаемые из-за воздуха, попадающего зимой под лёд)’, *най* ‘болото’, *салбы* ‘спуск (с горы)’, *сойиах* ‘лёд’, *тоспанах* ‘мелкий град’, *тјумел* ‘холмик’, *саиыт* ‘сопка, предгорный холм’.

Названия лиц, связанных родственными отношениями

Ааха ‘бабушка (по матери)’, *ака* ‘дед по отцу’, *чехе* ‘старшая сестра’, *пазаним* ‘первый ребёнок’.

Слова, называющие явления традиционной культуры

Чоха уст. 1) ‘свадебный костёр’; 2) ‘яма для разведения костра’, *ичјрткен* ‘суженый (жених или невеста) (по старинному обычаю хакасов: иногда родители новорождённых мальчика и девочки на определенных условиях с кем-л. из друзей хороших знакомых договаривались женить их по достижении совершеннолетия. Детей по отношению к друг другу называли *ичјрткен* ‘пропитый, помолвленый’)’, *сах* ‘засада (на зверя во время охоты)’, *теер* ‘тер (возглас, когда присутствующие во время жертвоприношения небу, обратившись к восходу солнца и воздевая руки к небу, кричат: теер! теер!)’.

Выделена группа диалектизм, которая не имеет аналогов в других диалектах хакасского языка, таким образом, она обслуживает только качинский диалект.

Также в словарном фонде рассматриваемого диалекта имеются слова, общие с кызыльскими. Это может быть объяснено как сохранением слов из общего словарного фонда праязыка, утраченных в других диалектах, так и процессами заимствования разного рода, обусловленными контактированием носителей диалектов. Приведём слова, общие для качинского и кызыльского диалектов: *чабах* ‘елец’, *хоорам* ‘после, потом, спустя некоторое время, позже’, *хайылгах*

‘омут, водоворот’, *сүбүр* ‘штаны, брюки’, *сотка* ‘сотка (нарост на корне берёзы)’, *сиренке* ‘спички’, *систок* ‘шесток (печи)’, *параан* 1. 1) ‘секции в юрте (где располагаются лавки, кровать, посудные полки и т.д.)’; 2) ‘тёмное пространство в юрте между стеной и прилавками, полками’; 2. ‘чёрный, тёмный’, *наал* = ‘ошибаться’, *ибес* 1) ‘лоскут, обрезок кожи, ткани’; 2) ‘обломок’, *тумаиш* ‘стерлядь’, *ор* = ‘жать серпом’, *ырысха* ‘глухарь’.

Таким образом, лексический фонд качинского диалекта обладает своеобразным составом, выделяющим его на фоне других диалектов хакасского языка. Диалектизмы встречаются во всех частях речи. Среди лексических диалектизмов в этом диалекте следует выделять этнографическую лексику, которая связана с традиционным укладом жизни качинцев.

Собранный материал позволяет делать вывод о том, что белоюносский и староюносский говоры качинского диалекта недостаточно вовлекаются в процесс развития хакасского литературного языка в силу их малоизученности.

В процессе обработки полученного полевого материала были выделены слова, получившие в качинском диалекте особое аффиксальное оформление, словообразовательные диалектизмы. Мы выделили группу производных слов, представленных в качинском диалекте, имеющих однокорневые параллели в литературном языке и в других диалектах хакасского языка и иное аффиксальное оформление. Перейдём к примерам.

Киңзек ‘прогоревший’: аффиксальное производное от глагола *киңзирге* /*киңзи*-/ ‘пригорать’, слово качинского диалекта образовано путем словообразовательной аффиксации, присоединения к производящей основе аффикса =*ек* (варианта аффикса =*ах*, со значением результативности). В литературном хакасском языке ему соответствует слово *киңзиг* ‘подгорелый (о супе, каше, молоке)’, с показателем =*ыг*, в данном случае передающим также результативное значение. *Сагыңчы* ‘мысль, душа’: слово *сагыңчы* ‘мысль, душа’ исследователь хакасского языка Д. Ф. Патачакова сопоставляет с древнеуйгурским *saginč* ‘мысль’, ‘задумчивость’ [1, с. 23]. В литературном хакасском языке и в других диалектах ему соответствует слово *сагыс* ‘мысль’. В качинском слове выделяется древний тюркский аффикс =*ыңчы*, образова-

вавший абстрактные имена существительные, сегодня не сохранивший свою продуктивность. В составе обоих слов наблюдается корень *саг*, выделяющийся также в группе исторически производных слов *сагынарга* / *сагың-*/1) ‘думать, мыслить’; 2) ‘думать, полагать, считать’; 3) ‘думать, собираться, намереваться’; 4) ‘думать, заботиться, беспокоиться о ком-л., о чём-л.’; 5) ‘тосковать, скучать по кому-л., чему-л.’, *сагыңызарга* /*сагыңыс-*/ ‘скучать друг по другу’, *сагыңыс* и.д. от *сагынарга* ‘тоска’, *сагысыырадарга* /*сагысыырат-*/ ‘заботить, беспокоить, тревожить’, *сагысыырас* ‘забота, беспокойство’, *сагысыырирга* /*сагысыыра-*/ ‘заботиться, беспокоиться о ком-л., о чём-л.’, *сагысыырос* ‘заботливый, беспокойный’. *Аңмаа* ‘невнимательный, рассеянный’: это слово имеет параллель в хакасском литературном языке – *аңмах* 1) ‘невнимательный, рассеянный’; 2) ‘ротозей, разиня, простак’, также ряд однокорневых слов: *аңмайарга* / *аңмай-*/ 1) ‘быть рассеянным, несобранным’; 2) перен. разг. ‘разевать рот, ротозейничать’; *аңмайган* ‘невнимательный, рассеянный’, *аңхайарга* /*аңхай-*/ с тем же значением, что и *аңмайарга*. Путем сопоставления ряда однокорневых слов можно предположить, что качинское *аңмаа* содержит в себе аффикс =*а* (=аа, от =агы) с результативным значением. *Чөргін* ‘человек, не любящий сидеть на одном месте’: ср. литературное *чөрөөс* с этим же значением. Оба слова образованы от одного и того же многозначного корня путём присоединения разных аффиксов, имеют синонимичные значения: *чөрерге* /*чөр-*/ ‘двигаться, быть в движении, ходить, ездить’. *Амдыгы* 1) ‘настоящий (о времени)’; 2) разг. ‘теперешний, нынешний’: качинское прилагательное образовано от основы наречия *амды* ‘теперь, сейчас, в данный момент’, в литературном языке ему соответствует прилагательное *амгы* ‘настоящий (о времени), современный’, образованное от наречия *ам* ‘сейчас, теперь’, также лежащего в основе вышеприведенного наречия *амды*.

К особенностям качинского диалекта в сфере словообразования также относятся регулярные фонетические соответствия по огубленности / неогубленности словообразовательных аффиксов других диалектов хакасского языка, например, сагайское *тырбаас* / качинское *тырбоос* ‘грабли’ (*тырба*=

‘сгребать, грести’), *közees / közöc* ‘кочерга’ (*köze*= ‘разгребать золу’), *сабаас / сабоос* ‘палочки для взбивания шерсти’ (*сан*= ‘бить’), *тадырас / тадырос* ‘трещотка’ (*тадыра*= ‘трещать’). Это связано с историей развития и формирования хакасского языка с древних времен, с отражением в современных диалектах особенностей отдельных племенных языков, принимавших участие в формировании хакасского языка. Огубленные варианты могли появиться и в результате того, что в древнетюркском языке, кроме вариантов с неогубленными гласными =*qič* / =*kič*, были аффиксы с огубленными =*quč* / =*güč*, которые, вероятно, нашли отражение в диалектном чередовании огубленных гласных с неогубленными.

Специфичным для качинского диалекта аффиксом со значением ослабленности признака является формант =*хына*. Он восходит к древнетюркскому показателю =*qina*, который определяется в «Указателе аффиксов древнетюркского языка» как уменьшительно-выделительная частица-аффикс: *jaqilmaz-qina* ‘пока [учение] еще не распространилось’; *balaqinaq* ‘малютка’, *kičigi balaqinaq* ‘самый меньшей, малютка’ от *bala* I ‘детеныш (животного), птенец’ [1]. Пример: *köölčegine* ‘очень медленно’ от *köölče* ‘медленно’

Таким образом, по результатам анализа полученных в ходе реализации проекта данных были также установлены словообразовательные особенности качинского диалекта хакасского языка. Перечисленные слова являются словообразовательными диалектизмами. Выделенные авторами словообразовательные показатели дают основание предполагать о сохранении в грамматическом фонде качинского диалекта функционирующих до сих пор древнетюркских аффиксов (уменьшительный =*хына*, орудийный аффикс =*ос*).

Установлено, что в настоящее время свободно владеют родным диалектом только представители старшего и среднего поколения, молодое поколение предпочитает использовать русский язык. По результатам предварительного анализа статистических данных и устного опроса можно сказать, что родным диалектом владеют преимущественно представители старшего поколения, представители среднего поколения показывают разную степень владения, в большей мере характеризуя свои знания как «знаю, но не говорю», «говорю со старшими родственника-

ми, с детьми не говорю». Представители младшего поколения родным диалектом не владеют.

В целом экспедиционная работа прошла плодотворно. Собранный ценный материал подвергается комплексному лингвистическому анализу. Звуковые тексты будут использованы в проекте создания электронного корпуса хакасского языка. В настоящее время объем электронного корпуса текстов на качинском диалекте составляет 12 п.л.

Собранные комплексные материалы могут быть использованы как один из важнейших источников по истории формирования хакасского языка, пополнения базы современного литературного языка диалектизмами, а также при переиздании академической грамматики хакасского языка. Научная обработка собранных записей звучащей речи позволит ввести в тюркологию ценную информацию по диалектам хакасского языка.

Литература

1. Патчакова Д. Ф. Качинский диалект хакасского языка: дисс. ... к. филол. н. – Абакан, 1965. – 294 с.
2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

О ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ГРУПП ЛЕКСИКИ

И. М. Чебочакова

УДК 811.161.1

В статье анализируются вопросы, связанные с появлением и функционированием тюркизмов в русском языке: социокультурные условия заимствований из тюркских языков в русский, их семантические особенности и трансформации. Рассматриваются отдельные группы тюркизмов в русском языке. Получают описание тюркские, хакасские элементы, употребляющиеся русскоязычным населением Республики Хакасия.

Ключевые слова: тюркизм, заимствование, лексика, тюркские языки, русский язык, стилистическая окрашенность, тематические группы, грамматическое освоение

В современной науке имеется немало специальных исследований, посвящённых анализу русизмов в лексике, грамматике и фонетике тюркских языков. Но исследований, посвящённых анализу тюркизмов в русском и других славянских языках, еще недостаточно [1, с. 5]. Исследования, разрабатываемые в рамках данной тематики, имеют ценность, поскольку Сибирь, куда входит и Хакасия, является полиэтничным, мультикультурным регионом. Освоение Сибири русскими связано с адаптацией русского народа к непривычным для него географическим условиям, что отразилось, конечно, и в языке, а конкретно, в его лексике. Актуальность темы связана также с переориентацией современной лингвистической парадигмы на семантику языковых единиц.

Проникновение элементов тюркских языков в русскую речь и в русский язык чрезвычайно многообразно, но до сих пор оно ещё недостаточно полно вскрыто, особенно в отношении грамматики, лексики и фразеологии.

Мало исследований, касающихся воздействия тюркской фонетической и грамматической структуры на фонетику и грамматику некоторых диалектов русского языка. «Мало изучены тюркские заимствования в русском словообразовании (ср., например, тюркские модели в образовании некоторых так называемых *парных слов*) и фразеологии (ср. например, кальки с тюркских речений типа *давай пойдём, давай посидим*)» [2, с. 5]. Н. А. Баскаков считает кальками, образованными на базе тюркских аналитических конструкций, такие разговорные формы, как *он бросил пить, пошёл колобродить, пошла писать губерния, пошёл пьянствовать* [3, с. 14].

Изучение тюркизмов в русском языке и, шире, в славянских языках проводится в нескольких аспектах. Это выделение лексико-семантических и тематических групп заимствований, их периодизация, анализ особенностей семантического развития и функционирования в языке, а также частоты употребления, выявление морфологической структуры, этимологии.

Ученые установили ряд признаков, которые могут служить критериями освоения русским языком заимствованных слов: 1) употребление слов в произведениях переводной и оригинальной художественной литературы, в периодике, в научных трудах без перевода; 2) заимствование слов в их первоначальной форме по причине отсутствия в русском языке соответствующего эквивалента, смысл которого может быть передан только описательно; 3) освоение слов русским языком с некоторыми фонетическими изменениями; 4) оформление их элементами русского словообразования и словоизменения [4].

Как пишет А. В. Калинин, большая часть слов тюркского происхождения заимствована во время татарского нашествия (XIII-XIV вв.), некоторые проникли раньше. Среди тюркских заимствований отмечены названия одежды и её частей: *тулуп, сарафан, башлык, чулок, армяк, колпак*; коневодческая лексика: *лошадь, табун, аркан, буланый*; хозяйственная лексика: *амбар, сарай, утюг, сундук, войлок, чемодан, бадья, чугун, очаг, наждак*; названия кушаний, продуктов: *изюм, балык, шашлык, баклажан, лапша*; слова, используемые в товарно-денежных отношениях: *деньги, аршин, безмен, товар* [5, с. 15].

Д. С. Сетаров в статье «Тюркизмы в русских названиях лошадей» ставит своей целью

не только выявление тюркизмов в этой терминологической сфере, но и этимологизирование их. Словами тюркского происхождения являются такие, как *актаз* 'белая арабская лошадь', *аргамак* 'рослая и дорогая азиатская лошадь', *балабан* 'жеребец', *бахмат* 'малорослая крепкая лошадь', *битюг* 'крепкий ломовой конь', *буланый* 'светло-желтый с черным хвостом и гривой', *бурый* 'между рыжей и вороной', *зунан* 'трехлетний жеребенок или теленок', *даган* 'стригун', *джигитай* 'осляк, между конем и ослом', *игрневый* 'рыжий со светлой гривой и хвостом', *имнюшка* 'кляча', *ишак* 'осел', *калтарый* 'гнездорыжий, гнедой белогривый', *карабаур* 'порода лошадей, выведенная в Узбекистане', *караковый* 'темно-гнедой с подпалинами', *карий* 'самая темная гнедая, но посветлее караковой', *катер* 'осляк, помесь осла и кобылы', *каурий* 'светло-каштановый', *кобыла*, *косяк*, *кулан*, *лошадь* и многие другие [6].

Русские рано вступили в непосредственные контакты с тюркскими народами Кавказа, Поволжья, Урала, Средней Азии, и эти контакты постепенно крепили. «Проникновение заимствованных слов и усвоение их общенародным русским языком происходило постепенно и различными путями. Сначала заимствованные слова проникали в местные, пограничные с ареалом распространения языка-источника говоры и диалекты русского языка, затем распространялись на более широкую территорию, например, на весь Кавказ, всю Среднюю Азию, все Поволжье, всю Сибирь, и только после такого более широкого распространения слово проникало в общенародный устный и письменный литературный язык» [7, с. 6].

Фольклорные произведения могут служить источником материала для исследования тюркизмов в русском языке. Основная их часть, как уже отмечалось ранее, связана с периодом монголо-татарского нашествия. Русские былины как жанр формируются в начале X века, когда русским княжествам приходилось отражать частые набеги степных кочевников-печенегов и входивших в их состав других тюркских племен, половцев (XI–XIII вв.), монголо-татарских племён в период существования Золотой Орды (XII–XV вв.). К древнейшим тюркизмам, зафиксированным в летописях, В. Д. Аракин относит такие существительные, как *боярин*, *казак*, *казна*, *орда*, *шатёр*, *ярлык* [8]. Слово *боярин* связано, по мнению учёных (Ф. Е. Корш, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев), с тюркским сло-

вом *бай* 'богатый', слово *казак*, отмеченное в грамоте 1395 г., может быть переведено на русский язык как 'бездомный человек, скиталец' (А. Н. Самойлович, Н. К. Дмитриев), слово *казна*, зафиксированное в летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», – заимствование из арабского языка посредством кыпчакского, встречается в значениях: 'кладовая', 'место для хранения имущества', 'имущество, сокровище', 'деньги'. Лексема *орда* в своём употреблении оказалась связанной с понятиями 'земля', 'страна'. Слово *шатёр* встречается почти во всех былинах киевского цикла. *Ярлык* как понятие и, соответственно, само слово начинает употребляться в былинах со второй половины XIII века. В отдельных былинах встречаются такие тюркизмы, как *атаман* (*ватаман*), *барс*, *башмак* (*башмачики*), *войлок*, *караул*, *колпак*, *кушак*, *куяк*, *табун*, *чулок* [8].

Известный тюрколог Н. А. Баскаков посвятил монументальное исследование русским фамилиям тюркского происхождения [2]. В его труде исследуется проблема формирования русских исторических фамилий тюркского происхождения, связанных с переходом на русскую службу выходцев из Золотой Орды, а также из родовых и государственных объединений тюркоязычных народов, как более ранних по отношению к Золотой Орде, так и образовавшихся после её распада на Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское ханства. Автор выделил 4 основных типа фамилий тюркского происхождения.

1. Фамилии, имеющие в основе тюркское слово, которые принадлежат роду, ведущему свое происхождение непосредственно от выходца либо из древних огузских и половецких родовых объединений, либо из Золотой Орды и более поздних татарских ханств. К этому типу относится большинство фамилий.

2. Тюркские по происхождению фамилии, объявляемые искусственно созданными родословными западноевропейскими; родоначальниками их называются представители западноевропейских родов, выходцы из Западной Европы, в то время как представители данного рода носят тюркскую фамилию, безусловно связанную либо с тюркским прозвищем, данным русскими, либо с тюркским происхождением данного рода. К таковым относятся, например, фамилии *Тютчев* и *Чичерин*.

3. Тюркские по корню, носители которых имеют явно не тюркское происхождение (*Кура-*

кины (< тюркск. *курак* ‘пустой человек, жадный, скряга’), род которых восходит к литовскому князю *Гедимину* и киевскому князю *Владимиру*, или *Булгаковы* (< тюрк. *булгак* ‘гордый, суматошный человек, смутьян’), род которых ведёт своё происхождение также от *Гедимина* и *Владимира Святого*.

4. Фамилии, имеющие своей основой русский корень, носители которых имеют тюркское происхождение. Таковы фамилии *Строгановы*, *Ростопчины*, *Леонтьевы*, *Матюшкины*, *Племянниковы*, *Свистуновы*, *Уваровы*.

Н. А. Баскаков доказал тюркское происхождение таких фамилий, как *Дашков*, *Бутурлин*, *Мамонов*, *Сабуров*, *Талызин*, *Скрыпеев*, *Ушаков*, *Корсаков*, *Турчанинов*, *Черкасский*, *Шереметев*, *Салтыков*, *Апраксин*, *Бахметев*, *Котенин*, *Аракчеев*, *Чемоданов*, *Карамышев*, *Болдырев* и мн. др.

Всего в монографии анализируется более 300 русских фамилий, сопровождаемых сведениями из родословных и описаниями фамильных знаков (гербов).

С древних времен сохранились в Москве и Московской области тюркизмы *Кашира* (тюрк. *Кош* ‘юрта’), *Балчуг* (‘грязь, болото’), *Арбат* (восходит к арабскому слову *рабат*, *рабад*, появившемуся в Москве через тюркское посредство, означает в языке-источнике – ‘предместье, иногда окруженное внешней стеной’), *Таганка* названа по слободе мастеров, изготавливающих *таганы* ‘треножки для котлов’), *Ордынка*, откуда начиналась дорога на Орду, *Толмачевский переулоч*, где жили переводчики, *Китай-город* (< *катай* ‘крепость-укрепление’), *Черкизовские улицы* (<имя собственное *Серкиз*) [9, с. 27-28].

Приведём тюркские названия московских улиц по результатам исследования Н. А. Баскакова [9, с. 20-29]. К таковым относятся следующие названия: *Татарская улица* (*Татарский переулоч*) от этнонима *татар* – по имени одного из тюркских народов, восходит к имени хана *Татар*, внука старшего сына *Чингисхана Джучи*; *Туркменский проезд* от этнонима *туркмен*; *Боярский переулоч*; *Уланский переулоч* (от тюркского *оглан* ‘мальчик’), *Басманная улица* (*Басманный переулоч*, *Басманный 1-й переулоч*, *Басманный тупик*, от *басман* ‘дворцовый, казенный хлеб’, *бас-* ‘давить, ставить печать’); *Ямская улица* (*1-я*, *2-я*, *Ямского поля 1-я улица*, *3-я улица*, *5-я улица*, от *ям* ‘курьерская запасная лошадь’); *Илимская улица* (от *илим* ‘смола’); *Колпачный переулоч* (от *каплак*, *калпак*

‘остроконечная войлочная шляпа’); *Шаганский переулоч* (*шаган* ‘клен’). Отдельно выделяется группа наименований, связанных с фамилиями и прозвищами: *Аксакова переулоч*, *Алымова улица*, *Алебьева улица*, *Бабаевская ул.*, *Барыковский переулоч*, *Бахметьевская улица*, *Бабичева улица*, *Бирюзова маршала улица*, *Бирюлево поселок*, *Булатниковская улица*, *Булгаковский переулоч*, *Бутаково*, *Аркадия Гайдара улица*, *Гоголя улица*, *Дашков переулоч*, *Ермолова генерала улица*, *Ибрагимова улица*, *Измайловская площадь*, *Казакова улица*, *Кантемировская улица*, *Карамышевский проспект*, *Карташевский переулоч*, *Ковылинский переулоч*, *Козлова улица*, *Кочновский переулоч*, *Кулаковский переулоч*, *Кутузова проспект*, *Мичуринский проспект*, *Наримановская улица*, *Нарышкинский проспект*, *Огарева улица*, *Сабурово*, *Салтыковская набережная* и другие.

Русскую историческую лексикологию интересуют вопросы, связанные с определением соотношения генетически различных слов того или иного пласта русской лексики, история их функционирования и современного статуса, специфика взаимодействия заимствований и исконной лексики.

Сравнением особенностей функционирования в русском языке тюркизмов и заимствований из западноевропейских языков занималась Р. А. Юналеева [10]. Она выявила, что тюркизмы входили в русский язык как однозначные слова, обозначавшие конкретные, широко распространенные бытовые реалии, а западноевропейские заимствования проникали в русский язык почти исключительно путем письменным – через газеты и научные стили речи. Основной приток тюркизмов (по XVII в.) происходил устным путем, а западноевропейские заимствования стабилизировались под влиянием норм письменной речи.

Между ними отмечаются различия в направленности этих изменений: западноевропейские заимствования активно передвигаются из сфер специальных в общий язык, тюркизмы – в сферу специальной терминологии. Тюркизмы, будучи исходно бытовыми словами, приобретали переносные значения и проникали в пределы различных терминологических систем, в сферу отвлеченных понятий и представлений. Например, *серьги* ‘украшение’ – ‘отростки у петуха и курицы под шеей’, ‘цветы’; *колпак* ‘вид головного

убора' – 'абажур', 'сачок для ловли рыб'. Они, являясь названиями новых, входящих в повседневный быт реалий (*сундук, амбар, стакан, чулки, тулуп, карман* и др.), заполнили свободные ячейки номинационной шкалы. Поэтому тюркизмы долгое время были единственным средством номинации и результатом лексико-семантической недостаточности. Обращаясь переносными значениями, тюркизмы, утрачивая свою монопольность как лексемы, пополнили ряды лексико-семантической избыточности. Явление лексической избыточности, как пишет Р. А. Юналеева, таким образом, коснулось тюркизмов лишь позднее, с притоком западноевропейских, которые в ряде случаев оказались более жизнеспособными (ср.: *башимак – ботинок; штаны – панталоны – брюки*) [10]. Большая часть тюркизмов как номинации новых объектов первоначально функционировала в качестве нейтральных слов. В дальнейшем часть из них, обозначавшая устаревающие или устаревшие предметы, стала приобретать отрицательно-оценочное значение (*кабак* 'о шуме, беспорядке', *балахон* 'не по размеру широкая одежда', *сарай, лачуга* и т. п.). Развитие переносных значений, повлекшее переход тюркизмов в разряд других тематических групп, породило также варианты русских параллелей эмоционально-уничтожительного характера (ср. *бирюк* 'нелюдимый человек', *ишак* 'упрямый', *колпак* 'простак', *епанча* 'неряха', *азям* 'оборванец', *башка* и т. п.).

Займствования из национальных языков занимают особенно большое место в местных русских говорах. Чаще всего в русские говоры проникают топонимы; наименования местных пород домашних и диких животных, видов растений, деревьев, т. е. слова, относящиеся к местным разновидностям фауны, флоры; названия предметов домашнего обихода, утвари, упряжи местного происхождения, названия особых разновидностей одежды и обуви, приспособленных к местным условиям, т. е. так называемые *этнографизмы*.

В истории русского языка, как и других языков, наблюдаются процессы движения заимствованных иноязычных слов из говоров в литературный язык. В специальной литературе отмечается, что Сибирь, которая активно стала осваиваться значительно позже, до сих пор является поставщиком слов-этнографизмов, не известных в литературном языке. Наличие лек-

сических этнографизмов в Сибири определяется рядом причин: как особыми природными условиями, так и особенностями быта и ведения сельского хозяйства, вызванными природными условиями, а также влиянием на русский язык языка аборигенов.

Русский литературный язык пополнил ряд таких бывших сибирских этнографизмов, как *тайга, омуль, максун, нельма*.

По мере распространения русского литературного языка в национальных районах происходит постепенная замена в местных говорах заимствованных слов не русскими местными диалектными лексическими единицами, а словами из русского литературного языка. Такие процессы наблюдаются в Сибири, на Кавказе и в других отдалённых от центра районах нашей страны.

Русские говоры Сибири характеризуются особыми словами, заимствованными из местных тюркских языков. Их нет в русском литературном языке, они узуальны. К таким относятся: *ангич* 'водящаяся в восточных берегах Сибири утка-морянка', *бульгун* 'вид совы', *бурнастый* 'хохлатый и мохноногий', *тарбазин* 'забайкальский орел' [11]; *аллакать* 'разговаривать, говорить' (тобол.), 'говорить без умолку', 'говорить на чужом языке' (неодобр.), 'говорить непонятно, сумбурно' < тюрк. ср. тат. *алла*, тур., азерб. *Allah* 'бог, аллах' и др. < араб. 'allāh (русская глагольная форма образована путём продуктивного суффикса -ка-); ср. также: *бозу, бузу* 'теленки', *ирчик* 'колесико, на котором сучат пряжу' (Хакасия), *каба* 'труха, истоптанное сено', *кирга* 'обод силка из конских волос для ловли куропадок', *кутай* междометие: *А, мой кутай* 'О, мой бог', *майгак* 'самка марала', *маймаки* 'кожаная обувь', *макан* 'толстый столб, подпирающий что-либо', *махтить* 'хвалить' [12].

Займствования из хакасского языка в речи русских жителей, проживающих в Таштыпском районе Республики Хакасия, изучала Ф. Т. Андреева [13]. В своей статье она рассмотрела 48 заимствований. Автор проанализировала не только слова, которые были заимствованы из хакасского языка, такие, как: *аарчы* 'суп, заправленный кислым молоком', *аба* 'медведь', *абицах* 'медведь', *алтын* 'золото' и 'полтинник', *арага* (арака) 'спиртной напиток, приготовленный из ячменя, пшеницы (иногда из кислого молока)', или 'водка', *бай* 'богач, кулак', *джерба* 'зерно крупного помола', *казра* 'молодая кобылица, телка или нетель', *калба* 'дикий чес-

нок', *кандык* 'таёжное растение со съедобным корнем', но и общерусские тюркизмы, такие, как: *башлык*, *аркан*, *калым* 'выкуп за невесту' и 'приработок', *яман* 'козёл', *сабантуй* 'вечеринка, праздник', 'массовое гуляние', *бабай* 'дед, старик, которым пугают детей', *бельмес* 'ничего не понимающий, не смыслящий', *карга* 'сварливая, злая или безобразная старуха'.

Есть примеры, где хакасский выступил в качестве языка-посредника, например, *салагай* 'левша' (язык-источник – монгольский).

Р. Д. Сунчугашев выделил топонимы со следующими компонентами: *так*, *тау* – *Уйтак*, ст. *Уйтак* (Аскизский район) (хак. *үү таг*), станция *Алатау* (хак. *Ала таг*), *Улутак* (*улуг таг*); *таскыл* – хак. *тасхыл* 'голец, высокая каменная гора, с покрытой снегом вершиной' (*Изербель таскыл* – голец по реке Енисей, в Бейском районе, от хак. *Изер тил*); *кай*, *гай* – хак. *хайа* 'скала' (гора *Кулагай* в Бейском районе, от хак. *Хулах хайа* 'гора в виде уха'); *гол* – хак. *хол* 'впадина между горами, лог' (*Игергол* в Усть-Абаканском районе от хак. *игир хол* 'кривой лог'); *су* – хак. *суг* (*Теренсу* – правый приток реки Томь, от хак. *тирең суг* 'глубокая река'); *куль*, *коль* – хак. *көл* 'озеро' (*Баланкуль* – озеро в Аскизском районе, от хак. *пуланнныг көл* 'лосиное озеро', *Иткуль* – озеро в Ширинском районе, от *Ит көл* 'собачье озеро'); *чуль*, *жуль* – хак. *чул* 'речка, ручей' (река *Бирикчуль*, посёлок *Бирикчуль* в Аскизском районе, от хак. *пирік чул* 'труднопроходимая речка' [14]. Как отметил исследователь хакасской топонимии Р. Д. Сунчугашев, калькирование как пример опосредованного заимствования используется в топонимии. Примеры полных топонимических калек: *Небесный зуб* – название хребта (*Тигір тис* < *тигир* 'небесный', *тис* 'зуб'), *Хара көл* – Чёрное озеро, *Хуба чар* – Белый Яр, *Хызыл чар* – Красноярск, *Тас алты* – Подкамень. Примеры частичных калек: *Ах үйс* – Белый Июс, *Хара үйс* – Белый Июс, *Хызыл Туран* – Краснотуранск, *Улуг Сыр* – Большой Сыр, *Улуг Нонын* – Большой Монок, *Улуг Аңзас* – Большой Анзас, *Улуг Сее* – Большая Сея, *Кічіг Сее* – Малая Сея, *Улуг Ханым* – Большой Ханым [14].

М. И. Боргояков привёл пример того, как кальки со временем могут вытеснить подлинник, который может быть постепенно забыт. В Ширинском районе левый приток р. Большая Сья называется *Собака*. В русских исторических документах XVIII века она зафиксирована как *Ит* или *Ит чул*. Слово *ит* во многих тюрк-

ских языках имеет значение 'собака'. В современном хакасском языке оно вытеснено словом *адай*. *Ит* сохранилось в хакасских диалектах в словах *ит пурун* 'шиповник', *ит табан* – выражение крайнего возмущения в фольклоре [15].

Хакасские слова встречаются также в письменной речи, в частности, в этнографической, художественной литературе и публицистике. Здесь они обозначают названия предметов и явлений хакасского быта и культуры, названия племенных групп хакасов, являясь безэквивалентной лексикой, служа также средством национального колорита. Часть из них, осваиваясь русским языком, приобретает способность принимать словоизменительные показатели. Приведём примеры.

Узорным чатханом тоску мою вылью: я старый койбал, а не сказочный гунн, занесенный тысячелетней пылью (М. Воронежский). *Чатхан* (ср. также ниже отражённый В. В. Радловым диалектный вариант *чаттаган*) – хакасский струнный музыкальный инструмент; *койбал* от *хойбал* – название этнической группы хакасов.

В целом абаканские татары музыкальнее своих западных соседей – им известны четыре различных музыкальных инструмента. Кроме уже описанных, имеющих и у алтайцев, камышовой свирели и гитары, я обнаружил у них кобыз (род скрипки) и чаттаган, лежащую арфу. Кобыз по форме похож на глубокую сквородку с длинной ручкой. Резонатором служит туго натянутая над углубленным дном звериная шкура, выделанная как пергамент, в середине нее находится довольно большое круглое отверстие, окруженное множеством маленьких, над ними установлена деревянная подпорка, поддерживающая струны... Чаттаган представляет собой плоский ящик с двойным дном, длиной в аршин и шириной в три-четыре вершка, чаще всего из ели или кедра, на этом ящике – вдоль него – укреплены шесть струн различной толщины (Радлов). *Кобыз* от *хомыс* – название хакасского музыкального инструмента. Запись Радлова отражает диалектный вариант, в хакасском языке согласные б и м представляют чередование.

Здесь вечный снег, здесь вечный снег вокруг тасхылами распорот (М. Воронежский). Слово *тасхыл* в хакасском языке имеет два значения: 1. Высокая безлесная гора; 2. Цепь высоких гор в тайге, вершина тасхыла обычно покрыта альпийской растительностью [16, с. 602].

Пронзённый стрелой, отвернувшись украдкой, в предсмертном томлении пиг Ипанча воткнул в себя нож с золотой рукояткой (М. Воронецкий). *Пиг* – устаревшее слово, имеет три значения: 1. Чиновник; 2. Хан, господин, князь; 3. Начальник, высший чин [16, с. 358].

Вы, кто заставляете сегодня бить-гремить мою орба, – оставьте колотушку, дайте помолчать ей и мое запястье отпустите – дайте отдохнуть руке шамана (ШП). *Орба* – колотушка для шаманского бубна; жезл шамана.

Ездишь ты на черно-буром скакуне, из черной выдры у тебя камча, а шапка из лисицы черноспинной (ШП). *Камча* – русифицированный вариант хакасского слова *хамчы* – плеть, нагайка, кнут, бич.

А ещё приносят в жертву хариуса, что в проточных водах выловлен, подносят и кандык, в горах растущий – на местах особо чистых (ШП). *Кандык* от слова *хандых* – растение из семейства лилейных со съедобными луковицами, использовалось в пищу хакасами.

Талган – жареное зерно, перемолотое до полумелкого состояния, крупнее, чем мука (Кустова). *Талган* – от хак. *талган*, слово обозначает вид продукта, мелко смолотый обжаренный ячмень или пшеница, употребляемый в пищу с молоком, маслом или абыртхы [16, с. 582].

Свою пашиню койбалы научились распахать русским плугом, называемым ими сабаном (Ватин). *Сабан* – ист. соха, плуг с деревянным отвалом.

Кроме прямых заимствований и структурных заимствований (калек) встречается и заимствование семантических моделей. В 2012 году мне довелось быть рецензентом выпускной квалификационной работы «Профессиональная лексика охотников и рыболовов в языке жителей Таштыпского района» студента 5-го курса Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова А. В. Есякова (научный руководитель – Майнагашева Е. К.). Работа была написана на основе самостоятельно собранного автором материала путём интервьюирования русских старожилов-охотников и рыболовов, проживающих в Таштыпском районе Республики Хакасия. Таежные промыслы представляли важную часть их хозяйственно-культурного комплекса. Мое внимание привлекли выводы, полученные Андреем Владимировичем в результате анализа лексем этих ЛСГ,

например, номинационная роль метафоры «домашние животные → дикие животные».

В работе представлены следующие ряды половозрастных наименований промысловых животных и птиц, термины построены метафорическим путём:

бык – самец марала,

корова – самка марала,

тарбак – марал, возрастом меньше года (от хак. *торбах* ‘годовалый телёнок, телёнок на втором году’ [16, с. 652]). То есть возникает корреляция: *бык* – название взрослого самца, *корова* – название взрослой самки, *тарбак* – хакасское название использовано для обозначения незрелого потомства.

Коза – самка косули,

козел – самец косули,

аглак – молодая косуля до года. Здесь мы также видим реализацию подобного приведённому выше механизма номинации: схожие с домашним по облику животные названы *козлом* и *козой*, хакасское название *оглах* – *козленок* (детеныш дикой козы) – использовано для обозначения их потомства.

Петух – самец глухаря,

курица – самка глухаря;

кот – самец соболя,

кошка – самка соболя.

Автор работы не выявил истоков возникновения данных номинаций. Если обратиться к данным этнографии и фольклора, то, согласно традиционным воззрениям тюрков Сибири, к которым относятся и хакасы, дикие животные считались домашним скотом хозяина тайги. Важен и фактор языкового табуирования, существовавший у хакасов. Как нам кажется, указанные два фактора не могли не воздействовать на речь русских переселенцев Таштыпского района, которые, для того чтобы адаптироваться к суровым климатическим и новым географическим условиям, были вынуждены перенимать элементы традиционной культуры хакасов. Думается, что если были бы продолжены изыскания в этой области, то возможно выявление и иных аспектов взаимодействия русского и хакасского языков на местах.

В дореволюционный период основным путём проникновения в русский язык этнографизмов был говор или диалект местного языка, откуда они переходили в говор или диалект русского языка, распространяясь затем в более обширном районе (например, в Сибири) в живой

русской речи, проникая в русский литературный язык в его устной и письменной формах.

Как мы видим, слова, заимствованные русским языком из языков народов России в дореволюционную эпоху и в первый период существования советской власти, являются главным образом этнографизмами – наименованиями, специфичными для данной местности, отражающими особенности традиционной культуры и быта народа.

Чем ближе к современности, тем более усиливается проникновение русизмов в тюркские языки (односторонний процесс).

Тюркские топонимы получают адаптацию в русском языке, входят в русскую географическую лексику в адаптированном к фонетической системе виде. Хакасские слова употребляются в текстах на русском языке, представляющих научный, художественный, публицистический стили.

Литература

1. *Тюркизмы в восточно-славянских языках.* – М., 1974.
2. Баскаков Н. А. *Русские фамилии тюркского происхождения.* – М., 1979.
3. Баскаков Н. А. *О тюркских лексических заимствованиях в русском языке // Советская тюркология.* – 1983. – № 4. – С. 13-20.
4. Добродомов И. Г. *Заимствование // Большой энциклопедический словарь. Языкознание.* М., 2000. С. 158-159.
5. Калинин А. В. *Лексика русского языка.* – М., 1978.
6. Сетаров Д. С. *Тюркизмы в русских названиях лошадей // Советская тюркология.* – 1981. – № 6. – С. 16-32.
7. *Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР.* – М., 1969.
8. Аракин В. Д. *О некоторых тюркизмах в русских былинах Киевского цикла // Советская тюркология.* – 1984. – № 1. – С. 15-28.
9. Баскаков Н. А. *Тюркизмы в названиях московских улиц // Советская тюркология.* – 1979. – № 2. – С. 20-29.
10. Юналеева Р. А. *Тюркизмы в системе заимствований русского языка // Советская тюркология.* – 1987. – № 1. – С. 8-13.
11. Сетаров Д. С. *Тюркские лексические элементы в русских названиях птиц // Советская тюркология.* – 1983. – № 6. – С. 11-21.
12. Аникин А. Е. *Из этимологических наблюдений над тюркизмами в русских говорах Сибири // Диалектная лексика тюркских языков Сибири.* – Новосибирск, 1987. – С. 17-19.
13. Андреева Ф. Т. *Тюркские заимствования в русском говоре Таштыпского района Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ.* – № 18. – Абакан, 1973. – С. 43-51.
14. Сунчугашев Р. Д. *К вопросу о формировании русской топонимики в Хакасии // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития.* – Абакан, 1998. – С. 211-214.
15. Боргояков М. И. *Этюды по топонимике Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ.* – № 18. – Абакан, 1973. – С. 33-42.
16. *Хакасско-русский словарь.* – Новосибирск, 2006.

ВАРИАНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

М. Д. Чертыкова

УДК 811.512.1

В статье впервые в хакасском языкознании подвергается анализу с понятийной точки зрения один из видов вариантных отношений глаголов психической деятельности – функциональная эквивалентность. Опираясь на теоретические разработки и положения известных лингвистов в данной области, автор предлагает основные критерии общности и разграничения явления функциональной эквивалентности от явлений многозначности и синонимии.

Ключевые слова: хакасский язык, глаголы психической деятельности, вариантные отношения, функциональные эквиваленты, многозначность, синонимия.

Понятие «вариантность», в рамках которого изучаются видоизменения, охватывающие все уровни языка в целом, закрепилось в гуманитарном общенаучном обиходе во второй половине XX в. Термин «вариантность» (от *lat. varians* – изменяющийся) лингвистами рассматривается в нескольких значениях, общий смысл которых сводится к тому, что это видоизменение, разновидность; одна из возможных языковых реализаций. В. М. Солнцев пишет, что вариантность понимается, во-первых, как представление о различных способах выражения языковой сущности как о её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы, во-вторых – как способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом. Это фундаментальное объективное свойство языковой системы затрагивает все уровни и единицы языковой системы, как в плане выражения, так и в плане содержания [1, с. 32]. В нашем понимании в термине «вариант» присутствует два связанных между собой значения: изменчивость и способность существовать в нескольких разновидностях, например, единица семантической структуры глагола. Вариантные отношения между лексемами или их лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) представляют собой один из типов отношений языковых единиц и встречаются на всех уровнях структуры языка, что можно проследить на примере таких противопоставленных и в то же время пересекающихся явлений языка, как синонимия и многозначность. Анализ синонимических отношений приводит к констатации того, что слова синонимичны не во всех значениях, а только в некоторых, чаще всего вторич-

ных. Отдельные ЛСВ многозначного глагола при соответствующем контекстном употреблении могут совпадать со значениями других глаголов. Э. В. Кузнецова пишет, «Две стороны слова-знака - лексема и семема – связаны между собой произвольно, и каждая из них может варьироваться автономно, не вызывая изменений в противоположном плане. Так, рассматривая многозначность, мы видели, как происходит семантическое варьирование слов при неизменности лексем, манифестирующих их разные значения. При синонимии роли инварианта и варианта распределяются противоположным образом: инвариантным является определенное значение, семема, единица плана содержания, а вариантами – лексем, способные выражать это значение [2, с. 122].

Варьироваться могут как основные лексические единицы, так и их семантические группировки. Э. В. Кузнецова выделяет «поверхностный» и «глубинный» уровни вариантных отношений. «Глубинный уровень составляет основу языка, представленную единицами-эталоном в их первичных формах и функциях, парадигматически связанных между собой отношениями сходства-различия. Поверхностный уровень – это своеобразная «надстройка», образуемая сложным взаимодействием вторичных форм и функций соответствующих единиц, связанных вариантными отношениями» [3, с. 97].

Поле психической деятельности глаголов хакасского языка включает пять лексико-семантических групп (ЛСГ): это ЛСГ глаголов со значениями говорения, эмоции, мышления, поведения и восприятия. Данные глаголы, рас-

сматриваемые нами сквозь призму антропоцентризма, являются ядерными в хакасском языке.

Рассмотрение семантического варьирования, в частности, явления функциональной эквивалентности, в сфере глаголов психической деятельности позволяет выявить определенные типовые значения глаголов на уровне синтагм. Такие глаголы обозначают однотипные ситуации, выступают в предложениях однотипной структуры, обладают однотипной сочетаемостью. Сходство компонентного состава значений, однотипность условий синтаксической реализации определяют развитие в глаголах одинаковых семантических вариантов, представляющих вторичные значения. Так, например, значение «иметь свое мнение» может быть выражено не только глаголом *сана* «считать», для которого это значение является основным, но и рядом других глаголов той же семантической подгруппы интеллектуального процесса, в которых данное значение является неосновным, порой даже окказиональным, ср.: *сагын* в ЛСВ «считать», *көр* в ЛСВ «считать»: *Позын ол хайдар абахай тiп хачан даа санабачаң (сагынмачаң, көрбечең)* – Она никогда не считала себя красивой.

Функциональная эквивалентность – один из видов вариантных отношений слов в лексической системе языка. Лингвисты помимо синонимичных отношений между лексическими единицами на основе их вторичных значений выводят категорию функциональной эквивалентности между лексемами. Под функциональной эквивалентностью (или синонимией в широком смысле слова) обычно понимается способность слова употребляться в речи вместо других единиц лексико-семантической системы, не будучи синонимом. «Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [2, с. 123]. Некоторые исследователи в пользу широкого понимания синонимии отказываются от неоднозначного термина «синоним», предпочитая называть слова, выполняющие в предложении одинаковые функции, функциональными эквивалентами. «Поскольку сходный термин «варианты слов» уже используется в лексикологии для обозначения особого вида формального варьирования слов, мы, отказываясь от неоднозначного термина «синонимы», предпочитаем называть слова, выполняющие в предложении

одинаковые функции, функциональными эквивалентами» [4, с. 158]. Отношения функциональной эквивалентности по сути своей являются синонимическими в широком смысле или же их называют «контекстуальными», «потенциальными» синонимами. Например, Э. В. Кузнецова, рассматривая функциональную эквивалентность как синонимию в широком смысле, выделяет виды функциональных эквивалентов — абсолютные, контекстные и вторичные синонимы [2, с. 124-126].

«В семантических оппозициях глаголов одной группы заложены потенциальные возможности их нейтрализации при употреблении в контекстах, снимающих различия этих глаголов, делающих их функционально эквивалентными» [5, с. 113]. Таким образом, явление функциональной эквивалентности представляет собой более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование в предложении слова – синтагмы. В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов – членов одной ЛСГ, когда при замене одних слов другими не меняется смысл предложения. В основе данной нейтрализации в качестве инвариантной семы лежит категория общего функционирования. Например, для глагола *чохсын* «1) чувствовать, ощущать, замечать отсутствие кого-л., чего-л.; *паламны чохсынчам* чувствовать отсутствие своего ребенка; 2) чувствовать потерю кого-л., чего-л.; тужить о потере, тосковать о ком-л., о чем-л.; характерно наличие вторичного значения «тосковать о ком-л., о чем-л.». В хакасском языке нет отдельного глагола, репрезентирующего значение «скучать, тосковать». Однако в контекстах это значение вполне могут реализовать (и взаимозаменяться) глаголы *чохсын* и *сагын* в своих вторичных ЛСВ «скучать», «тосковать», однако имеет место в разнице их падежного управления: глагол *чохсын* требует в качестве объекта имени в вин. п., а глагол *сагын* в дат. п. Например, *Арокка паза Хыспинчаа удаа сагынадырбын (Арокты паза Хыспинчаны чохсынадырбын), олар минің харындастарым ноза* (Тко, 21) – Я часто скучаю по Ароку и Хыспинче, они же мои братья. *Мин айланганча, алган чахсым, чахсы чуртап чөрчет, магаа сагынма (мині чохсынма)* (Хчк, 20) – До моего возвращения, моя суженая, живи хорошо, не скучай по мне. *Ол чиріме хайда-хайдар сагын парчам теен* (Хч, 4) – Он сказал, мол, сильно скучает по своей родине. В последнем предложении замена данных глаголов невозможна, по-

сколькo глагол **чоxсын** в роли объекта предполагает только одушевлённое имя.

Таковыми взаимозаменяющимися вариантами слов могут быть и родо-видовые оппозиции, например, между идентификатором и одним из членов ЛСГ, обычно периферийной её части. Такие члены предложения выполняют одну и ту же функцию взаимозаменяемости. В структуре ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке возможны отношения функциональной эквивалентности в родо-видовых связях между доминантой семантической подгруппы и одним из её членов. Например, между глаголами – представителями разных семантических подгрупп в ЛСГ глаголов эмоции: **хомзын** «переживать, печалиться» - **түҗен** «1. кончатся, иссякать, истощаться; 2. перен. страдать, скорбеть», **паарса** «относиться доброжелательно к кому-л.» - **паар хайыл** «жалеть», **хатхыр** - «смеяться» - **кідіре** - «смеяться раскатисто, гоготать»; **ылга** - «плакать» - **сүркүңне** - «всхлипывать»; **хыртыстан** - «1. раздражаться; 2. злиться», и **пу харахтаң көрбе** - «ненавидеть» или **тарың** «сердиться» и т.д. Примеры: *Андаг оох-теек нимее хомзынмачаң (түҗенмечең), харындас!* (П, 192) – Из-за таких мелочей не стоит страдать, брат! – *Көрзең чахсы! Нөбс таныбадың – хатхырча (кідірепче) ол* – Смотри-ка хорошенько! Неужели не узнал? – смеется он. *Хайран санчы, ол хапха түңдере чадып, чоо ылгаан (сүркүңнеен)* (У, 17) – Бедный учетчик, упав лицом вниз на этот мешок, так сильно плакал (всхлипывал). *Пегас теең атха хулахтарың саңай тундыра тептірген Нашиванов осхас «пасчатхан күлүктер» аны пу харахтаң көрбинчелер (хыртыстанчалар)* (Хч, 9) - Такие «пишущие молодцы», как Нашиванов, которого конь Пегас пнул так, что он оглох, его ненавидят. *Пу сөстөр үчүн Күдет агаа хыртыстанган (тарыңган), аннаңар пірдее ниме тапсабаан* (Птн, 36) – За эти слова Кудет на него злился, поэтому ничего не ответил.

В этих предложениях при замене глаголов, как функциональных эквивалентов, общий смысл сохраняется. Однако глаголы с дифференцированным значением **кідіре** «смеяться раскатисто, гоготать», **сүркүңне** «всхлипывать», **хыртыстан** «1. раздражаться; 2. злиться» превносят в семантику предложения специфический оттенок. Поскольку функциональные эквиваленты выполняют одну и ту же функцию в предложениях, для них характерна однотипная сочетаемость. Но могут быть и исключения из правил, как например, в последнем предло-

жении, падежное управление глаголов **хыртыстан** «1. раздражаться; 2. злиться», и **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть» не совпадают: раздражаться, злиться + на кого, ненавидеть + кого. В целом, нейтрализация семантических различий базового глагола и глагола со специализированным значением происходит двумя путями: 1) в контексте у базового глагола может возникнуть дополнительный семантический признак, часто поддержанный соответствующими конкретизаторами; 2) в контексте у маркированного глагола может стертись различительный семантический признак.

Мы согласны с положением Э. В. Кузнецовой о сходстве функциональной эквивалентности слов с многозначностью, поскольку оба эти вида вариантных отношений в лексике полностью реализуются только на уровне слов-синтагм, связанных в рамках предложения с определенным контекстом. Но характер контекста, его роль в формировании многозначности и синонимии неодинаковы, даже противоположны. «При семантическом варьировании слова контекст обязательно должен быть различным, и только при этом условии слово может выступать в разных значениях. При функциональной эквивалентности, напротив, контекст должен быть одинаковым. Сходство контекста снимает частично формальное несходство лексем, выполняющих одну и ту же функцию» [2, с. 123-124].

В своей статье «О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов» Э. В. Кузнецова более детально описывает соотношение этих двух видов вариантных отношений слов: многозначности и функциональной эквивалентности. «При многозначности инвариантным, неизменным является форма слова, а варьируется его значение. При функциональной эквивалентности инвариантом является семантическая функция слова в предложении, а вариантами – чередующиеся слова – синонимы» [3, с. 100]. Например, многозначный глагол **көр** имеет следующие ЛСВ: 1) «видеть». *Мин ол малларны иртен чазыда көргем* – Я этих коров видел утром в поле; 2) «решать». *Позың көр, пу киректе хайди поларзың* – Сам решай, как ты будешь выкручиваться в данной ситуации; 3) «присматривать, ухаживать за кем-л.». *Кирі пабамны көрчөм* – Ухаживаю за пожилым отцом; 4) «испытывать, переносить, переживать». *Улуг кізі чуртаста чахсыны даа, хомайны даа көргөн* – Старый человек в жизни

видел и хорошее, и плохое; 5) «считать, иметь какое-л. мнение». *Пу статьяны син хайди көрчезиң, хайди пазылтыр?* - Как ты смотришь на эту статью, как она написана? 6) в качестве вспомогательного глагола обозначает «пробовать». *Ол, үр агырған соонда, төзектең турып алып, настагы хаалағлар ит көрген* - После долгой болезни он, встав с кровати, пробовал делать первые шаги. Как видим, совокупность всех перечисленных ЛСВ представлена в одной семантической структуре глагола **көр**, основным, первичным значением которого является «смотреть». Каждое значение данного глагола варьируется в отдельном контексте. За счет этих своих значений глагол **көр** обладает подвижностью, которая и обеспечивает словам достаточную функциональную гибкость в составе предложения.

Далее в качестве функциональных эквивалентов возьмем глаголы: **чоохта** «говорить» и **сыбыхта** «шептать», которые могут быть взаимозаменяемы в предложении: *Кір килбинең, ол көйүмзер пастырча, аның хулаана ниме-де сыбыхтапча (чоохтапча)* (Хч, 1992, 114) - Войдя, он сразу идёт к моей тётке, шепчет (говорит) ей что-то на ухо. В данном предложении в зависимости от контекстного окружения нейтральный к внешней звуковой характеристике глагол **чоохта** «говорить» приобретает сему «тихо», которая делает его функциональным эквивалентом глагола **сыбыхта** «шептать».

«Существенным для развития многозначности и функциональной эквивалентности оказывается характер значения слова и широта его употребления. Самые малоупотребительные, обладающие узким, специальным значением, как правило, бывают лишены как вторичных значений, так и функциональных эквивалентов» [3, с. 100].

К отношениям функциональной эквивалентности больше всего подвержены глаголы с

нейтральным, малосодержательным значением. При анализе их семантических структур обнаруживается сходство, проявляющееся в однотипности вторичных значений глаголов. Глаголы с более узкими и специализированными значениями, как правило, оказываются вне этих отношений, они однозначны и незаменимы. Имеет значение также и то, каков характер действия, выраженного в основном значении глагола. В зависимости от задач высказывания, ситуации, контекста отдельные признаки в семантике глагола могут усиливаться и ослабевать, появляться и исчезать. Без этих особенностей невозможна функциональная эквивалентность глаголов. Более широкие связи с другими глаголами по линии функциональной эквивалентности и развитую способность к многозначности имеют глаголы, обозначающие физические действия. По сравнению с ними функциональные возможности глаголов психической деятельности ограничены.

Литература

1. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // *Вопросы языкознания*. – 1984. – № 2. – С. 31-42.
2. Кузнецова Э. В. *Лексикология русского языка: учебное пособие для филол. фак. ун-тов*. – М., 1989.
3. Кузнецова Э. В. О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов // *Вопросы языкознания*. – 1978. – № 2. – С. 97-103.
4. Кропотова Л. В. Проблема разграничения синонимии и вариантности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2009. – № 2 (4). – С. 157-161.
5. Кузнецова Э. В. Боровикова Н. А. *Функциональная эквивалентность глаголов в ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов*. – Иркутск, 1989. – 177 с.

Несмотря на то что в туркменском языке значение желательности выражают многие структурные элементы, основным показателем, несущим данное значение, является аффикс *-a /-e*, который развился из древнетюркского аффикса *-чай /-чей*. Он используется в этой функции как в туркменском языке, так и в других языках огузской группы. В статье также рассматривается составной по происхождению аффикс со значением желательности *- айады / - айеду*.

Ключевые слова: туркменский язык, грамматика, желательное наклонение, сослагательное наклонение.

0. Giriş

0.1 Kip

Kip, fiillerle dile getirilen devinim, olay, oluş ve kılınışla ilgili anlatım yapıları olarak tanımlanmıştır. Bu yapıların kiminde bir olayı haber verme, gösterme veya şarta bağlama, kiminde bir istek, dilek veya emir söz konusudur. Kipler genellikle “bildirme” ve “isteme” kipleri olmak üzere ikiye ayrılmış olarak incelenir. Bildirme kipleri, belli bir zaman kavramı taşıyan fiilin belirttiği kavramın geçmişle, şimdiyle, gelecekle ya da geniş bir süreyle ilgili olduğunu bildirerek fiil kök veya gövdelerine zaman eklerinin getirilmesiyle kurulur ve çekiminin gerektirdiği şahıs eklerini alır. Fiillerin zaman bildiren bütün çekimleri bildirme kipleri içinde toplanır. İsteme (tasarlama) kipleri ise fiilin anlattığı kavramı belirtirken dilek, istek (arzu), gereklilik, emir kavramları taşıdıkları için, buna göre bölümlere ayrılırlar. Bu kiplerde ise zaman ifadesi yoktur. Bu kipler, tasarlamanın şart, istek, gereklilik veya emir şeklinde ortaya çıktığını gösterir [1, s. 289; 2, s. 239-246]. Banguoğlu, zaman ve tarz bölümlerine göre kurulmuş olan çekim toplulukları olan “kip” kavramlarının itibari olduklarını, anlatım, kullanış ve sınırlamalar yönünden değişme ve gelişmelere uğradıklarını belirterek asıl zaman kipleri ve uyarı kiplerinden söz ederek istek çekiminin kararlı bir dilek ifade ettiğini ve yerine göre emir anlamına da yaklaştığını ve bu kipin teklik ve çokluk üçüncü şahıslarının standart Türkiye Türkçesinde eskimiş sayılıp yerlerine emir kipinin üçüncü şahıslarının kullanıldığını (*seve* yerine *sevsin* gibi) belirtmiştir [3, s. 457-470]. Karaağaç “kip”in “varlık + eylem” ilişkisinde ortaya çıkan bir bilgi olduğunu, hareketin gerçekleşme şeklinin bildirilmesi olduğunu ve burada hareketin zamanının değil, şeklinin ön plâna çıktığını belirtirken çatı ve sözlüksel görünüşleri de içine alan bir tablo çizmekte ve

Türkiye Türkçesinde istek, emir, şart ve gereklilik olmak üzere dört şekil çekiminin olduğunu ifade etmektedir [4, s. 544-546].

0.1.1 İstek Kipi

İstek kipi isteme (tasarlama) kiplerindedir, tasarlanan hareketin istendiğini gösterir, istek şeklinde bir tasarlama ifade eder, dilek bildirir. Batı Türkçesinde istek eki *[-a, -e]*'dir. Ergin, bu şeklin eski Türkçedeki gelecek zaman eki *[-ga, -ge]* (< *[-gay, -gey]*)'den geldiğini belirtmiştir [1, s. 310]. Mansuroğlu, *[-gay, -gey]*, *[-ay, -ey]*, *[-ga, -ge]*, *[-a, -e]* eklerinin eski Türkçeden beri, gereklilik-dilek, gelecek (geniş, şimdiki) zaman bildirme fonksiyonlarını devam ettirdiğini belirtmiştir [1, s. 183]. Gelecek zamanda da bir istek ifadesi vardır. Eski Anadolu Türkçesinde *bolay kim, bolayki* ‘ola ki, olur ki, belki’ örneğinde eski *[-gay, -gey]* şeklinin devamı görülür. Burda görülen *[-ay, -ey]* şekli de istek ifadesi taşımaktadır. Eski Anadolu Türkçesinde istek çekimi; *gel-e-m, gel-e-sin, gel-e, gel-e-vüz, gel-e-siz, gel-e-ler* şeklinde ortaya çıkmıştır. Ergin'e göre, emir birinci şahıs ekleri Osmanlıca ve Türkiye Türkçesinde istek birinci şahısları için kullanılmış, böylece emir ve istek şekilleri karışmıştır [1, s. 310-311]. Gabain'de de “Fiil Şekilleri” içinde “Dilek Kipleri: Emir vs.” başlığı altında bütün şahıslardaki şekil verilirken teklik birinci şahısta *[-ayın, -ayın, -äyın, -ayn, -äyn]*, ünlü ile biten fiil tabanlarından sonra *[-yın, -yın]*, n ağzında da nadiren *[-ayan, -äyän, -yan, -yän]*; çokluk birinci şahısta *[-alım, -älim]*, n ağzında *[-alam, -äläm]*, ünlü ile biten fiil tabanlarından sonra *[-lim, -lim]* ekleri gösterilmiştir. Gabain, eski Türkçede *[-gay, -gey]* ekinin gelecek zaman, bazan muktedir olma, ara sıra, özellikle de görülen geçmiş zaman durumundaki bir yardımcı fiil almışsa, gerçekleşmemişi, nezaketle talep etmeyi ifade ettiği düşüncesindedir [1, s. 79, 81]. Eraslan, eski Uygur Türkçesinde [7, s. 343] gelecek zaman

kipini kuran şekil ve zaman ekinin [-gay, -gey] ve bunun kısaltılmış şekli olan [-ga, -ge] olduğunu ifade etmenin yanı sıra emir, şart ve gereklilik olmak üzere üç isteme kipi olduğunu belirtmiş ve emir kipini şu şekilde örneklendirmiştir [7, s. 345] *sözle-yin, sözle-gil (Ø), sözlezün, sözleling, sözleng, sözlezünler*. Tekin, “voluntative-imperative” başlığı altında emir eklerini (1.t.ş. [-ayın, -äyin, -yın]; 2.t.ş. [-gil, -gil]; 3.t.ş. [-zun, -zün]; 1.ç.ş. [-alım, -älim]; 2.ç.ş. [-ñ]; 3.ç.ş. [-zun, -zün]) vermiştir [8, s. 187-188].

Deny ve Kononov emir kipi çekiminde teklik birinci şahıs çekimini göstermeyerek çokluk birinci şahıs ve teklik ve çokluk ikinci ve üçüncü şahısları emir çekimine dâhil etmişlerdir. Németh, teklik ve çokluk birinci şahısları dâhil etmemiştir, *Fundamentada* emir çekiminde teklik ve çokluk birinci şahıslar gösterilmiştir. Menges, Türkçeyi bütünüyle incelerken tarihsel gelişim ve yayılım içinde istek ve emir (optative-imperative) eklerini birlikte ele almıştır [2, s. 247-248].

Timurtaş, “dilek (inşa) sigaları” içinde “iltizami (istek-gereklilik, optatif)” adı altında Eski Türkiye Türkçesinde ve bugün istek ekinin [-a, -e] olduğunu, bu ekin şeklen Eski Türkçedeki [-gay, -gey] ve daha sonraki [-ga, -ge] ekinden geliştiğini belirterek, anlam bakımından gelecek ve şimdiki zamanla alakası olmadığını, iltizami anlamı ifade ettiğini yalnız kullanım tarzına göre, bazan geniş zaman ve gelecek zaman anlamı taşıyabildiğini belirtmiştir. Timurtaş, Eski Türkiye Türkçesinde emir çekimini; *varayın, ağla, olsun, dolduralım, bulun, kaluñuz, disünler* şeklinde örneklendirmiştir [9, s. 126-130]. Genel olarak Eski Türkiye Türkçesinde *bilem, bilesin, bile, bilevüz, bilesiz, bileler* şeklinde bir çekim olduğu anlaşılmaktadır.

Ergin, isteme (tasarlama) kipi eklerinden biri olan emir eklerinin tasarlanan hareketi emir şeklinde ifade ettiğini belirterek çekime teklik ve çokluk birinci şahısları da dahil etmiştir. Eski Türkçede emir çekiminin teklik birinci şahısta [-ayın, -eyin] ekiyle kurulduğunu, devrenin sonlarında bunun [-ay1, -ey1] şeklini aldığını, [-ayın, -eyin] şeklinin Batı Türkçesine de aynen geçtiğini ve Eski Anadolu Türkçesinde hem [-ayın, -eyin] hem de [-ayım, -eyim] şeklinin kullanıldığını belirtmiştir [1, s. 304-305]. Ergin, istek ekinin de şekil ifade eden bir ek olduğunu, Batı Türkçesinde [-a, -e] şeklini aldığını ve bu ekin Eski Türkçedeki gelecek zaman eki [-ga, -ge]’den (<[-gay, -gey]) geliştiğini belirtmiş, Osmanlıcada çokluk birinci şahsın kullanımdan düştüğünü, Osmanlıcanın sonlarında ise teklik birinci şahsın da kullanımdan

düştüğünü, böylece Türkiye Türkçesine yalnız ikinci ve üçüncü şahısların geçtiğini, ancak batı Türkçesinde başlangıçtan bugüne kadar istek fonksiyonu için 6 şahsın da var olageldiğini fakat birinci şahısların asıl istek şekillerini kaybederek yerlerini emir şekline bıraktıklarını böylece de emir birinci şahıs eklerinin Osmanlıca ve Türkiye Türkçesinde istek birinci şahısları için de kullanılmaya başlandığını ve bu şekilde emir ve istek şekillerinin karıştığını belirtmiştir. Onun içindir ki emir birinci şahısları emirden çok istek ifade ederler ve bu yüzden emir birinci şahıs ekleri öteden beri istek eki zannedilmişlerdir. İstek kipi emir ve istek şekillerinin karışması ile Türkiye Türkçesinde çekim bugünkü şeklini almıştır [1, s. 310-311]. Banguoğlu [3, s. 443-445] ve Ediskun emir kipi çekimine teklik ve çokluk birinci şahısları dahil etmemişlerdir.

Korkmaz istek kipinin Türkiye Türkçesinde şahıslara göre çekimini şu şekilde vermiştir [10, s. 652]:

Teklik

1.ş.: a) -(y)AyIm: *al-ayım, başla-y-ayım, bil-eyim, gör-eyim;*

b) -(y)A-m: *al-a-m, başla-y-a-m, bil-e-m, gör-e-m;*

2.ş.: -(y)A-sIn: *al-a-sın, başla-y-a-sın, bil-e-sin, gör-e-sin;*

3.ş.: a) -(y)-A: *al-a, başla-y-a, bil-e, gör-e;*

b) -sIn: *al-sın, başla-sın, bil-sin, gör-sün;*

Çokluk

1.ş.: -(y)-Allm: *al-alım, başla-y-alım, bil-elim, gör-elim;*

2.ş.: -(y)-AsInIz: *al-a-sınız, başla-y-a-sınız, bil-e-siniz, gör-e-siniz;*

3.ş.: -sInIAr: *al-sınlar, başla-sınlar, bil-sinler, gör-sünler.*

Korkmaz emir kipinin Türkiye Türkçesinde şahıslara göre çekimini şu şekilde vermiştir [10, s. 670-671]:

Teklik

1.ş.: -(y)AyIm: *al-ayım, başla-y-ayım, tut-ayım;*

2.ş.: - eksiz: *al, başla, tut;*

3.ş.: -sIn: *al-sın, başla-sın, tut-sun;*

Çokluk

1.ş.: -(y)-Allm: *al-alım, başla-y-alım, tut-alım;*

2.ş.: a) -(y)-In: *alın, başla-y-ın, tut-un;*

b) -(y)-InIz: *al-ınız, başla-y-ınız, tut-unuz;*

3.ş.: -sInIAr: *al-sınlar, başla-sınlar, tut-sunlar.*

1. Azerbaycan Türkçesinde İstek ve Emir Kipleri

Azerbaycan Türkçesinde istek kipinin teklik birinci şahısta çekimi ile emir kipinin teklik birinci şahıs çekimi ayrı görünüşler ihtiva eder. Hüseyinzadâ'nin hazırladığı gramerde Azerbaycan Türkçesinde fiilin istek kipi ve emir kipi çekimleri belirgin şekilde ayırt edilmişlerdir [11, s. 186-198]:

Ämr şäkli: *dinläyim; dinlä; dinläsin; dinläyäk (veya dinläyälim); dinläyin; dinläsinlär;*

Arzu şäkli: *gäräk yazam, geläm; gäräk yazasan, geläsän; gäräk yaza, gelä; gäräk yazag, geläk; gäräk yazasınız, geläsiniz; gäräk yazalar, gelälär.*

Musaoğlu, Azerbaycan Türkçesindeki fiil çekimlerini ele aldığı yazısında istek ve emir kipi çekimlerini şu şekilde göstermiştir [12, s. 16]:

Ämr şäkli: *alım, al, alsın, alak, alın(ız), alsın(lar);*

Arzu şäkli: *gerek alam, gerek alasan, gerek ala, gerek alak, gerek alasınız / alasız, gerek alalar.*

2. Türkmen Türkçesinde İstek ve Emir Kipleri

Azimov, Sopiyyev, Çöññäyev istek kipini "işliğin buyruk forması" başlığı altında değerlendirmişlerdir [13, s. 230-231]. Amansariyev, çalışmasında "buyruk forması" ve "isleg forması" çekimlerini ele alırken teklik ve çokluk birinci şahıslara istek kipi içinde yer vermiştir [14, s. 255]. Baskakov, Hamzayev ve Çarıyarov'un birlikte hazırladıkları *Grammatika Turkmenskogo Yazıka I: Fonetika i Morfologiya* (Aşhabad) adlı çalışmada, istek kipi (jelatelnaya forma glagola) çekimi: *yaz-ayadı-m; yaz-ayadı-ñ; yaz-ayadı; yaz-ayadı-k; yaz-ayadı-ñız; yaz-ayadı-lar* [15, s. 298] şeklinde ve fiilin emir kipi (povelitelnaya forma glagola) çekimi: *yazayın; a) yaz, b) yazgın, c) yazsana; yazsın; yazalıñ; a) yazıñ, b) -, c) yazsañız-la / yazsañızlañ; yazsınlar* [15, s. 299-300] şeklinde gösterilmiştir. Söyegov ve ekibi de emir çekimini benzer şekilde ancak ünlü uzunluklarını da göstererek vermişlerdir [16, s. 293-294]: *yazayın, göreyin, işlä:yin; a) yaz, gör; işle, b) yazgın, görgün, işlegin, c) yazsana, görsene, işlesene; yazsın, görsün, işlesin; yazalı:ñ, görelı:ñ, işlä:lı:ñ; a) yazıñ, görüñ, işlä:ñ b) -, c) yazsañız-la, görseñiz-le, işleseniz-le / yazsañızla:ñ, görseñizlä:ñ, işleseñizlä:ñ; yazsınlar, görsünler, işlesinler.* Teklik ikinci şahısta Salır, Sakar, Ersarı ağızlarında [-saña, -señe, -sãñä] allomorfları /ñ/ li olarak görülürken, Alili ve Çovdur ağızlarında sadece [-saña, -sãñä] allomorfları yine /ñ/ li görülmektedir [16, s. 300]. Borcakov çalışmasında emir kipi çekiminde kullanılan ekleri [-ayım,

-eyin]; [Ø]; [-sın, -sin, -sun, -sün]; [-alıñ, -eliñ, -ıñ]; [-sınlar] olarak göstermiştir [17].

Diğer yandan Türkmen Türkçesi gramerlerinde genel olarak emir kipinin teklik birinci şahıs çekimi: *geleyin, yazayın, oka:yın, işlä:yin, ...* şeklinde gösterilmektedir. Çokluk birinci şahısta ise {-All:ñ} şekli görülür: *geleli:ñ, yazalı:ñ, oka:lı:ñ, işlä:lı:ñ, ...* [18, s. 104-105]. Türkmen Türkçesinde emir kipinin teklik birinci şahıs çekiminde arzu, istek anlatılmaktadır. Çokluk birinci şahıs çekiminde iki şahsın katılımını gösteren [-alı, -eli] eki duruma göre kullanılmaktadır [16, s. 294]: *yazalı, oka:lı, geleli, görelı, oralı, işlä:lı, ...* Emir kipindeki emir ve rica anlamları ikinci şahsa aittir. Bu çekim ya eksizdir ya da [-gın, -gin, -gun, -gün] ekiyle yapılır. Ancak daha çok Türkmen klâsik edebiyatına veya sözlü gelenek ürünlerinde görülen [-gıl, -gil] eki de vardır: *bolgul, ağlagıl, eylegil.*

2.1 Türkmen Türkçesinde İstek Kipi

Birçok Türkmen dilcisi Türkmen Türkçesinin standart türünde istek kipinin [-a, -e], [-adı, -edi] ve [-ayadı, -äyedi] ekleri ile anlatıldığını belirtmiştir (Azimov, Hocayev, Sopiyyev, Söyegov). Bunlardan özellikle [-ayadı, -äyedi] şekli daha çok kullanılmakta ve bütün şahıslarda rastlanmaktadır. Ancak, [-a, -e] ikinci ve üçüncü, [-adı, -edi] ise esasen ikinci şahıslarda kullanılmakla beraber çok seyrek rastlanmaktadır. Hocayev, [-adı, -edi] ve [-ayadı, -äyedi] şekillerinin içinde [-a, -e] şeklinin mevcut olduğunu ve bu şeklin de birçok Türk lehçe ve ağızında kullanılmakta olan [-gay, -gäy] şekliyle geliştiğini belirtmiştir [18, s. 99].

Türkmen Türkçesinde eşzamanlı bakış açısıyla istek kipi esas olarak [-a, -ä] başta olmak üzere, [-ayadı, -äyedi] ve [-adı, -edi] ekleri ile anlatılmakla birlikte, kısmen [-gay, -gey], [-sa, -se], [-makçı, -mekçi] eklerinin de bu anlamı vermek amacıyla ikincil olarak kullanılabildiği görülmektedir.

2.1.1 [-a, -ä]

Türkmen Türkçesinde istek kipi eki esas itibarıyla [-a, -ä] ekidir. [-a, -ä, -e] eki, Oğuz grubu Türk lehçelerinin hepsinde kullanılmaktadır. Anlam olarak arzu, istek anlatır ve fiilin istek kipini oluşturur [19, s. 32-38; 11, s. 198]. Borcakov ve Hocayev çalışmalarında, J. Deny, V. Kotviç, G. İ. Ramstedt, N. A. Baskakov, E. A. Grunina, A. Annanurov ve M. Ergin'in ve daha birçok dilcinin görüşlerine de yer vererek bu ekin -gay, -gey > -ay, -ey > -a, -e şeklinde gelişme gösterdiğini, emir kipindeki teklik birinci şahıstaki ekin giderek istek kipinde de kullanılageldiğini belirtmişlerdir [19, s. 7-30].

Türkmen Türkçesinde /e/ ile biten fiil köklerine teklik ve çokluk birinci şahıs ekleri getirildiğinde /e/ sesi /ä/ sesine dönüşür (*işle-* > *işläyin*, *işläliň*, *işläň*; *käye-* > *käyäyin*, *käyäliň*, *käyän*) [13, s. 230-231]. Bu durum, ünlünün uzun telaffuzunun bir neticesi olmaktadır.

P. Azimov, M. N. Hıdırov, ve G. Sopiyev'in redaktörlüğünde ve C. Amansariyev, G. Sariyev ve A. İbrayimov'un da katılımlarıyla hazırlanan *Häzirki Zaman Türkmen Dili* adlı gramer çalışmasında **istek kipi** teklik birinci şahıs çekiminde ek [-ayın, -eyin, -yın, -yin] olarak gösterilmiştir: *Men hat yazayın, geleyin, men kitap okayın, sözläyin*. Çokluk birinci şahısta ise [-alı:ň, -eli:ň] eki kullanılmaktadır. Anlam itibarıyla işi, hareketi yapanların ikiden fazla olduğunu gösterir: *Biz baralı:ň, geleli:ň*. Eğer katılımcıların sayısı ikiden fazla değilse [-alı, -eli] şekli kullanılır: *turalı, gaydalı, gideli*. İstek kipinin ikinci ve üçüncü şahıs çekimlerinde fiil kökünün arkasından ekin ünlüsü uzun telâffuz edilir: *Sen yaza:, yaza:y, siz yaza:ň, yaza:yıň, olar yaza:sınlar, yaza:ysınlar*. Bu çalışmada *alay, yazay, göräy* sözlerindeki eke, hem istek hem de emir kipi çekimlerinin teklik ikinci şahısta yer verildiği ve istek kipi çekimini bu şahısta emir kipinden ayıran hususun, içeriğin yanı sıra fiil kökünden sonra gelen ünlünün uzun söylenmesi olduğu belirtilmiştir. Aynı çalışmada emir kipinin teklik ikinci şahısta [-ay, -ey] ekinin, bir tür izin verme anlamında kullanıldığı belirtilmiştir: *al-ay, yaz-ay, gör-äy* [20, s. 386-391].

Bundan başka fiil köküne [-ayayın, -äyeyin] ekinin getirilerek bir işi yapmaya gerçekten istekli olduğunu anlatan istek kipi çekimi de meydana getirilmektedir: *Men al-ayayın, gel-äyeyin*. Çokluğu için [-ayalı:ň, -äyeli:ň] yapısı kullanılmaktadır: *Biz al-ayalı:ň, gel-äyeli:ň* [20, s. 392]. Azimov, [-ay, -äy] ekinden söz ederken "işliğin buyruk forması"nın yumuşatılan istek, dilek görünüşünü yaptığını belirterek çekimi şu şekilde vermiştir [13, s. 230-231]: *Men yazayayın, işläyeyin, Sen yazay, işläy, Ol yazaysın, işläysin, Biz yazayalıň, işläyeliň, Siz yazayıň, işläyiň, Olar yazaysınlar, işläysinler*. Bu kullanım da konuşma dilinde yaygınlık göstermektedir. İlgili kaynakta belirtilmemekle birlikte ekteki ilk ünlünün uzun telâffuz edilmesi dikkati çeker. Ancak Hocayev çalışmasında ünsüzle biten fiil köklerine eklendiğinde de çokluk birinci şahısta ilk ünlünün uzun telaffuzuna rastlandığına dikkati çekmektedir [18, s. 108; 16, s. 294]: *görelı / görä:li, oralı / ora:lı, baralı / bara:lı, oturalı:ň / otura:lı:ň, geleli:ň / gelä:li:ň*.

2.1.2 [-ayadı, -äyedi]

Hocayev [-ayadı, -äyedi] ekinin -ay + -adı, -äy + -edi şeklinden geliştiği düşüncesindedir [18, s. 94]: *yaz-ayadı-m, yaz-ayadı-ň, yaz-ayadı-Ø, yaz-*

ayadı-k, yaz-ayadı-ňız, yaz-ayadı-lar; gel-äyedi-m, gel-äyedi-ň, gel-äyedi-Ø, gel-äyedi-k, gel-äyedi-ňiz, gel-äyedi-ler. Borcakov ve Hocayev'in birlikte hazırladıkları çalışmada da bu ekin [-A idi] şeklinden gelişmiş olduğu ve içinde bir zaman kavramı taşıdığı belirtilmiştir [19, s. 60-64, 71]. Çokluk üçüncü şahıs çekiminde [-lar, -ler] eki düşürülebilmektedir [16, s. 291]. Borcakov ve Hocayev çalışmalarında Türkmen Türkçesinin standart türünde istek kipinde kullanılan [-ayadı, -äyedi] ekinin gramatik anlamını {-A} ekinin anlamı ile karşılaştırarak {-A} ekinin gerçek yani olması mümkün olan arzu anlattığını ve [-ayadı, -äyedi] ekinin ise gerçekleşmemiş yani yapılmamış veya gerçekleştirilmesi mümkün olmayan istek, arzu bildirdiğini belirtmişlerdir [19, s. 66]. Bu ekle kurulan çekimin çokluk üçüncü şahsında [-lar, -ler] eki düşürülebilmektedir. Çekimin olumsuz şekli [-ma, -me] ekleriyle yapılmaktadır: *yazmayayadıň, yazmayayadı, ...* Cümlede *belki, hernä* sözleri ve *da, de* edatı varsa arzu anlamını daha da güçlendirmektedir. Bu ekin içinde [-ay, -äy] eki dikkati çekmektedir. Bu ekin içindeki [-a, -e] şekli günümüz Türkmen Türkçesinde ikinci ve üçüncü şahıs çekimlerinde çok seyrek olarak kullanılmaktadır [16, s. 291]. Sarı ve Güder'in birlikte hazırladıkları çalışmada [-ayadı] ekiyle yapılan çekim "arzuv forması" olarak, [-sadı, -sedi] (şartın hikayesi) yapısıyla kurulan çekim ise "isleg forması" [21, s. 88] olarak adlandırılmıştır. Hudayguliyev, bu şeklin ünlüyle biten fiil köklerine getirildiğinde kökteki ünlünün uzadığına dikkati çekmiştir [22, s. 98]: *so:ra:yadı, gürlämä:yedi, ba:rlama:yadı, gözlä:yedi*.

2.1.3 [-gay, -gey]

Baskakov, Kotviç, Hıdırov, İshakov, Palmbah ve daha birçok dilci, [-gay, -gey] ekinin fiilin arzu, istek kipini anlattığını düşünmektedirler [19, s. 15]. Bu ekin adlandırılışında da birlik bulunmamakla beraber çalışmalarda isteme (tasarlama) kip eki olarak görülmüştür. *Häzirki Zaman Türkmen Dili* adlı çalışmada [20, s. 391], Amansariyev'in *Türkmen Dialektologiyası* adlı kitabında [-gay, -gey] ekinin fiilin *isleg forması* (istek kipi) [14, s. 355], *Türkmen Diliniň Dialektleriniň Oçerki* adlı çalışmada da fiilin *isleg-buyruk forması* (istek-emir kipi) [23, s. 315], yapan ek olarak adlandırılmıştır.

Ramstedt, Şçerbak, Grunina, Çarıyarov, Şukurov ve daha birçok dilci, [-gay, -gey] ekinin tarihsel olarak zaman anlatan bir kip olduğunu düşünmektedirler. N. A. Batmanov, Yenisey abidelerinde bu ekin gelecek zamana ait istek anlattığını vurgulamıştır. Bu eke günümüz

Türkmen Türkçesi ağızlarında rastlanmaktadır [19, s. 16-17]. *Häzirki Zaman Türkmen Dili* adlı çalışmada bu ek, fiilin istek kipini anlatan eklerin arasında değerlendirilmiştir. İstek kipinin teklik ikinci şahıs çekiminde [-gay, -gey] eki, konuşurun çaresizlikle bir işin yapılmasını ikinci şahıstan istediğini anlatan yapıyı meydana getirir: *al-gay sen, diy-gey sen, gel-gey sen*. Bu ekle yapılan çekimin üçüncü şahsı beddua etme veya dua etme anlamları vermektedir [20, s. 390-391] Amansarıyev'in *Türkmen Dialektologiyası* adlı kitabında [-gay, -gey] ekinin, ağızların çoğunda üçüncü şahıs çekimlerinde kullanıldığı, bazı ağızlarda birinci ve ikinci şahıslarda da kullanıldığı belirtilmiştir [19, s. 17].

Günümüz Türkmen Türkçesinde [-gay, -gey] eki esasen üçüncü şahısta kullanılmakta ve dua, beddua ve dilek anlamlarını vermektedir [19, s. 18]: *Oğulcığım sağ-aman dolanıp gelgey-dä ...* (B. Seytäkov. Bedirkent, 1972: 16); *Han kakaň yaman görer. Onuň gazabından özi saklagay ...* (B. Seytäkov. Bedirkent, 1972: 58); *Gideni bolgay!, Dolanıp gelmegey!, Adı yitgey ...* (B. Seytäkov. Bedirkent, 1972: 391). Çarıyarov, [-gay, -gey] ekinin gelecek zaman anlatmak için kullanılan arkaik eklerin en üretkeni olduğunu ve bu ekin istek anlatma görevini de yerine getirdiğini belirtmiştir [24, s. 74].

2.1.4 [-makçı, -mekçi]

[-makçı, -mekçi] yapısı, *Grammatika Turkmenskogo Yazıkada* "forma namereniya glagola" (fiilin niyet forması) başlığı altında ele alınmıştır: *yazmakçı* [24, s. 308-309], *Görmekçi bol* [15, s. 290]. [-makçı, -mekçi], Türkmen Türkçesinde esasen hayal etme, eğilim gösterme ve niyet anlatır [24, s. 311-312], [-makçı bol-] yapısının şimdiki ve gelecek zaman çekimini anlattığı görüşünde olan Türkmen dilcileri de vardır [20, s. 397-398]. Ärnazarov, [-makçı, -mekçi] ekiyle kurulan çekimi oldukça yerinde bir nitelendirmeye niyet kipi olarak isimlendirmiştir. Bu ekin Türkmen Türkçesindeki kullanımlarına bakıldığında özellikle bir niyetlenme, eğilim gösterme anlattığı, doğrudan bir istek anlatmadığı görülür. Hocayev, bu kipe "işliğin hıyal forması" demiştir [25, s. 133-137]. [-makçı] ile yapılan çekim ise fiilin "hıyallanma forması" adı altında ele alınmıştır [21, s. 91].

2.1.5 [-sa, -se], [-sadı, -sedi], [-ası, -esi], [-adı, -edi]

Borcakov ve Hocayev [-sa, -se], [-sadı, -sedi] [19, s. 84, 91], [-ası, -esi] [19, s. 106] eklerinin Türkmen Türkçesinde yerine göre istek anlatabildiği

görüşündedirler. Ancak [-ası/-esi + gel-] yapısı içinde ortaya çıkan ek, isim fiil eki durumunda olduğundan burada kip eki olarak düşünülemez. Diğer yandan, *Türkmen Diliniň Grammatikası: Morfologiya* adlı çalışmada günümüz Türkmen Türkçesinin standart türünde [-ası, -esi] ekinin kullanıldığı *alasım, alasık, alası, alasılar* gibi bir çekimde istek anlatılmadığı da belirtilmiştir (Söyegov vd. [16, s. 292]. [-adı, -edi] ekinde ise *ermek* şekline gelişen *imek* fiilinin oluşturduğu hikaye anlatımının ortaya çıktığı görülür

3. Sonuç

Ergin'in belirttiği gibi, Batı Türkçesinin istek eki [-a, -e]'nin, Eski Türkçedeki gelecek zaman eki [-ga, -ge] < [-gay, -gey]'den geliştiği, daha sonra da Osmanlıcada çokluk ve teklik birinci şahıslarda kullanımdan düştüğü, böylece Türkiye Türkçesine yalnız ikinci ve üçüncü şahısların geçtiği, ancak, birinci şahısların asıl istek şekillerini kaybederek yerlerini emir şekline bıraktıkları ve emir birinci şahıs eklerinin Osmanlıca ve Türkiye Türkçesinde istek birinci şahısları için kullanılmaya başlandığı, böylece emir ve istek şekillerinin karıştığı [1, s. 311] düşünüldüğünde, bu eğilimin, Türkmen Türkçesinde de devam ettiği anlaşılmaktadır. Türkmen Türkçesinin standart türünde [-a] veya [-ay, -äy] eki istek kipini oluşturan asıl ektir. İstek kipinin ikinci ve üçüncü şahıs çekimlerinde fiil kökünün arkasından ekin ünlüsü uzun telâffuz edilir. Teklik birinci şahısta emir kipinde ünsüzle biten fiil köklerinden sonra ekteki ünlü kısadır: *geleyin, göreyin, alayın, ...* Ünlüye biten fiil köklerine geldiği taktirde ünlü uzar: *oka:yın, işlä:yın, ...* Ancak, istek çekiminde birinci teklik şahısta her iki durumda da ekteki ünlünün uzun tellâffuz edildiği görülebilmektedir: *gelä:yın, oka:yın, işläyın. Türkmen Diliniň Dialektleriniň Oçerki* adlı çalışmada standart türde ve Teke ağzında istek-emir çekimi şu şekilde gösterilmiştir: *yazayın, yaza:y, yaza:ysin, yazalı:ň, yaza:yıň, yaza:ysinlar; işlä:yın, i:şlä:y, i:şlä:ysin, i:şlä:li:ň, i:şlä:yiň, i:şlä:ysinler*. Aynı çalışmada Ersarı, Batı Yomut, Sarık, Sakar ağızlarında teklik birinci şahsın çekiminde *yaza:yın, i:şliya:yın, ala:yın, dura:yın, çika:yın, gela:yın* şeklinde ekteki ünlünün uzun telaffuzu ile karşılaşılmaktadır (Berdiyev vd. [26, s. 316-318]. Bu durum, emir teklik birinci şahısta [-ayın] ekindeki ünlünün kısa olması gerekirken, -gay > -ga: veya -a:y şeklinde gelişme gösteren istek kip ekinin teklik birinci şahısta emir eki ile karıştığı ve Ergin'in belirttiği üzere, batı Türkçesinde başlangıçtan bugüne kadar istek fonksiyonu için 6 şahsın da var olmasına rağmen, Osmanlı ve

sonrasında Türkiye Türkçesinde bu şekilde teklik birinci şahısta yerini emir ekine bırakan ekin izdüşümlerinin Türkmen ağızlarında görüldüğü düşüncesini de akla getirmektedir. Bütün Oğuz

lehçelerinde olduğu gibi Türkmen Türkçesinde de kararlı bir şekilde arzu, istek anlatan ekin [-a, -e] ve türevleri olduğu, konuşma diline yansıyan görünüşlerden anlaşılmaktadır:

İstek Kipi				
<i>Men</i>	<i>Yazayın</i>	<i>işlä:yin</i>	<i>yaza:yayın</i>	<i>işlä:yeyin</i>
<i>Sen</i>	<i>yaza:y (yaza:)</i>	<i>işlä:y</i>	<i>yaza:y</i>	<i>işlä:y</i>
<i>Ol</i>	<i>yaza:ysin</i>	<i>işlä:ysin</i>	<i>yaza:ysin</i>	<i>işlä:ysin</i>
<i>Biz</i>	<i>yazalı:ñ</i>	<i>işlä:li:ñ</i>	<i>yaza:yalı:ñ</i>	<i>işlä:yeli:ñ</i>
<i>Siz</i>	<i>yaza:yiñ (yaza:ñ)</i>	<i>işlä:yiñ</i>	<i>yaza:yiñ</i>	<i>işlä:yiñ</i>
<i>Olar</i>	<i>yaza:ysinlar</i> (<i>yaza:sınlar</i>)	<i>işlä:ysinler</i>	<i>yaza:ysinlar</i>	<i>işlä:ysinler</i>

Genel olarak Türkmen dilcilerinin beyan ettikleri görüşlere göre, [-a] ve [-a:yadı] şeklinin arzu, istek anlatan kip eki olarak değerlendirildiği ve “arzu şekli” veya “isleg forması” olarak adlandırıldığı görülmektedir. [-a:yadı] yapısının Türkmen Türkçesinde -gay + -erdi > -a:y + edi yönünde bir gelişme göstererek ortaya çıktığı ve gerileyici ve ilerleyici benzeşmelerle ve ünlü uyumu ile günümüzdeki şeklini aldığı anlaşılmaktadır.

Günümüzde Türkmen Türkçesinin standart türünde [-a:yadı, -ä:yedi] şekli istek, arzu anlatımında kullanılsa bile bu yapının, fonksiyonel ve gramatikal açıdan geçmişteki bir durumu anlatmasından dolayı “isteğin hikâyesi” olarak değerlendirilmesi gerekmektedir:

İsteğin Hikâyesi		
<i>gel-ä:y-edi-m</i>	<i>yaz-a:y-adi-m</i>	<i>i:şl(e >)-ä:y-edi-m</i>
<i>gel-ä:y-edi-ñ</i>	<i>yaz-a:y-adi-ñ</i>	<i>i:şl(e >)-ä:y-edi-ñ</i>
<i>gel-ä:y-edi-Ø</i>	<i>yaz-a:y-adi-Ø</i>	<i>i:şl(e >)-ä:y-edi-Ø</i>
<i>gel-ä:y-edi-k</i>	<i>yaz-a:y-adi-k</i>	<i>i:şl(e >)-ä:y-edi-k</i>
<i>gel-ä:y-edi-ñiz</i>	<i>yaz-a:y-adi-ñiz</i>	<i>i:şl(e >)-ä:y-edi-ñiz</i>
<i>gel-ä:y-edi-ler</i>	<i>yaz-a:y-adi-lar</i>	<i>i:şl(e >)-ä:y-edi-ler</i>

Bu çekimin gramatikal açıdan isteğin hikâyesi olduğu açıktır.

Bugün Türkmen Türkçesinin standart türünde [-adı, -edi] şeklinin kullanılışı oldukça sınırlı olup, sadece dua, beddua ve kutlamalarda ve yine bazı sözlerde kalıplaşmış olarak ortaya çıkmaktadır. [-adı, -edi] şeklinin olumsuzunda olumsuzluk ekindeki ünlü uzar: *görmädiñiz, görmäsiñiz, bilmädiñ, bilmäsiñ, ... ölediñ : ölmädiñ, ...* [16, s. 292]. (Söyegov vd. 1999: 292). Burada [-adı, -edi] eklerinin kullanılışında aslında yine istek anlatan fakat bunun geçmiş zaman yönü biraz daha vurgulu olan isteğin hikâyesi ortaya çıkmaktadır. Bu çekimin olumsuzunda [-me] allomorfu yerine [-mä] (< [-meyer]) allomorfunun kullanılması, çekimin anlamını olumsuz belirsiz geçmiş zamandan ayırt etmektedir: *bilmä:diñ* ‘bilmeyeydin’, *bilmediñ* ‘bilmedin’, *bilmä:siñ* ‘bilmeyesin’. [-adı, -edi] eki, ağızlarda şimdiki zaman anlatmak üzere kullanılan yapıyla karıştırılmamalıdır. Surhı, Çandır, Eski, Hatap, Kıraç, Enev, Hasar ve daha birçok ağızda

çeşitli allomorfları ile kullanılan ve [-a + turur] yapısından geliştiği düşünülen ve şimdiki zaman anlatımında kullanılan yapı bundan farklıdır.

[-sa, -se] ekinin Türkiye ve Türkmen Türkçelerinde yaygın olarak arzu, istek anlattığı görülmekle birlikte Azerbaycan Türkçesinde bu yaygınlık görülmez.

[-sadı, -sedi] yapısı kullanım olarak Türkiye ve Türkmen Türkçelerinde yerine göre arzu, istek de anlatabilen ancak gramatikal açıdan birincil fonksiyonu şartın hikâyesi olan bir yapıdır.

[-ası, -esi] eki, Türkmen Türkçesinde arzu, istek anlatmada yardımcı olmakla birlikte kip kavramı içerisinde değil de isim fiil olarak değerlendirilmelidir. Ancak Azerbaycan Türkçesinde durum farklıdır. Azerbaycan Türkçesinde fiilin “lâzım şekli” olarak adlandırılan kip, bir tür gereklilik anlatarak çekime girebilmektedir.

[-makçı, -mekçi] yapısı ise günümüz Türkmen Türkçesinde “hıyal şekli”ni yani niyetlenme bildiren bir çekimi ifade eder. Asıl fonksiyonu bir

niyetlenme bildirmez. İstek kipi çekiminin asıl, birincil, asli eki olarak düşünülemez.

Türk dilinin en önemli özelliği olan eklerin asli fonksiyonları olabildiği gibi ikincil fonksiyonlarda kullanımları da olabilmektedir. İstek kipi eki, bütün tarihsel ve modern Oğuz Türkçelerinde olduğu gibi Türkmen Türkçesinde de [-a, -ä, -e] veya [-ay, -äy, -ey] temelinde gelişen yapılarıdır.

Kaynaklar

1. Ergin M. *Edebiyat ve Eğitim Fakültelerinin Türk Dili ve Edebiyatı Bölümleri İçin Türk Dil Bilgisi*. – İstanbul, 2013.
2. Atabay N., Kutluk I., Özel S. *Sözcük Türleri*. – Ankara, 1983.
3. Banguoğlu T. *Türkçenin Grameri*. – Ankara, 2011.
4. Karaağaç G. *Dil Bilimi Terimleri Sözlüğü*. – Ankara, 2003.
5. Mansuroğlu M. *Türkçede -gay, -gey Eki ve Türemeleri // Jean Deny Armağanı*. – Ankara, 1958. – s.171-183.
6. Gabain A. *Eski Türkçenin Grameri*. – Ankara, 2007.
7. Eraslan K. *Eski Uygur Türkçesi Grameri*. – Ankara, 2012.
8. Tekin T. *A Grammar of Orkhon Turkic*. – Usa, 1968.
9. Timurtaş F. K. *Eski Türkiye Türkçesi: Xv. Yüzyıl. Gramer-Metin-Sözlük*. – İstanbul, 1977.
10. Korkmaz Z. *Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi)*. Ankara, 2003.
11. Hüseyinzadə M. *Müasir Azərbaycan Dili: Morfologiya*. – Bakı, 1983.
12. Musaoğlu M. *Azerbaycan Türkçesinde Fiil Çekimi // Gazi Türkiyat Türklük Bilgisi Araştırmaları Dergisi. Güz 2008/3*.
13. Azimov P., Sopiyeve G., Çöññäyev Y. *Türkmen Dili*. – Aşgabat, 1992.
14. Amansariyev C. *Türkmen Diyalektologiyası*. – Aşgabat, 1970.
15. Baskakov N. A., Hamzayev M. Y., Çarıyarov B. *Grammatika Turkmenskogo Yazıka I: Fonetika i Morfologiya*. – Aşhabad, 1970.
16. Söyegov M., Sarıhanov M., Borcakov A., Hocayev B. S., Arnazarov S. *Türkmen Diliniň Grammatikası Morfologiya*. – Aşgabat, 1999.
17. Borcakov A. *Türki Dilleriň Günorta-Günbatır Toparında İşliđiň Buyruk Forması*. – Aşgabat, 1992.
18. Hocayev B. *Häzirki Zaman Türkmen Dilinde İşlik Formaları*. – Aşgabat, 1978.
19. Borcakov A., Hocayev B. *Türki Dilleriň Günorta-Günbatır Toparında Arzuv ve Hökmanlık Añlıdyan İşlik Formaları*. – Aşgabat, 1980.
20. Azimov P., Hidırov M., Sopiyeve G., Amansariyev C., Sariyev G., İbrayimov A. *Häzirki Zaman Türkmen Dili*. – Aşgabat, 1960.
21. Sarı B., Güder N. *Türkmencenin Grameri (II Morfologiya: Şekil Bilgisi)*. – Ankara, 1998.
22. Hudayguliyev M. *Häzirki Zaman Türkmen Dili: Fonetika*. – Aşgabat, 1992.
23. Berdiyev R. *Türkmen Diliniň Dialektlerinde ve Gepleşiklerinde İşlikler*. – Aşgabat, 1988.
24. Çarıyarov B. *Günorta-Günbatır Türki Dillerde İşlik Zamanları*. – Aşgabat, 1969.
25. Arnazarov S. *Türkmen Türkçesinde Niyet Kipi ve Türkiye Türkçesinde Anlatımı*. // [http: www.turkiyat.selcuk.edu.tr/pdf/dergi/s13/arnazarov.pdf](http://www.turkiyat.selcuk.edu.tr/pdf/dergi/s13/arnazarov.pdf)
26. Berdiyev R., Kürenov S., Şamıradov K., Arazkuliyev S. *Türkmen Diliniň Dialektleriniň Oçerki*. – Aşgabat, 1970.

ПЁТР ЕГОРОВИЧ БЕЛОГЛАЗОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

А. С. Кызласов

УДК 929

Статья написана об исследователе современного хакасского языка П. Е. Белоглазове. В ней рассматриваются главные этапы биографии и творческой работы вышеназванного автора. Дается краткое содержание основных научных трудов исследователя и другие виды его деятельности.

Ключевые слова: П. Е. Белоглазов, исследователь, хакасский язык, словари, статьи, монография.

Белоглазов Пётр Егорович – исследователь хакасского языка, кандидат филологических наук, с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ».

Родился 8 июля 1955 г. в с. Аршаново Алтайского района Хакасской автономной области.

С 1983 по 1988 годы учился в Абаканском государственном педагогическом институте. После окончания института поступил в аспирантуру при кафедре восточных языков Казанского госуниверситета. В 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме “Морфологическая структура глагольного корня в хакасском языке”.

Белоглазов П. Е. в ХакНИИЯЛИ работает с 1994 года. Наряду с научной работой он вёл практические занятия и читал лекции студентам Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ имени Н. Ф. Катанова. В результате преподавательской деятельности ему, по ходатайству университета, в 1999 г. ВАК РФ присвоил ученое звание доцента.

Пётр Егорович Белоглазов является одним из современных исследователей хакасского языка.

За время работы в ХакНИИЯЛИ опубликовал 65 научных работ, из них 3 статьи в журналах из перечня ВАК РФ, 3 учебно-методических пособия, в том числе “Сборник упражнений по хакасскому языку” для студентов ИСАТ (в соавт. с А. Н. Чугунековой). Принимал участие в составлении коллективных работ: Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006 [1]; Русско-хакасский школьный словарь – Абакан: ХРОТО «Союз писателей Хакасии», 2014 [2].

За годы работы в институте его научные интересы связаны с изучением частей речи хакасского языка в историческом аспекте, с вопросами исторической грамматики. По этой теме у него опубликованы три монографии: «Структура глагольного корня-основы в хакасском языке». – Абакан: Хак. книжн. изд-во, 2008. – 144 с.; «Структурно-семантический аспект хакасских частей речи». – Абакан: Хак. книжн. изд-во, 2009. – 126 с.; Реконструкция первичных корней в хакасском языке. – Абакан: Хак. книжн. изд-во, 2014. – 80 с.; Реконструкция первичных корней в хакасском языке. – Абакан: Хак. книжн. изд-во, 2014. – 80 с.

Кратко остановимся на содержании вышеназванных монографий.

Исследование первичных корней тюркских языков отнесено Российским комитетом тюркологов к числу важнейших. Кроме теоретического значения, решение задачи восстановления пратюркских корней необходимо для составления машинного фонда тюркских языков.

Имеет особую значимость изучение тюркского глагольного корня, так как глагол по комплексу грамматических категорий является наиболее сложной частью речи, поэтому структурный анализ тюркского глагольного корня совершенно необходим для изучения истории языка.

Монография «Структура глагольного корня-основы в хакасском языке» состоит из двух глав – «Структура односложных глаголов (ОГ) в хакасском языке» и «Реконструкция корней-основ двухсложных глаголов». В первой главе исследованы структура односложных глаголов, односложные глаголы с точки зрения диахронии, корневое строение, семантическое развитие,

морфонологическая структура односложных глаголов. Во второй главе сделана реконструкция корней-основ двухсложных глаголов. По результатам анализа глагольных моносиллабов автор работы приходит к следующим выводам:

Подавляющее большинство односложных корневых глаголов имеют структуру СГС (согласный, гласный, согласный), в их начальной позиции имеются все гласные нормальной долготы и долгие о:, ы; в позиции середины слова встречаются все гласные нормальной долготы и все долгие, кроме и; в конечной позиции из всех имеющихся 17 гласных хакасского языка употребляются только о:, і, которые могли образоваться в результате стяжения или выпадения конечного согласного. Относительно малую роль других гласных в позиции анлаута (начала слова) можно объяснить, в порядке предположения, стремлением языка к экономии энергии при произношении начальных звуков, что же касается согласных, то нами были рассмотрены исключения из правила о глухом анлауте и ауслауте (конце слова) хакасского языка и сделана попытка объяснить эти факты. Наличие в ауслауте звонких согласных может быть следствием сохранения хакасским языком древних звуков г, ɟ, ʝ; а звуки н, л, р в конце слов, на наш взгляд, можно трактовать как залоговые аффиксы.

Анализ корневых глаголов, с точки зрения диахронии (исторического развития), показал их большую древность: в частности, соотносимость 113 единиц из 234 хакасских глаголов с реконструированными А. М. Щербаком формами праязыка и сохранение ими исчезнувших в других тюркских языках древних звуков г, ɟ, ʝ.

Семантика изучаемых односложных глаголов также характеризуется архаичностью, развитие её показано при помощи анализа сравнительного материала. Развитие значений корней-моносиллабов происходило в направлении от более обобщённого, нерасчлennого к частному, конкретному значению; из древней обобщённости развилась полисемия, из неё возникли омонимы; в результате переосмысления исходного значения слова появлялись переносные; в некоторых случаях в хакасских глаголах одни значения находятся в причинном отношении к другим; семантика рассмотренных корневых слов является очень древней, так как основные значения глаголов совпадают в разных тюркских языках – а это является показателем архаичности слова [3, с. 123].

Монография «Структурно-семантический аспект хакасских частей речи» посвящена именным частям речи, является продолжением монографии «Структура глагольного корня-основы в хакасском языке», сохранены её методы и стиль. В работе рассматриваются односложные существительные и прилагательные хакасского языка с точки зрения дистрибуции фонем, исторического развития звуков и семантического развития. Двусложные существительные, прилагательные и наречия исследуются с целью установления их корневой структуры.

Исследование хакасских имен было проведено по нескольким этапам: анализ фонологической структуры, в основном, односложных, а далее и двусложных существительных, прилагательных, числительных хакасского языка с позиций синхронии и диахронии, изучение их корневого строения и семантического развития, рассмотрение морфонологической структуры слов и, где это оказалось возможным, этимологический анализ.

Такая последовательность рассмотрения является, на наш взгляд, необходимой, так как дает возможность выделить объект исследования – именную часть, и позволяет получить более полную картину наблюдения.

В главе «Фонологическая структура односложных имён» рассматриваются дистрибутивные (распределительные) отношения и частотная характеристика фонем, причины употребительности или, наоборот, малой частотности фонем, образующих существительные, прилагательные и числительные. Например, причиной малой употребительности в начале слов фонем м и н можно считать их вторичный характер.

В следующей главе «Односложные имена с точки зрения диахронии» путём ретроспективного анализа была прослежена фонологическая эволюция фонем, то есть этапы исторического развития звуков существительных, прилагательных и числительных хакасского языка начиная от древнейших форм до современных.

В качестве древнейших форм были взяты лексические единицы, реконструированные А. М. Щербаком в его работе «Сравнительная фонетика тюркских языков».

В разделе «Семантическое развитие односложных имён» был рассмотрен процесс семантической эволюции форм, то есть прослежено развитие семантики моносиллабов, при этом значения слов одного уровня ассоциации были

объединены в семантические группы и расположены внутри этих групп в последовательности их предполагаемой эволюции. Порядковыми числами было обозначено развитие значений разного уровня ассоциации. Всё это дает возможность пронаблюдать изменения смысловых оттенков слов, удаление их от первоначальных, образование вторичных, производных, связанных с исходными тонкой, а иногда и тончайшей ассоциативной связью.

В главе «Реконструкция корней-основ двусложных существительных, прилагательных и числительных хакасского языка» имена-диссиллабы были рассмотрены с целью выделения из их состава корней-основ, из «представленных в «Хакасско-русском словаре» форм (словарь издания 1953 года) для изучения были взяты слова с таким строением, которое бы представляло интерес для этимологического анализа. Слова изучались сравнительно-историческим методом, опирающимся на генетическое родство тюркских языков, при сравнении форм гипотетическим корнем считалась общая фонетически неизменяющаяся часть слова (с учетом общетюркских соответствий звуков) [4, с. 113-117].

Монографическая работа «Реконструкция первичных корней в хакасском языке» посвящена изучению двусложных глагольных основ хакасского языка, рассматривается образование двусложных глагольных императивов, показывается, что императивная форма хакасского глагола, выражая различные модальные значения, не во всех случаях соответствует корневой морфеме и в зависимости от той или иной словообразовательной модели может выражать дополнительные смысловые оттенки.

Аффиксальные морфемы глагольных императивов выполняют в их составе различные функции: могут служить показателем переходности глагола, выражать залоговые значения, хотя в процессе развития структуры слова эти значения могут быть утрачены.

Рассматриваются гомогенные (однокоренные) слова в составе императивов, изучаются корни в их структуре: глагольные, именные, синкретичные и морфологические форманты, усложняющие корни.

Исследуются продуктивные и непродуктивные аффиксы в составе двусложных глагольных императивов, проводится реконструкция корневой морфемы в гнезде гомогенных глагольных императивов по-

средством условной, частичной и полной деэтимологизации корневой морфемы.

В результате помодельного и поморфемного членения структуры двусложных глагольных основ в современном хакасском языке на составные элементы (корневую и аффиксальную морфемы автору удалось выяснить ряд интересных явлений. Они сводятся к следующим моментам.

Проанализировано 1618 двусложных глагольных императивов хакасского языка, выявлено 28 словообразовательных моделей. В результате проведенного анализа выяснено следующее:

Подавляющее большинство двусложных глагольных императивов образуют исконно тюркские корневые слова, служившие базой для образования множества производных основ, в том числе и рассматриваемых двусложных глагольных основ.

Структурно-семантический анализ корневой части двусложных глагольных основ хакасского языка, образованных по 28 словообразовательным моделям и составляющих в общей сложности более 1618 единиц. Показывает, что она включает первичные и вторичные корни, определенные разряды которых в результате последующего исторического развития лишились своей самостоятельности и воспринимаются носителями языка как нечто неясное, неизвестное, то есть как мёртвое.

Многие из исторических корневых элементов в структуре производных глаголов при этимологической реконструкции поддаются восстановлению в своём прежнем структурно-семантическом облике.

Этимологическая реконструкция корневых морфем достигает наилучших результатов при учёте объективных закономерностей структурного развития слов.

«Неясность», «неизвестность» или «омертвелость» исторических корневых элементов в структуре производных императивных глаголов является лишь кажущимся представлением. Многие из них при этимологической реконструкции поддаются воссозданию и восстановлению в своём прежнем структурно-семантическом облике.

Корень должен обладать следующими особенностями: 1) быть по возможности односложным, типа ГС (гласный + согласный) и согласный и гласный, что является свидетельством его первичного образования, или струк-

турных типов согласный, гласный и согласный и согласный, гласный, согласный и согласный, что указывает на его вторичное образование; 2) обладать наиболее обобщённой, абстрактной семантикой; 3) может быть по своей морфологической природе именным или глагольным, или же синкретичным, обладающим свойствами имени и глагола одновременно; 4) часто выступать в виде межъязыковых и гомогенных вариантов; 5) иметь свои тождественные или видоизменённые прототипы в других родственных языках; 6) как правило, выступать основой для образования не одного, а целого ряда производных основ не только глаголов, но и других разрядов лексики.

Образование производных глагольных основ по словообразовательным моделям первоначально происходит не на основе мертвых самих по себе элементов. Этимологическое затемнение они получили значительно позже в результате структурно-агглютинативного развития.

Словообразовательные аффиксы 28 моделей во многих случаях выражают определенное значение. Многие из них практически дублируют живые, продуктивные модели в современной словообразовательной системе хакасского языка [5, с. 64-66].

Также следует отметить, что П. Е. Белоглазов постоянно принимает участие в работе различных научно-практических конференций по проблемам тюркской филологии, где выступает с докладами и сообщениями по вопросам хакасского языка. Он систематически пишет рецензии на учебные пособия, отзы-

вы на авторефераты диссертаций, выступает в СМИ, пишет научно-популярные статьи в журналах и газетах.

Белоглазов П.Е. за последние годы разработал 3 гранта. В 2010 году выиграл исследовательский грант РГНФ по теме «Этимология хакасских глаголов», в 2014 году выиграл региональный издательский грант Республики Хакасия по теме «Реконструкция первичных корней в хакасском языке», в 2014 году был исполнителем основного гранта РГНФ № 14-04-18038 «Качинский диалект: современное состояние, проблемы, перспективы».

Белоглазов П. Е. занимается общественной деятельностью, является членом Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия. Он принимает активное участие в общественной жизни института. За достижения и заслуги в научной деятельности Пётр Егорович имеет ряд благодарностей и поощрений, отмечен Почётными грамотами ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ» и Министерства образования и науки РХ.

Литература

1. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.
2. Русско-хакасский школьный словарь – Абакан, 2014.
3. Белоглазов П. Е. Структура глагольного корня основы в хакасском языке. – Абакан, 2008.
4. Белоглазов П. Е. Структурно-семантический аспект хакасских частей речи. – Абакан, 2009.
5. Белоглазов П. Е. Реконструкция первичных корней в хакасском языке. – Абакан: Хак. книжн. изд-во, 2014. – 80 с.

РАДИОН ДМИТРИЕВИЧ СУНЧУГАШЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАКАССКОЙ ТОПОНИМИИ

И. М. Чебочакова

УДК 929

Статья посвящена жизни и деятельности современного исследователя хакасской топонимии Р. Д. Сунчугашева. В ней представлены основные сведения об этапах его жизненного пути и освещён вклад ученого в хакасское языкознание и сибирскую тюркологию.

Ключевые слова: Радион Дмитриевич Сунчугашев, исследователь, хакасский язык, топонимия

12 июня 2015 года исполнилось 50 лет со дня рождения исследователя хакасского языка и топонимии, ведущего научного сотрудника Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидата филологических наук Радиона Дмитриевича Сунчугашева.

Он родился 12 июня 1965 года в селе Верх-Аскиз Аскизского района. В 1980 году окончил Калининскую среднюю школу и поступил в Абаканский государственный педагогический институт. С 1983 по 1985 годы проходил срочную службу на Тихоокеанском флоте. С 1986 по 1987 годы работал воспитателем в пришкольном интернате Калининской средней школы. В 1987 году поступил в Абаканский педагогический институт, на хакасское отделение филологического факультета.

В 1992 году после окончания Абаканского государственного педагогического института Радион Дмитриевич был приглашён на работу в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Он начал свой путь в науке с должности младшего научного сотрудника сектора языка. Любовь к родным местам, малой родине, сподвигла начинающего исследователя к выбору темы, связанной с изучением географических наименований Хакасии. С 1993 года Р. Д. Сунчугашев выезжает в экспедиционные поездки по всем районам Республики Хакасия с целью сбора материала у информаторов. Таким образом им была накоплена объёмная топонимическая картотека, включающая в себя материалы по всем диалектам хакасского языка.

В 1994–1998 годах Радион Дмитриевич прошёл заочное обучение в аспирантуре Института языкознания РАН под научным руководством известного тюрколога, профессора, доктора филологических наук, Игоря Валентиновича

Кормушина. В 1999 году успешно защитил кандидатскую диссертацию «Оронимия Хакасии» в диссертационном совете Института языкознания РАН [1; 2].

С 2003 по 2006 годы Радион Дмитриевич работал заведующим сектором языка ХакНИИ-ЯЛИ. В этот период на его плечи, помимо основной темы исследования и словарной работы, легла большая научно-организационная работа по подготовке к изданию нового «Хакасско-русского словаря» [3]. Для скорого опубликования словаря требовалось наладить координированную работу сотрудников сектора языка ХакНИИ-ЯЛИ, редколлегии, редакторов издательства «Наука» (Новосибирск). «Хакасско-русский словарь» первый крупный лексикографический труд, представляющий основной фонд лексики хакасского языка. Он содержит около 22 тысяч лексем современного хакасского языка, в нём представлено большое количество словосочетаний, фразеологизмов, паремий. Словарь был опубликован в 2006 году и стал очень востребованным в тюркологии. На его материалах создаются новые научные работы, что говорит о его значимости для исследователей. Этот труд пользуется популярностью и у преподавателей вузов и школ, переводчиков, работников печати, радио и телевидения, а также у широкого круга лиц, интересующихся хакасским языком.

В сентябре 2014 года Р. Д. Сунчугашев был назначен главным редактором республиканской общественно-политической газеты на хакасском языке «Хабар». Также он продолжает работать по совместительству в должности ведущего научного сотрудника ХакНИИЯЛИ.

Основная область научных интересов Радиона Дмитриевича, как отмечалось выше, связана с исследованием топонимов, их происхождением, основаниями их создания, значениями, развитием, современным состоянием, написа-

нием, заимствованием, этнолингвистическим анализом. В настоящее время им опубликовано более 80 научных работ, в том числе монография «Топонимия Хакасии» [4], «Словарь оронимов Хакасии» [5]. Подготовлена к изданию рукопись монографии «Ойконимия Хакасии».

Монография «Топонимия Хакасии» посвящена изучению топонимов Хакасии с лингвистической точки зрения. Автор путем анализа объективного языкового материала выявил обширную систему географических терминов, участвующих в создании топонимов хакасского языка. Многие из них в этой роли описаны впервые в хакасском языкознании, к таковым относятся слова *хыйрах* 'искривленная гора', *кирим* 'горная гряда без скал', *сорак* 'сопка', *чочак* 'остроконечная гора', *сохпах* 'торчащая гора', *хус* 'горная чаща', *орам* 'овраг' и т.д. [4, с. 19-35].

Радион Дмитриевич, исследуя зоны распространения топонимов, установил, что среди них выделяются общетюркские, сибирско-тюркские, местные термины [6]. Ценным для сибирской тюркологии является и установление им внутриязыковых источников пополнения хакасский географической лексики: это семантические процессы в рамках одного слова и метафорический перенос [4, с. 51-59].

Заслуживающим внимания выводом автора является также и выделение двух противопоставленных классов: «Природа» и «Человек», лежащих в основе распределения оронимов по основаниям номинации объектов [4, с. 121; 10]. Радион Дмитриевич определил, что топонимия Хакасии с точки зрения ее этнолингвистической принадлежности состоит из пластов разной хронологии и происхождения (кетского, самодийских, угорских, тюркских, монгольских, русского языков) [6; 7, с. 141; 8, с. 92; 9; 11]. Ценным приложением к работе является «Краткий топонимический словарь Хакасии». Словарные статьи включают в себя не только сам топоним и указание на место расположения объекта, но и объяснение его происхождения.

Таким образом, путем анализа географических названий Республики Хакасия Радионом Дмитриевичем получены значимые результаты, которые вносят вклад в развитие хакасского языкознания и региональной науки.

Область научных интересов Р. Д. Сунчугашева не ограничивается исследованием топонимии Хакасии. Она связана также и с историей хакасского языкознания [12; 13], антропонимией [14], ойкономией [15; 16], диалектологией,

лексикологией, лексикографией, терминологией, популяризацией науки [17; 18].

Диалектологические изыскания Радиона Дмитриевича связаны со сбором и описанием диалектной лексики хакасского языка. Диалектные топонимы проанализированы в его монографии [4], статьях [20; 21; 22], включены в словари [5; 19]. Также Р. Д. Сунчугашев возглавлял диалектологические экспедиции сектора языка ХакНИИЯЛИ в места компактного проживания кызыльцев и качинцев. Их осуществление стало возможным благодаря выигранным экспедиционным грантам РГНФ (2013 г. - «Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы», 2014 г. - «Качинский диалект хакасского языка: современное состояние и перспективы»). Р. Д. Сунчугашевым были выделены и описаны диалектные особенности в образовании производных слов, тематические группы диалектизмов кызыльского и качинского диалектов, определены древнетюркские соответствия диалектизмам (кыз. *эллик* 'рукавица' содержит древнюю основу *эл* 'рука', ср. также *йүс* 'река', *пудак* 'ветка, тоненькие сучья', кач. *чоорт* 'простокваша', кач. = *хына* – словообразовательный аффикс со значением уменьшительности). Привлекает внимание большой объем таких групп, как названия предметов, в основном названия предметов быта и снастей, и зоонимы [22; 23].

Результаты исследований Р. Д. Сунчугашева в виде научных статей опубликованы в ведущих российских и зарубежных научных изданиях [11; 16; 21; 24; 28; 29].

Радион Дмитриевич активно занимается лексикографической работой. Он является автором словарей, как терминологических, так и двуязычных [3; 25]. Значимым индивидуальным вкладом автора в хакасскую лексикографию стал «Словарь оронимов Хакасии (географические названия)» [5]. В нём отражены названия всех элементов сухопутной поверхности, указаны типы объектов, их местоположение, раскрываются основания, легшие в основу создания имен мест, приводятся легенды и предания, связанные с определенными оронимами. Таким образом, словарь содержит сведения как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Р. Д. Сунчугашев работает и в сфере редакторской деятельности, выступает членом редколлегии как региональных научных, научно-популярных изданий (ХакНИИЯЛИ и других

учреждений), так и международных [3; 17; 25; 26; 27].

Радион Дмитриевич производит квалифицированный анализ кандидатских диссертаций, пишет отзывы на них, выступает официальным оппонентом. Также он готовит отзывы на авторефераты кандидатских диссертаций, рецензии на научные труды, пособия для студентов вузов, учебники по хакасскому языку, дипломные работы студентов и магистрантов, оказывая таким образом помощь научным и образовательным учреждениям Республики Хакасия.

Радион Дмитриевич также успешно работает в такой области, как переводческая деятельность. Его самая значимая работа в этой сфере – перевод Конституции Республики Хакасия на хакасский язык (с учетом изменений подготовлен автором к переизданию в 2015 г.) [30]. В национальных культурах переводная литература имеет очень важную роль, являясь показателем ее развития и значительных общественных изменений. Труд Р. Д. Сунчугашева вносит вклад в развитие хакасского языка и общества в целом. Следует отметить легкость восприятия статей читателем, что говорит о высокой квалификации автора-переводчика. Перевод Конституции расширяет общественно-политическую, правовую и экономическую компетенции носителя хакасского языка, имея важное значение для хакасского народа, донося до него через призму родного языка основной закон государства, особый нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу.

Р. Д. Сунчугашев, помимо основной научной деятельности, ведёт активную научно-организационную и общественную работу: зампреда и председатель Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия (2003-2014 гг.); председатель секции «Филология» Республиканского экспертного совета по учебным изданиям МОН РХ; член и председатель государственной аттестационной комиссии по защите выпускных квалификационных работ студентов и магистрантов ГОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (с 2006 г.); член региональной комиссии РГНФ по РХ; член Ономастической комиссии при Правительстве Республики Хакасия.

За годы руководства Радионом Дмитриевичем Терминологической комиссией при МОН РХ - консультативно-совещательным органом для обсуждения и принятия согласованного решения по проблемам развития хакасского

языка, куда входят представители министерства образования и науки, научных и образовательных учреждений Республики Хакасия, общественных объединений, средств массовой информации – были переведены на хакасский язык и утверждены официальные названия типов образовательных учреждений Республики Хакасия, проведена большая работа по составлению реестра населенных пунктов Республики Хакасия на хакасском языке, по запросу Института геодезии и картографии проведена экспертиза передачи хакасских географических названий, обсуждены и рекомендованы к опубликованию обновлённый вариант «Русско-хакасского словаря лингвистических терминов» О. П. Анжигановой, М. И. Боргоякова, Д. Ф. Патачаковой, О. В. Субраковой (2012), «Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов» З. Е. Каскараковой (2012), «Русско-хакасский словарь литературоведческих терминов» А. Г. Кызласовой, В. Е. Майногашевой, С. А. Майнагашева, Н. С. Майнагашевой, Л. В. Челтыгмашевой (2014).

Труды Радиона Дмитриевича востребованы не только тюркологами, но и педагогическими кадрами Республики Хакасия и соседних регионов, поскольку они посвящены актуальным проблемам хакасской топонимики, лексикологии и диалектологии, вносят вклад в сибирскую тюркологию. Результаты его научных исследований находят практическую реализацию в учебном процессе в вузе и школе, внедряясь в образовательный и воспитательный процесс.

За научные и общественные заслуги Р. Д. Сунчугашев был отмечен грамотами и благодарственными письмами Министерства образования и науки Республики Хакасия, орденом «За благие дела» республиканской общественной организации «Совет старейшин родов хакасского народа».

Коллеги Радиона Дмитриевича по ХакНИ-ИЯЛИ, ценя его человеческие и профессиональные качества, сердечно поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья, осуществления творческих замыслов и дальнейшей плодотворной работы в области хакасской топонимии, лексикологии, диалектологии и терминологии.

Литература

1. *Оронимия Хакасии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* – М., 1999.

2. Оронимия Хакасии: Рукопись кандидатской диссертации. Москва, 1999. – 181 с. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. № 1108.
3. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сѳстѳк. – Новосибирск, 2006. (Соавторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова и др.).
4. Топонимия Хакасии. – Абакан, 2009.
5. Словарь оронимов Хакасии. – Абакан, 2001.
6. Тюркско-монгольские термины в топонимии Хакасии // Тюрко-монгольские встречи: диалог культур (Материалы международной научно-практической конференции, 27-28 ноября 2003 г.) – Улан-Удэ, 2004.
7. Этнолингвистическая стратификация топонимии Хакасии // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России. – Абакан, 2008. – С. 136-141.
8. Заметка о форманте АС в гидронимии Южной Сибири // Материалы Международной научно-практической конференции «Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности» (к 115-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). 23-24 октября 2008 г. – Абакан, 2008.
9. О некоторых исторических элементах в топонимии Хакасии // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Часть I. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности. – Абакан, 2010. – С. 181-183.
10. Отражение хозяйственной деятельности и мировосприятия человека в топонимии Хакасии // Ученые записки. Вып. XXIII. Серия «Филология». – Абакан, 2010.
11. Топонимия Хакасии: этнолингвистическая характеристика // Journal of modern turkish studies. MTAD 2012, 9(2): s. 61-68; DOI: 0.1501/MTAD.9.2012.2.13. E-yaayın Tarihi: 17 Temmuz 2012. (г. Анкара, Турция).
12. Хакасский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I – Новосибирск, 2009.
13. Об истории хакасского языкознания // Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. – Казань-Абакан, 2008-2009.
14. Опыт лексико-семантического анализа хакасских антропонимов XIX в. // Материалы международной научной конференции «Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях», посвященной 90-летию Горно-Алтайской автономной области и 60-летию БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2012.
15. К вопросу об ойконимии Хакасии // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования Республики Хакасия (23-24 июня 2011 г.). – Абакан, 2011.
16. Oykonyms of Khakassia in N. F. Katanov's Works // Himalayan and Central Asian studies (India). Vol. 17. № 2. 2013.
17. Ономастика // Энциклопедия Республики Хакасия. Т. II. – Красноярск, 2008.
18. Топонимия // Энциклопедия Республики Хакасия. Т. II. – Красноярск, 2008. – С. 193.
19. Словник диалектологического словаря хакасского языка. – Абакан, 2011. (Соавтор: В. А. Боргояков).
20. О некоторых диалектизмах в топонимической терминологии хакасского языка // О. Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии. – Якутск, 2013.
21. Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние // Мир науки, культуры, образования. № 6 (43). 2013. (Соавтор: Чебочакова И. М.).
22. Особенности качинского диалекта хакасского языка в сфере словообразования // Мир науки, культуры, образования. № 6 (49). Декабрь, 2014. (Соавтор: Чебочакова И. М.).
23. Диалектизмы качинского диалекта хакасского языка: опыт классификации // Мир науки, культуры, образования. № 6 (49). Декабрь, 2014. (Соавтор: Чебочакова И. М.).
24. Предреволюционный и послереволюционный периоды изучения качинского диалекта хакасского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1. Ч. 1. ISSN 1997-2911. (Соавтор: Чебочакова И. М.).
25. Русско-хакасский словарь. – Абакан, 2014. (Соавторы: Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Чебочакова И. М.).
26. Н. Ф. Катанов. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. Сост. Угдыжеков С. А. Ред. текста на хакас. яз. Р. Д. Сунчугашев. – Абакан, 2004.
27. Çağdaş türkoloji araştırmaları = Современные тюркологические исследования. Ankara üniversitesi yayınları. № 434. Dil ve tarih coğrafya fakültesi yayınları: 414. Ed. G. K. Yılmaz, R. D. Sunchugashev. – Ankara-Aбакан, 2014.
28. Об особенностях кызыльского диалекта хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. № 5 (42). 2013. (Соавтор: Чебочакова И. М.).
29. Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2(75). (Соавтор: Чебочакова И. М.).
30. Конституция Республики Хакасия. Перевод на хакасский язык. – Абакан, 2006.

Сокращения
 Кач. – качинское
 Кыз. - кызыльское

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

(на английском языке)

Borgoyakova T. N.

Verbal analytic predicate with formant =p tur= in the Khakass language

The article is devoted to the verbal analytical predicates with the formant =p tur in Khakass which is actively used in the Past 'Tense to express the durative aspect and Aktionsart.

Key words: formant, durative aspect, tense, form, modal words

Beloglazov P. Ye.

Monosyllabic roots-stems in the Khakass language

In the article the structure of monosyllabic roots-stems in the Khakass language, primary state and initial condition are under consideration and also the issue of structure of Turkic primary roots is touched upon. Phonomorphological factors are researched in connection with extraction of etymologically shaded roots, i. e. when roots had been complicated by affixes, which gradually knitted with a root morpheme.

Key words: word structure, root and affixal morphemes, etymology, word analysis

Güzel S.

Translation Activities in the Formation Process of Modern Chuvash Written Language

Due to the contribution of these translation studies that were systematized in the second half of the 19th century, we witness the creation of the Chuvasha language which created its own written works at the end of same century. In this article, conveying translation activities until 1917, subjects such as the use of language in translations, dialect basis of translations, hardships encountered in translations, contributions of translations will be covered and interpreted.

Key words: Chuvash Turkish, Chuvash translation activities, alphabet, Chuvash written language, historic Chuvash lexicology

Jumakunova G.

Kyrgyz-Mongolian Lexical Parallels of the Epos of Manas in Terms of Commonness and Borrowing

In the language of Manas Epos, which have been orally perpetuated for 1000 years up to now, hundreds of Turkish-Mongolian parallels are seen which are not found in modern Kyrgyz language. These words appear in thematic groups that can be summarized as battle clothes and equipment,

administrative and military terms, objects and concept names, and the names of jewelry and fabric. These words will be assessed here in this statement in the light of the history of Turkic and Mongol peoples and the data about their ancient and modern written works.

Key words: Turkish-Mongolian lexical parallels, Kyrgyz language, Siberian Turkic languages, vocabulary of Manas Epos

Yılmaz G. K.

The Classification of the Siberian Turkic Languages According to their Endangerment Level

Determination of endangerment or safety status of languages and what are the specific characteristics that make a language endangered or safe are the most recent agenda items in the field of sociolinguistics. Language endangerment scale enables determination of the endangered languages, implementation of appropriate measures at the right time and determination of urgency for documentation. Siberian varieties of Turkic language family represent a mixed picture since they are at various levels of language vitality by classifications at various scales.

Key words: language vitality, language endangerment, levels of language endangerment, Siberian Turkic languages

Kaskarakova Z. Ye.

Genus-species diversities of phytonyms in the Khakass language

In the article the main terms and notions of the vegetal world and also genus-species groups of plant names in the Khakass language are under consideration. The following genus-species groups are divided: trees, bushes, herbs, flowers, garden and grain crops, parts of a plant. All described phenomena are proved by factual material.

Key words: phytonym, phytonymic lexis, terms, notions, genus-species group, genus, species, family

Kyzlasov A. S.

About modern condition of the khakass language (on dialectal material)

In the article influence of dialectal environment upon formation of the Khakass spoken standard language is under consideration. In particular there is an analysis of narrowing causes of language environment at places of residence of native

speakers of Kyzyl and Kachin dialects. The results of questionnaire on some aspects of functioning of the Khakass language in dialectal environment are presented. Separate instants of the Kyzyls and Kachins' loss of native parlance are determined.

Key words: dialectal environment, questionnaire, survey, function of a language.

Tuguzhekova T. N.

Morphological traits of adjective *khyzyl* in the Khakass language

The paper deals with the usage of the colour adjective *khyzyl* in the Khakass language. It is the main word representing the concept "red" in this language. The author draws some conclusions on the morphological and semantic peculiarities of the word in question from the cognitive point of view.

Key words: the Khakass language, morphology, adjective, *khyzyl*

Sunchugashev R. D.

About results of the kachin linguistic expedition of khrillh

In the work the problems of the Kachin dialect of the Khakass language are described. The Kachins are a small numbered group of the Khakass living in Shirinsky, Ust-Abakansky, Ordzhonikidze, Beysky and Altay districts of the Republic of Khakassia. The article is presented modern data on the sociolinguistic situation of the kachin ethnic group.

Key words: the kachin dialect of the Khakas language, fieldwork, language situation, vocabulary, modern data

Chebochakova I. M.

About Turkic borrowings in the Russian language: through the example of some groups of lexis

The paper analyzes the issues related to the emergence and operation of Turkisms in Russian: socio-cultural conditions of borrowing from Turkic languages in Russian, their semantic features and transformation. Are considered separate groups Turkisms in Russian. Get a description of the Turkic, Khakass elements employed in the Russian-speaking population of the Republic of Khakassia.

Key words: Turkism, borrowing, vocabulary, Turkic languages, Russian, stylistic coloration, thematic groups, grammatical development

Chertykova M. D.

Variant relations of verbs of mental activity in the Khakass: functional equivalence

For the first time in Khakass linguistics is analyzed with the conceptual point of view,

one type of variant relations of verbs of mental activity - functional equivalence. Based on theoretical developments and conditions known to linguists in this field, the author offers basic criteria of commonality and distinction between the phenomena of functional equivalence from the phenomena of polysemy and synonymy.

Key words: Khakas language, verbs of mental activity, the variant relations, functional equivalents, polysemy, synonymy

Erdem M.

Optative Mood in Turkmen Turkish

Although in Turkmen Turkish many structures are used in optative mood, [-a,-e] suffix which is thought to have developed from [-gay,-gey] suffix from old Turkish, is the suffix that expresses a wish directly in principle. This suffix is used for the same function in Turkmen Turkish like in all Turkish dialects in Oguz group. On the other hand [-ayadi, -eyedi] structure which has a compound look, is basically the structure that is used for expressing wishes directly in Turkmen Turkish.

Key words: Turkmen Turkish, Grammar, Mood, Subjunctive mood, Optative mood

Kyzlasov A. S.

Pyotr Yegorovich Beloglazov is a researcher of the modern Khakass language

The article is written about researcher of the modern Khakass language P. Ye. Beloglazov. The main stages of biography and creative activity of the abovementioned author are under consideration in it. A brief list of the researcher's main scientific works and other kinds of his activity are given.

Key words: P. Ye. Beloglazov, researcher, the Khakass language, dictionaries, articles, monograph

Chebochakova I. M.

Radion Dmitrievich Sunchugashev is a researcher of Khakass toponymy

The article is devoted to the life and activity of modern researcher of Khakass toponymy R. D. Sunchugashev. In it there is basic information about steps of his life journey and the researcher's contribution into Khakass linguistics and Siberian Turkology is covered.

Key words: Radion Dmitrievich Sunchugashev, researcher, the Khakass language, toponymy

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боргоякова Тамара Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра этнокультурной стратегии образования Федерального института развития образования, г. Москва

Белоглазов Пётр Егорович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан

Гюзел Синан – преподаватель кафедры тюркологии, факультет социальных и гуманитарных наук Измирского Университета Катипа Челеби, Турция

Жумакунова Гульзура – профессор кафедры современных тюркских диалектов и литературы, факультет языка, истории и географии Анкарского университета, Турция

Йылмаз Килли Гюльсюм – доцент кафедры современных тюркских диалектов и литературы, факультет языка, истории и географии Анкарского университета, Турция

Каскаракова Зинаида Ефремовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан

Кызласов Артем Самуилович – кандидат филологических наук, заведующий сектором языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан

Сунчугашев Радион Дмитриевич – кандидат филологических наук, главный редактор автономного учреждения Республики Хакасия «Редакция газеты «Хабар», ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан

Тугужекова Тамара Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и теории языка Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Чебочакова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан

Чертыкова Мария Дмитриевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Мелек Эрдем – профессор кафедры современных тюркских диалектов и литературы, факультет языка, истории и географии Анкарского университета, Турция

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология, культурология;
- история, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки;
- история международных отношений и внешней политики;
- история и структура языка;
- языковые связи;
- литературоведение;
- фольклористика;
- персоналии.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10).

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п. л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков, объем информационных заметок и рецензий — 0,2 п. л.

Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал — 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;
- поля: сверху и снизу — 2 см, слева — 3, справа — 1,5 см.

Фамилия, имя, отчество автора и расположенный под ними заголовок должны быть написаны строчными буквами, жирным шрифтом и выровнены по центру страницы. Сведения об авторе размещаются под заголовком с правой стороны. Ниже следует аннотация с ключевыми словами на русском языке, под ними — фамилия, имя, отчество автора, заголовок, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Текст статьи начинается на этой же странице.

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21];
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру.

Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://www.haknii.ru>

Рукописи направлять по адресу: 655017, Абакан, Щетинкина, 23.

Редакция журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая».

E-mail: khaknaukal@mail.ru

Номер 2(10), 2015
Серия: Филология

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Компьютерная вёрстка: *Савинов И. Н.*

Подписано в печать 28.11.2015. Формат 60х90 1/8
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 2652.

Отпечатано: ООО «Знак», 660028, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21.
Тел./факс: (391) 246-09-42, 290-00-90.

